

Протопопъ АВВАКУМЪ

ЖИТИЕ

ЧЕЛОБИТНЫЯ КЪ ЦАРЮ

ПЕРЕПИСКА СЪ БОЯРЫНЕЙ МОРОЗОВОЙ

ПАРИЖЪ

1951

Складъ изданія :
LIBRAIRIE DES CINQ CONTINENTS
18, Rue de Lille
PARIS (VI)

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - АУГСБУРГ 2004

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ

*Аввакумъ протопопъ понуженъ бысть житіе свое написати инокомъ Епифаніемъ, — понежь отецъ ему духовной инокъ, — да не забвенію предано будетъ дѣло Божіе; и сего ради понуженъ бысть отцемъ духовнымъ на славу Христу Богу нашему. Аминь. *)*

Всесвятая Троице, Боже и Содѣтелю всего міра! поспеши и направи сердце мое начати с разумомъ и кончати дѣлы благими, аже нынѣ хошу глаголати азъ недостойный; разумѣя же свое невѣжество, припадая, молю Ти ся и еже от Тебя помощи прося: управи умъ мой и утверди сердце мое приготовитися на твореніе добрыхъ дѣлъ, да, добрыми дѣлы просвѣщенъ, на судище десныя Ти страны причастникъ буду со всѣми избранными Твоими. И нынѣ, Владыко, благослови, да, воздохнувь от сердца, и языкомъ возглаголю Діонисія Ареопагита о Божественныхъ именованъхъ, что есть Богу присносущныя имена истинныя, еже есть близостныя, и что виновныя, сирѣчь похвальныя. Сія суть сущіе: Сый, Свѣтъ, Истина, Животъ; только четьре свойственныхъ, а виновныхъ много; сія суть: Господь, Вседержитель, Непостижимъ, Непрístupенъ, Трисіаненъ, Трїипостасенъ, Царь славы; Непостояненъ, Огнь, Духъ, Богъ, и прочая потому разумѣвай.

**) Многострадальный юзникъ темничной, горемыка, нуждестерпецъ, исповѣдникъ Христовъ, священнопротопопъ Аввакумъ понуженъ бысть житіе свое написати отцемъ его духовнымъ, инокомъ Епифаніемъ, да не забвенію будетъ предано дѣло Божіе. Аминь.*

Поученіе преподобнаго отца нашего аввы Дорофея о любви. Потщитесь соединитися другъ другу: елико бо соединяется кто искреннему, толико соединяется Богови, и реку вамъ прикладъ от отца, да познаете силу слова.

Положи ми кругъ быти на земли, яко же начертаніе нѣкое обло, от прехожденія остна, глаголетжеся свойственнѣ остень, еже посреднее круга, даже до остна; положите убо умъ вашъ во глаголемое; сей кругъ разумѣйте ми быти міръ; самое же, еже посредѣ круга, — Бога; стезя же, яже от круга идущая и до среды путія, сирѣчь житія человѣческая, поелику убо входятъ святїи к средѣ, желающе приблизитися Богу, по равенству входа близъ бывають и Бога, и другъ другу, и елико приближаются другъ другу, приближаются и Богови. Такожде разумѣйте и отлученіе: егда бо оста-

Того-жь Діонисія о истиннѣ: себе бо отверженіе истинны испаденіе есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испаденіе сущаго отверженіе есть; от сущаго же Богъ спасти не можетъ, и еже не быти нѣсть.

Мы же речемъ: потеряли новолюбцы существо Божіе испаденіемъ от истиннаго Господа, Святаго и животворящаго Духа. По Діонисію: коли ужь истины испали, тутъ и сущаго отверглись. Богъ же от существа Своего спасти не можетъ, и еже не быти, нѣсть того въ Немъ: присносущенъ истинный Богъ нашъ. Лучше бы имъ в Символѣ вѣры не глаголати Господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсѣкати, в немъ же существо Божіе содержится. Мы же, правовѣрніи, обоя имена исповѣдаемъ: и в Духа Святаго, Господа, истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруемъ, со Отцемъ и Сыномъ поклоняемаго, за Него же стражемъ и умираемъ, помощію Его Владычнею. Тѣшитъ насъ Діонисій Ареопагитъ, въ книгѣ ево сице пишетъ: сей убо есть воистинну истинный христіанинъ, зане истинною разумѣвъ Христа, и тѣмъ богоразуміе стяжавъ, изступивъ убо себе, не сый в мірскомъ ихъ нравѣ и прелести, себя же вѣсть трезвящеса и изменена всякаго прелестнаго невѣрія, не токмо даже до смерти бѣдѣствующе истинны ради, но и невѣденіемъ скончающаяся всегда, разумомъ же живуще, и христіане суть свидѣтельствуемы. Сей Діонисій наученъ вѣре Христовѣ от Павла апостола, живой во Афинѣхъ, прежде, даже не пріятти в вѣру Христову, хитрость имыи ищитати бѣги небесныя; егда-жь вѣрова Христови, вся сія вмѣнихъ быти, яко уметы. Къ Титофею пишетъ в книге своей, сице глаголя: дитя, али не разумѣешь, яко вся сія внѣшняя блядь ничто же суть, но токмо прелестъ и тля и пагуба?

вятъ себе от Бога и возвратятся на внѣшняя, явѣ есть, яко елико исходятъ и удаляютъ себе от Бога, толико удаляются другъ от друга, и елико удаляются другъ от друга, толико удаляются и от Бога; се таково есть естество любви, посліку убо есмь внѣ и не любимъ Бога, потолику имамы отстояніе каждо ко искреннему. Аще ли же возлюбимъ Бога, елико приближаемся к Богу любовію, яже к Нему, толико соединѣваемся любовію к ближнему, и елико соединѣваемся искреннему, толико соединѣваемся Богу. Богъ да сподобитъ насъ послушати полезная намъ и творити я, а не гнѣватися другъ на друга, ниже яритися.

Богъ любви есть, и пребывая в любви в Бозѣ пребываетъ, и Богъ в немъ пребываетъ. Апостоль рече: сообщайся Богу прилѣжитъ и о братѣ; ненавидѣй брата чюждь Бога и жилище бѣсомъ. Богъ вселяется в любовнова челоуѣка чювствомъ небеснымъ, и таковое тѣло домъ Божій бываетъ. По святому Ефрему: а идѣже Господь Богъ, ту и чини святыхъ ангель служатъ Владыки; живемъ, братія, угодно Богу, да со ангелы Христоръ Богъ в насъ обитаетъ.

азъ проидохъ дѣломъ, и ничто-жъ обрѣтохъ, но токмо тщету. Чтѣй да разумѣеть. Ищитати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любви истинныя не пріяша, воеже спастися имъ; и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лести, воеже вѣровати имъ жи, да судъ примуть не вѣровавшии истиннѣ, но благоволиша о неправдѣ (Чти Апостоль, 275).

Сей Діонисій, еще не придохъ в вѣру Христову, со ученикомъ своимъ во время распятія Господня бывъ в солнечнемъ граде, и видѣвъ: солнце во тму преложиися и луна в кровь, звѣзды в полудне на небеси явились чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глагола: «или кончина вѣку приде, или Богъ Слово плотію стражеть»; понеже не по обычаю тварь видѣ изменену: и сего ради бысть в недоумѣніи. Той же Діонисій пишетъ о солнечнемъ знаменіи, когда затмится: есть на небеси пять звѣздъ заблудныхъ, еже именуются луны. Сіи луны Богъ положилъ не въ предѣлахъ, яко-жъ и прочіи звѣзды, но обтекають по всему небу, знаменіе творя или во гнѣвъ, или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звѣзда, еже есть луна, подтечетъ под солнце от запада и закроеть свѣтъ солнечный, то солнечное затменіе за гнѣвъ Божій к людямъ бываетъ. Егда-жъ бываетъ от востока луна подтекаетъ, то по обычаю шествіе творяще закрываетъ селнце.

А в нашей Росіи бысть затменіе: солнце затмилось въ 162 году, пред моромъ за мѣсяць или менши. Плыль Волгою рекою архіепископъ Симеонъ сибирской, и в полудне тма бысть перед Петровымъ днемъ недѣли за двѣ; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала. По Діонисію, являя Богъ гнѣвъ Свой к людямъ: в то время Никонъ отступникъ вѣру казиль и законы церковныя, и сего ради Богъ изліяль фіалъ гнѣва ярости Своея на Рускую землю; зѣло моръ великъ былъ, нѣколи еще забыть, вси пом-

Аще криво живу, исправте мя; аще по воли Божіи, благодать Богу о неісповѣдимѣмъ Его дарѣ. Вотъ вамъ, питомникамъ церковнымъ, предлагаю житіе свое отъ юности и до лѣтъ нятъдесять пяти годовъ. (1675-1676) Авва Дорофей описалъ же свое житіе ученикамъ своимъ, понуждая ихъ на таяжде, поученіе 4, листъ 49; и я такожде, убѣждая вашу любовь о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, сказываю вамъ дѣмая мною, непотребнымъ рабомъ Божиимъ о святѣмъ Дусѣ со Отцемъ и Сыномъ. Богу благодареніе во вѣки.

Вотъ гебѣ, чадо мое возлюбленное, книга живота вѣчнаго; поминай мя в молитвахъ своихъ и старца не забывай Епифанія. Я писалъ, а онъ мнѣ молитвами помогаль; над всѣмъ же симъ, благословить тя Господь и Марію твою Пименовну, и чада вашихъ, и снохъ, и внучатокъ, и сродниковъ, и знаемыхъ, и други, и другия, и вся васъ любящія; еще еже да будетъ всякъ, благословляяй тя,

нимъ. Потомъ, минувъ годовъ с четырнатцеть, вдругорядъ солнцу затменіе было; в Петровъ постъ, въ пятокъ, в часть шестый тма бысть; солнце померче, луна подтекла от запада же, гнѣвъ Божій являя: и протопопа Аввакума, бѣднаго горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угрѣше в темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣеть, что дѣлается въ земли нашей за нестроение церковное. Говорить о томъ полно; въ день вѣка познано будетъ всѣми; потерпимъ до тѣхъ мѣеть.

Той же Діонисій пишетъ о знаменіи солнца, како бысть при Ісусѣ Наввинѣ во Израили. Егда Ісусъ секій иноплеменики, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полдняхъ, ста Ісусъ крестообразно, сирѣчь разпростре руке свои, и ста солнечное теченіе, донеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сирѣчь назадъ отбѣжало, и паке потече, и бысть во дни томъ и въ ноци тридесеть четырьъ часа, понеже въ десятый часъ отбѣжало, такъ в суткахъ десять часовъ прибыло. И при Езекин царѣ бысть знаменіе: оттече солнце вспять во вторыйнадесять часъ дня, и бысть во дни и в ноци тридесать шесть часовъ. Чти книгу Діонисіеву, тамъ пространно уразумѣешь.

Онъ же Діонисій пишетъ о небесныхъ силахъ, росписуетъ, возвѣщая, како хвалу приносятъ Богу, раздѣляяся деветь чиновъ на три троицы. Престоли, херувими и серафими освященіе от Бога приѣмлють и сице восклицаютъ: благословенна слава от мѣста Господня! И чрезъ ихъ преходить освященіе на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сія троица, словослова Бога, восклицаютъ: аллилуія, аллилуія, аллилуія! По алфавиту, а ѡ Отцу, и ѡ Сыну, у і ѡ Духу Святому. Григорій Нискій толкуеть: аллилуія — рѣчь, хвала Богу; а Василиій Великій пишетъ: аллилуія — ангельская рѣчь, человѣчески рещи: слава Тебѣ, Боже! До Василія пояху во церкви ангельскія рѣчи: аллилуія, аллилуія, аллилуія! Егда же

благословенъ, и проклинаяй ты — проклять; и да подасть ти Господь от влаги земныя и отъ росы небесныя свыше, и множа да умножитъ в дому твоёмъ всякія красоты и благодати, и да ясте ветхая ветхихъ, и ветхая от лица новыхъ изрините, сирѣчь всего изобильно и с остатками; дай вамъ, Господи, и хлѣба, и мяса, и рыбы; от женъ да ядятъ сія хлѣбы священныя. Виждь, архіерей сестру чистоту и еросу назнаменована, и ясти брашно священническо пѣвелъ по нуждѣ алчущимъ отрокомъ Давидовымъ. Давидъ же яде, благодаря, яко попъ. Колми же нынѣшняя наша нужда належитъ ходящимъ спастися, нужно намъ таинство то получить истинное, а прочія тайны мощно и простолюдину совершить. Есть и писано: не всѣхъ рукополагаетъ Духъ Святой, но всѣми дѣйствуетъ о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (Третья редакция).

бысть Василій, и повелѣ пѣти двѣ ангельскія рѣчи, а третью, чедовѣческую, сице: аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василя; трижды воспѣвающе, со ангелы славимъ Бога, а не четырки, по римской бляди; мерско Богу четверичное воспѣваніе сицевое: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! Да будетъ проклятъ сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третья троица, силы, архангелы, ангелы, чрезъ среднюю троицу освященіе приѣмля, поють: святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ, исполнь небо и земля славы Его! Зри: тричислено и сіе воспѣваніе. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуіи, явилася ученику Ефросина Псковскаго, именемъ Василю. Велика во аллилуіи хвала Богу, а отъ зломудръствующихъ досада велика, — поримски Святую Троицу в четверицу глаголють, Духу и от Сына исхожденіе являютъ; зло и проклято се мудрованіе Богомъ и святыми. Правовѣрныхъ избави Боже сего начинанія злаго, о Христѣ Ісусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣбовъ. Аминь.

Аѳанасій великій рече: иже хочетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати кафолическая вѣра, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдаетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣки погибнетъ. Вѣра жъ кафолическая сія есть, да единого Бога в Троицѣ и Троицу во единице почитаемъ, ниже сливающе составы, ниже раздѣляюще существо; инъ бо есть составъ Отець, инъ — Сыновень; инъ — Святаго Духа; но Отчее и Сыновнее, и Святаго Духа едино Божество, равна слава, соприсносущно величество; яковъ Отець, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святыи; вѣченъ Отець, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святыи; не созданъ Отець, не созданъ Сынъ, не созданъ и Духъ Святыи; Богъ Отець, Богъ Сынъ, Богъ и Духъ Святыи не три бози, но единъ Богъ; не три несозданія, но единъ несозданныи, единъ вѣчный. Подобне: вседержитель Отець, вседержитель Сынъ, вседержитель и Духъ Святыи. Равнѣ: непостижимъ Отець, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святыи. Обаче не три вседержители, но единъ вседержитель; не три непостижиміи, но единъ непостижимый, единъ пресущный. И в сей святѣй Троице ничтоже первое или послѣднее, ничтоже более или мѣне, но целы три составы и соприсносущны суть себѣ равны. Особно бо есть Отцу нерожденіе, Сыну же рожденіе, а Духу Святому исхожденіе: обще же имъ Божество и царство. (Нужно бо есть побесѣдовати и о вочеловѣченіи Бога Слова к вашему спасенію). За благодать щедротъ излія Себе от Отческихъ

нѣдръ Сынъ-Слово Божіе в Дѣву чисту Богоотроковицу, егда время наставало, воплотився от Духа Свята и Маріи Дѣвы вочеловѣчився, насъ ради пострадалъ, и воскресе въ третій день, и на небо вознесся, и сѣде одесную величествія на высокихъ и хоцетъ наки пріити судити и воздати комуждо по дѣломъ его, Его же царствію нѣсть конца. И сіе смотреніе въ Бозѣ бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися. (Совѣтъ Отець). Рече Отець Сынови: сотворимъ челоуѣка по образу Нашему и по подобію. И отвѣща другій: сотворимъ, Отче, и преступитъ бо. И паке рече: о, единородный Мой! о, свѣте Мой! о, Сыне и Слове! о, сіяніе славы Моея! аще промышляеши созданиемъ Своимъ, подобаеть Ти облещися въ тлимаго челоуѣка, подобаеть Ти по земли ходити, плоть воспріяти, пострадати и вся совершити. И отвѣща другій: буди, Отче, воля Твоя! И по семъ создася Адамъ. Аще хоцещи пространно разумѣти, чти Маргаритъ: Слово о вочеловѣченіи; тамо обрящещи. Азъ кратко помянуль, смотреніе показуя, Сице всякъ вѣруяй в Онъ не постыдится, а не вѣруяй осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ, по вышереченному Аванасію. Сице азъ, протопопъ Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдаю, с симъ живу и умираю.

Рожденіе же мое в Нижегородскихъ предѣлахъ, за Будимою рекою, в селѣ Григоровѣ. Отець ми бысть священникъ Петръ, мати — Марія, инока Марѳа. Отецъ же мой прилежаше питія хмельнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божію. Азъ же нѣкогда видѣвъ у сосѣда скотину умершу, и той ноци, возставше, предъ образомъ плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть; и с тѣхъ мѣстъ обыкохъ по вся ноци молится. Потомъ мати моя овдовѣла, а я осиротѣлъ молодъ, и от своихъ соплеменникъ во изгнаніи быхомъ. Изволила мати меня женить. Азъ же Пресвятѣй Богородице молихся, да дасть ми жену помощницу ко спасенію. И в томъ же селѣ девица, сиротина-жь, безпрестанно обыкла ходитъ во церковь, — имя ей Анастасія. Отець ея былъ кузнецъ, именемъ Марко, богатъ гораздо; а егда умре, послѣ ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и жоляшеся Богу, да же сочетается за меня совокупленіемъ брачнымъ; и бысть, по воли Божіи, тако. Посемъ мати моя отъиде к Богу в подвиже велице. Азъ же от изгнанія преселихся во ино мѣсто. Рукоположенъ во діаконы двадесяти лѣтъ

з годомъ, и по дву лѣтахъ в попы поставленъ; живой в попѣхъ осмь лѣтъ, и потомъ совершенъ в протопопы православными епископы, — тому двадесеть лѣтъ минуло; и всего тридесять лѣтъ, какъ имѣю священство.

А егда въ попахъ былъ, тогда имѣлъ у себя дѣтей духовныхъ много, — по се время сотъ с пять или с шесть будетъ. Не почивая, азъ, грѣшный, прилежа во церквахъ, и в домѣхъ и на распутяхъ, по градомъ и селамъ, еще же и в царствующемъ градѣ, и в странѣ Сибирьской проповѣдуя и уча слову Божию, — годовъ будетъ тому с полтретьятцеть.

Егда еще былъ в попѣхъ, приидѣ ко мнѣ исповѣдатися дѣвица, многими грѣхми обремененна, блудному дѣлу и малакии всякой повинна; нача мнѣ, плакавшеся, подробну возвѣщати во церкви предѣ Евангеліемъ стоя. Азъ же, трекокаанный врачъ, самъ разболѣлся, внутрь жгомъ огнемъ блуднымъ, и горко мнѣ бысть в той часъ: зажегъ три свѣщи и прилепилъ к налою, и возложилъ руку правую на пламя, и держалъ донеже во мнѣ угасло злое разженіе, и, отпустя дѣвицу, сложя ризы, помоляся, пошелъ в домъ свой зѣло скорбенъ. Время же яко полнощи, и пришедъ во свою избу, плакався предѣ образомъ Господнимъ, яко и очи опухли, и моляся прилѣжно, да же отлучитъ мя Богъ от детей духовныхъ: помеже бремя тяшко, неудобъ носимо. И падохъ на землю на лица своемъ, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вѣмъ, какъ плачу; а очи сердечниі при реке Волге. Вижу: плвуть стройно два корабля златы, и весла на нихъ златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на нихъ сидѣльцовъ. И я спросилъ: «чье корабли?» И онѣ отвѣщали: «Лукинъ и Лаврентіевъ». Сіи быша ми духовныя дѣти, меня и домъ мой наставили на путь спасенія, и скончались богоугодне. А се потомъ вижу третей корабль, не златомъ украшенъ, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, — его же умъ чловѣчь не вмести красоты его и доброты; юноша свѣтель, на кормѣ сидя, править; бежитъ ко мнѣ из-за Волги, яко пожрати мя хочетъ. И я вскричалъ: «чей корабль?— И сидяй на немъ отвѣщаль: «твой корабль! на, плавай на немъ з женою и детми, коли докучаешь!» И я вострепетахъ, и слѣдше разсуждаю: что се видимое? и что будетъ плаваніе?

А се по мале времени, по писанному, объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обрѣтоша мя: скорбь и болѣзнь обрѣтохъ. У вдовы началникъ отнялъ дочь, и азъ молихъ его, да же сиротину возвратитъ к мате-

ри: и онъ, презрѣвъ моленіе наше, и воздвигъ на мя бурю, и у церкви, пришедъ сонмомъ, до смерти меня задавили. И азъ лежа мертвъ полчаса и болши, и паки оживе Божіимъ мановеніемъ. И онъ, устращася, отступилъ мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ ево дьяволъ: пришедъ во церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ в ризахъ, а я молитву говорю в то время.

Таже инъ начальникъ, во ино время, на мя разсвирепѣлъ, — прибѣжалъ ко мнѣ в домъ, бивъ меня, и у руки огрызъ персты, яко песь, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустилъ из зубовъ своихъ и, покиня меня, пошелъ в домъ свой. Азъ же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ к вечернѣ. И егда шель путемъ, наскочилъ на меня онъ же паки со двема малыми пищальми и, близъ меня бывъ, запалилъ ись пистоли, и, Божіею волею, на полкѣ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрелила. Онъ же, бросилъ ея на землю, и из другія паки запалилъ такъ же, и Божія воля учинила такъ же, — и та пищаль не стрелила. Азъ же прилѣжно, идучи, молюсь Богу, одиною рукою осенилъ ево и поклонился ему. Онъ меня лаетъ; а я ему реклъ: «благодать во устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родионовичъ, да будетъ!»*) Посемъ дворъ у меня отнялъ, а меня выбилъ, всего ограбя, и на дорогу хлѣба не далъ.

В то же время родился сынъ мой Прокопей, который сидитъ с матерью в землѣ закопанъ. Азъ же, взявъ влюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же Богъ наставитъ, и на пути крестили, яко же Филиппъ каженика древле. Егда жъ азъ прибрелъ к Москвѣ, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану, они же обо мнѣ царю извѣстиша, и государь меня почалъ с тѣхъ мѣсть знати. Отцы же з грамотою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащилъся: ано и стѣны разорены моихъ храминъ. И я паки позавелся; а дьяволъ и паки воздвигъ на меня бурю. Придоша в село мое плясовые медвѣди з бубнами и з домрами: и я, грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ, и ухаи и бубны изломалъ на поле единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ стнялъ, — одново ушибъ, и паки ожилъ, а другова отпустилъ в поле. И за сіе меня Василей Петровичъ Шереметевъ, плувучи Волгою в Казань на воеводство, взявъ на судно, и браня много, велѣлъ благословить сына своево Матфея бритобратца. Азъ же не благословилъ, но от Писанія ево и порицалъ, видя

*) Сердитовалъ на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; такъ ему было досадно.

(Вторая редакция).

блудолюбный образъ. Бояринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали. А опослѣ учинились добры до меня: у царя на сѣняхъ со мною прощались; а брату моему меньшому боярону Васильева и дочь духовная была. Такъ-то Богъ строитъ своя люди!

На первое возвратимся. Таже инъ начальникъ на мя разсвирѣпель: пріехавъ с людьми ко двору моему, стрелялъ из луковъ и ис пищалей с приступомъ. А азъ в то время, запершися, молился съ воплемъ ко Владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же вѣси судбами!» И побѣжалъ от двора, гонимъ Святымъ Духомъ. Таже в ночь ту побѣжали от него и зовуть меня со многими слезами: «батюшко государь! Евѡимей Стефановичъ при кончинѣ, и кричитъ неудобно, бьетъ себя и охаеъ, а самъ говоритъ: дайте мнѣ батка Аввакума! за него Богъ меня наказуетъ!» И я чаялъ, меня обманываютъ; ужасеся духъ мой во мнѣ. А се помолилъ Бога сице: «Ты, Господи, изведый мя из чрева матере моея и от небытія в бытіе мя устроилъ! Аще меня задумашъ, и Ты причти мя с Филипомъ и митрополитомъ московскимъ; аще зарѣжутъ, и Ты причти меня з Захаріею пророкомъ; а буде в воду посадятъ, и Ты, яко Стефана пермьскаго, свободишь мя!» И моляся, поехалъ в домъ к нему Евѡимію. Егда-жъ привезоша мя на дворъ, выбѣжала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говоритъ: «поди-тко, государь нашъ батюшко, поди-тко, свѣтъ нашъ кормилецъ!» И я сопротивъ того: «чюдно! давеча былъ блядинъ сынъ, а топерва: батюшко! Болшо у Христа-тово остра шелепуга-та: скоро повинилъся мужъ твой!» Ввела меня в горницу. Вскочилъ с перины Евѡимей, палъ пред ногама моима, вопить неизреченно: «прости, государь, согрѣшилъ пред Богомъ и пред тобою!» А самъ дрожить весь. И я ему сопротиво: «хощеши ли впредь цель быти?» Онъ же, лежа, отвѣща: «ей, честный отче!» И я рекъ: «востани! Богъ простить тя!» Онъ же, наказанъ гораздо, не могъ самъ востати. И я поднялъ, и положилъ ево на постелю, и исповѣдалъ, и масломъ священнымъ помазалъ, и бысть здравъ. Такъ Христось изволилъ. И на утро отпустилъ меня честно в домъ мой, и з женою быша ми дѣти духовныя, изрядныя раби Христовы. Такъ-то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

Помале паки инѣи изгнаша мя от мѣста того вдругорядъ. Азъ же сволокся к Москвѣ и, Божіею волею, государь меня велѣлъ в протопопы поставить въ Юрьевецъ-Повольской. И тутъ пожилъ немного, — только осмь недѣль: дьяволъ научилъ поповъ и мужиковъ и бабъ, —

пришли к патриархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и, вытща меня ис приказа собраніемъ, — человекѣвъ с тысящу и с полторы ихъ было, — среди улицы били батошьемъ и топтали; и бабы были с рычагами. Грѣхъ ради моихъ, замертва убили и бросили под избной уголь. Воевода с пушкарями прибѣжали, и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ, и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ от блудни, вопятъ: «убить вора, блядина сына, да и тѣло собакамъ в ровъ кинемъ!» Азъ же, отдохня, в третьей день ночью, покиня жену и дѣти, по Волге самъ-третьей ушелъ к Москвѣ. На Кострому прибѣжалъ, — ано и тутъ протопопа-жъ Данила изгнали. Охъ, горе! вездѣ от дьявола житья нѣтъ! Прибрелъ к Москвѣ, духовнику Стефану показался; и онъ на меня учинилъся печалень: на што-де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе! Царь пришелъ к духовнику благословитца ночью; меня увидель тутъ; опять кручина: на што-де городъ покинулъ? — А жена и дѣти и домочадцы, человекѣвъ з дватцетъ, в Юрьевце остались: невѣдомо — живы, невѣдомо — прибиты! Тутъ паки горе.

Посемъ Никонъ, другъ нашъ, привезъ ис Соловковъ Филиппа митрополита. А прежде его приезде Стефанъ духовникъ моля Бога и постяся седмицу з братьею, — и я с ними тутъ же, — о патриархѣ, да же дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ, и с митрополитомъ казанскимъ Корнилиемъ, написавъ челобитную за руками, подали царю и царицѣ — о духовнике Стефанѣ, чтобъ ему быть в патриархахъ. Онъ же не восхотѣлъ самъ, и указалъ на Никона митрополита. Царь ево и послушалъ, и пишетъ к нему посланіе навстрѣчу: Преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолукскому и всеа Русіи радоватися, и прочая. Егда-жъ приехалъ, с нами, яко лисъ: челомя да здорово. Вѣдаетъ, что быть ему в патриархахъ, и чтобы откуля помѣшка какова не учинилась. Много о тѣхъ козняхъ говорить! Егда поставили патриархомъ, такъ друзей не сталь и в крестовую пускать! А се и ядъ отрыгнулъ. В постъ великой прислалъ память х Казаньской к Неронову Иванну. А мнѣ отецъ духовной былъ; я у него все и жилъ в церквѣ: егда куды отлучится, ино я вѣдаю церковь. И к мѣсту, говорили, на дворецъ к Спасу, на Силюно покойника мѣсто; да Богъ не изволилъ. А се и у меня радѣніе худо было. Любо мнѣ, у Казаньскіе тое держалъ, чель народу книги. Много людей приходило. — В памяти Никонъ пишетъ: Годъ и число. По преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, не подобаетъ во церкви метанія творити на колѣну, но в

поясъ бы вамъ творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились. — Мы же задумалися, сошедшеся между собою: видимъ, яко зима хочетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь; а самъ единъ скрылся в Чюдовъ, — седмицу в полатке молился. И тамъ ему от образа гласъ бысть во время молитвы: время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати! Онъ же мнѣ, плачючи, сказалъ; таже коломенъскому епископу Павлу, его же Никонъ напоследокъ огнемъ жжегъ в новгородскихъ предѣлахъ; потомъ — Данилу, костромскому протопопу; таже сказалъ и всей братье. Мы же з Даниломъ, написавъ ис книгъ выписки о сложеніи персть и о поклонехъ, и подали государю; много писано было; онъ же не вѣмъ, гдѣ скрылъ ихъ; мнитмися, Никону отдалъ.

Послѣ тово вскорѣ схватавъ Никонъ Данила, в монастырѣ, за Тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и содравъ однарятку, ругая, отвелъ в Чюдовъ в хлѣбню и, муча много, сослалъ в Астрахань. Венець терновъ на главу ему тамъ возложили, в земляной тюрьмѣ и уморили. Послѣ Данилова стриженія взяли другога, темниковскаго Данила-жъ протопопа, и посадили в монастырѣ у Спаса на Новомъ. Таже протопопа Неронова Иванна — в церквѣ скуфью снялъ и посадилъ в Симанове монастырѣ, опослѣ сослалъ на Вологду, в Спасовъ Каменной монастырь, потомъ в Колской острогъ. А напоследокъ, по многомъ страданіи, изнемогъ бѣдной, — принялъ три перста, да такъ и умеръ. Охъ, горе! всякъ, мняйся, стоя, да блюдется, да ся не падеть! Люто время, по реченному Господемъ, аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя. Зѣло надобно крѣпко молитися Богу, да спасеть и помилуетъ насъ, яко благъ и человекѣлюбець.

Таже меня взяли от всенощнаго Борисъ Нелединской со стрелцами; человекъ со мною с шестьдесятъ взяли: ихъ в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворѣ на чепь посадили ночью. Егда-жъ разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на тѣлегу и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, и тутъ на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидѣлъ три дни, ни елъ, ни пилъ; во тмѣ сидя, кланялся на чепи, не знаю — на востокъ, не знаю — на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я в третій день приальченъ, — сирѣчь есть захотѣлъ, — и послѣ вечерни ста предо мною невѣмъ — ангель, не вѣмъ — человекъ, и по се время не знаю, токмо в потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, с чепью к лавке привелъ и посадилъ, и лошку в руки далъ, и хлѣбца

немношко и штець далъ похлѣбать, — збѣло прикусны, хороши! — и рекль мнѣ: «полно, довлѣеть ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только человекъ; а что жъ ангель? ино нѣчему дивитца — вездѣ ему не загорожено. На утро архимарить з братьею пришли и вывели меня; жуютъ мнѣ, что патриарху не покорился: а я от писанія ево браню и лаю. Сняли болшую чепь, да малую наложили. Отдали черницу под началь, велѣли волочить в церковь. У церкви за волосы дерутъ, и под бока толкаютъ, и за чепь трогаютъ, и в глаза плюютъ. Богъ ихъ проститъ в сій вѣкъ и в будущій: не ихъ дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я четыре недѣли.*)

В то время послѣ меня взяли Логина, протопопа муромскаго: в соборной церкви, при царѣ, остригъ в обѣдню. — Во время переноса снялъ патриархъ со главы у архидьякона дискось и поставилъ на престоль с тѣломъ Христовымъ; а с чашею архимарить чудовской Ферапонтъ внѣ олтара, при дверехъ царскихъ стоялъ. Увы разсвѣченія тѣла Христова, пуши жидовскаго дѣйства! — Остригше, содрали с него однарятку и кафтанъ. Логинъ же разжегся ревностію Божественнаго огня, Никона порицая, и чрезъ порогъ в олтарь в глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросилъ; чудно, растопоряся рубашка и покрыла на престолѣ дискось, бытто воздухъ. А в то время и царица в церквѣ была. На Логина возложили чепь и, таща ис церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря, и кинули в полагку нагова, и стрельцовъ на карауле поставили накрѣпко стоять. Ему-жъ Богъ в ту ночь далъ шубу новую да шапку; и на утро Никону сказали; и онъ разсмѣявся, говорить: «знаю-су я пустосвятовъ тѣхъ!» — и шапку у него отнял, а шубу ему оставилъ.

Посемъ паки меня из монастыря водили цѣшева на патриарховъ дворъ, также руки ростяня, и, стязався много со мною, паки также отвели. Таже в Никитинъ день ходъ со кресты, а меня паки на телѣгс везли противъ крестовъ. И привезли к соборной церквѣ стричъ, и держали в обѣдню на пороге долго. Государь с мѣста сошелъ и, приступя

*) Тутъ же в церкви у нихъ былъ нашъ братъ подначальном ис Хамовниковъ, пьянства ради, предавъ бѣсомъ, и гораздо бѣдился, томимъ от бѣсовъ. Азь же зжалихся грѣшнымъ об немъ: в обѣдню стоя на чепи, Христа-свѣта и Пречистую Богородицу помолилъ, чтобъ ево избавили от бѣсовъ. Господь же ево бѣднава и простилъ, бѣсовъ отгналъ. Онъ же цѣлоумень сталъ, заплакавъ, и ко мнѣ поклонился до земли; я ему заказалъ, чтобъ про меня не сказалъ никому; людіе же не догадались о семъ, учили звонить и молебень пѣть. (Третья редакция).

к патриарху, упрости. Не стригше, отвели в Сибирской приказъ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что нынѣ стражетъ же по Христѣ, старецъ Саватей, сидитъ на Новомъ, в земляной же тюрьмѣ. Спаси ево, Господи! и тогда мнѣ дѣлалъ добро.

Таже послали меня в Сибирь з женою и дѣтми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, развѣ малая часть помянуть. Протопопица младенца родила: болную в телѣге и повезли до Tobolska; три тысящи верстѣ недѣль с тринадцеть волокли телѣгами и водою, и санми половину пути.

Архіепископъ в Tobolske к мѣсту устроилъ меня. Тутъ у церкви великія беды постигоша меня: в полтара годы пять словъ государевыхъ сказывали на меня, и единъ нѣкто, архіепископля двора дьякъ Иванъ Струна, тотъ и душею моею потрясъ. Съехалъ архіепископъ к Москвѣ, а онъ без нево, дьявольскимъ наученіемъ, напалъ на мѣня: церкви моя дьяка Антонія мучить напрасно захотѣлъ. Онъ же Антонъ утече у него и прибѣжалъ во церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався с людми, во ивъ день приде ко мнѣ в церковь, — а я вечерню пою, — и въскочилъ въ церковь, ухватилъ Антона на крыло за бороду. А я в то время двери церковныя затворилъ и замкнулъ, и никою не пустилъ, — одинъ онъ Струна в церквѣ вертится, что бѣсъ. И я, покиня вечерню, с Антономъ посадилъ ево среди церкви на полу и за церковной мятежъ постегалъ ево ремнемъ парочитотакы; а прочіи, человекъ з дватцеть, вси побѣгоша, гоними Духомъ Святымъ. И покаяніе от Струны принявъ, паки отпустилъ ево к себѣ. Сродницы же Струнины, попы и черницы, весь возмутили градъ, да како меня погубятъ. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И Божіимъ страхомъ отгнани быша и побѣгоша вспять. Мучился я с мѣсяць, от нихъ бѣгаючи втай; иное въ церквѣ начую, иное к воеводѣ уйду, а иное в тюрьму просился, — ино не пустятъ. *) Провожалъ меня много Матфей Ломковъ, иже и Митрофанъ именуемъ в чернцахъ, — опослѣ на Москвѣ у Павла митрополита ризничимъ былъ, в соборной церкви з дьякономъ Аѳонасьемъ меня стригъ; тогда добръ былъ; а нынѣ дьяволь ево поглотилъ. Потомъ пріехалъ архіепископъ с Москвы и правильною

*) Мучился я, от нихъ бѣгаючи с мѣсяць тайно; иное в церквѣ начую, иное уйду к воеводѣ. Княгиня меня в сундукъ посылала: «я-де, батюшка, над тобою сяду, какъ де придуть тебя искать к намъ». И всевода от нихъ мятежниковъ боялся, лишю плачетъ, на меня глядя. Я уже и в тюрьму просился, — ино не пустятъ. Таково то время было. (Третья редакция).

виною ево, Струну, на чепь посадить за сіе: нѣкій человекъ з дочерью кровосмѣшеніе сотворилъ, а онъ, Струна, полтину възявъ и, не наказавъ мужика, отпустилъ. И владыка ево сковать приказалъ, и мое дѣло тутъ же помянулъ. Онъ же, Струна, ушелъ к воеводамъ в приказъ и сказалъ «слово и дѣло государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну боярскому лучшему, Петру Бекѣтову, за приставъ. Увы, погибель на дворъ Петру пришла. Еще же и душе моей горе тутъ есть. Подумавъ архіепископъ со мною, по правиламъ, за вину кровосмѣшенія сталъ Струну проклинать в недѣлю Православія в церквѣ болшой. Той же Бекѣтовъ Петръ, пришедъ в церковь, браня архіепископа и меня, и в той часъ ис церкви пошедъ, взбѣсилъся, ко двору своему идучи, и умре горкою смертію злѣ. И мы со владыкою приказали тѣло ево среди улицы собакамъ бросить, да же граждане оплачють согрешеніе его. А сами три дни прилѣжне стужали Божеству, да же в день вѣка отпустится ему. Жалѣя Струны, такову себѣ пагубу пріялъ. И по трехъ днехъ владыка и мы сами честнѣ тѣло его погребли. Полно тово пльачевова дѣла говорить.

Посемъ указъ пришелъ: велено меня ис Тобольска на Лѣну вывести за сіе, что брано от писанія и укоряю ересь Никонову. В таже времена пришла ко мнѣ с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху, а оба умерли в моръ и з женами и з дѣтми; и многія друзья и сродники померли. Измѣялъ Богъ на царство фіялъ гнѣва Своего! Да не узнались горюны однако, — церковью мятуть. Говорилъ тогда и сказывалъ Нероновъ царю три пагубы за церковной расколъ: моръ, мечъ, разделеніе; то и збылось во дни наша нынѣ. Но милостивъ Господь: наказавъ, покаянія ради и помилуетъ насъ, прогнавъ болѣзнь душъ нашихъ и телесъ, и тишину подастъ. Уповаю и надѣюся на Христа; ожидаю милосердія Его и чаю воскресенія мертвымъ.

Таже сѣлъ опять на лорабль свой, еже и показанъ ми, что выше сего рекохъ, — поехалъ на Лѣну. А какъ пріехалъ въ Енисейской, другой указъ пришелъ: велено в Дауры вести — дватцеть тысячъ и болши будетъ от Москвы. И отдали меня Аеонасью Пашкову в полкъ, — людей с нимъ было 600 человекъ; и грѣхъ ради моихъ суровъ человекъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучить, и бьетъ. И я ево много уговаривалъ, да и самъ в руки попалъ. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали изъ Енисейска, каеъ будемъ в большой Тунгуске рекѣ, в воду загрузило бурей дощеникъ мой совѣмъ: налилсь среди реки полонъ воды, и парусъ изорвало, — одны полубы над водою, а

то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робятъ кое-какъ вытаскала, простоволоса ходя. А я на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божіею волею прибило к берегу насъ. Много о томъ говорить! На другомъ дощенике двухъ человекъ сорвало, и утонули в водѣ. Посемъ, оправяся на берегу, и опять поехали впрѣдь.

Егда приехали на Шаманьской пороги, на встрѣчу приплыли люди иные к намъ, а с ними двѣ вдовы, — одна лѣтъ въ 60, а другая и болши: пловать постричься в монастырь. А онъ, Пашковъ, сталъ ихъ ворочать и хотеть замужъ отдать. И я ему сталъ говорить: «по правиламъ не подобаеъ таковыхъ замужъ давать». И чемъ бы ему, послушавъ меня, и вдовъ отпустить, а онъ вздумалъ мучить меня, осердясь. На другомъ, Долгомъ, пороге сталъ меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеникъ худо идетъ! еретики-де ты! поди-де по горамъ, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменной, яко стена стоитъ, и поглядѣть — заломя голову! В горахъ тѣхъ обрѣтаются змеи великіе; в нихъ же витають гуси и утицы, — періе красное, — вороны черныя, а галки сѣрыя; в тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и кречаты, и курята индѣйскіе, и бабы, и лебеди, и иные дикіе, — многое множество, — птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляють звѣри многіе дикіе: козы и олени, зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе, — во очію нашу; а взять нельзя! На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ, со звѣрми и со зміями, и со птицами витать. И азъ ему малое писанейце написалъ, сице начало: «Человѣче! убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающаго въ безны, Ело же трепещуть небесыя силы и вся тварь со человекъ, единъ ты презираешъ и неудобство покажешь», — и прочая; тамъ многожько писано; и послалъ к нему. А се бегутъ человекъ с пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали к нему, — версты три от него стоялъ. Я ка закамъ каши наварилъ, да кормлю ихъ; и онѣ бѣдныя и едятъ и дрожатъ, а иные глядя плачють на меня, жалѣють по мнѣ. Привели дощеникъ: взяли меня палачи, привели перед него. Онъ со шнагою стоитъ и дрожить; началъ мнѣ говорить: «попъ ли ты, или роспопъ?» И азъ отвѣщаль: «азъ есмь Аввакумъ протопопъ; говори, что тебѣ дѣло до меня?» Онъ же рыкнулъ, яко дивій звѣрь, и ударилъ меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и збилъ меня с ногъ и чеканъ ухватя, лежачева по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ семьдесятъ два удара кнутомъ. А я говорю: «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ!» Да то-жь, да то-жь безпрестанно говорю. Такъ горко ему, что

не говорю: «пощади!» Ко всякому удару молитву говорилъ, да осреди побой вскричалъ я ему: «полно бить-тово!» Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолылъ ему: «за что ты меня бьешь? вѣдаешь ли?» И онъ паки велѣлъ бить по бокамъ, и отпустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ меня въ казенной дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги, и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шелъ, всю ночь подъ капелію лежалъ. Какъ били, такъ не болно было с молитвою тою; а, лежа, на умъ взбрело: «за что Ты, Сыне Божій, попустилъ меня ему таково болно убить тому? Я вѣтъ за вдовы Твои сталъ! Кто дастъ судію между мною и Тобою? Когда воровалъ, и Ты меня такъ не оскорблялъ; а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ!» Бытто добрый чело-вѣкъ! — другой фарисѣй з говенною рожею, — со Владыкою судитца захотѣлъ! Аще Іевъ и говорилъ такъ; да онъ праведенъ, непороченъ, а се и писанія не разумѣлъ, внѣ закона, во странѣ варварстѣй, от твари Бога позналъ. А я первое — грѣшенъ, второе — на законѣ почиваю и писаніемъ отвсюду подкрепляемъ, яко многими скорбями подобаетъ намъ внити во царство небесное, а на такое безуміе пришелъ! Увы мнѣ! Какъ дощеникъ-отъ в воду-ту не погрязъ со мною? Стало у меня в тѣ поры кости-те щемить и жилы-тѣ тянуть, и сердце зашло, да и умирать сталъ. Воды мнѣ в ротъ плеснули, такъ вздохнулъ да покаялся предъ Владыкою, и Господь-свѣтъ милостивъ: не поминаетъ нашихъ беззаконій первыхъ покаянія ради; и опять не стало ништо болѣть.

Наутро кинули меня в лотку и напредъ повезли. Егда пріехали к порогу, к самому болшему Падуну, — река о томъ мѣсте шириною с версту, три залавка чрезъ всю рѣку зѣло круты, не воротами што поплочеть, ино в щепы изломаетъ, — меня привезли под порогъ. Сверху дождь и снѣгъ; а на мнѣ на плеча накинута кафтанишко просто; льетъ вода по брюху и по спинѣ, — нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована околъ порога тащили. Грустно гораздо, да душе добро: не пеняю ужъ на Бога вдругорядъ. На умъ пришли рѣчи, пророкомъ и апостоломъ реченны: Сыне, не пренемогай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, от Него обличаемъ. Его же любитъ Богъ, того наказуетъ; біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ. Аще наказаніе терпите, тогда яко сыномъ обрѣтается вамъ Богъ. Аще ли без наказанія пріобщается ему, то выблядки, а не сынове есте. И сими рѣчами тѣшилъ себя.

Посемь привезли въ Брацкой острогъ, и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филипова поста в студеной башне; тамъ зима в тѣ поры живеть, да Богъ грѣлъ и без платья! Что собачка в сололке лежу: коли накормятъ, коли нѣтъ. Мышей много было, я ихъ скуфьей билъ, — и батюшка не дадутъ дурачки! Все на брюхе лежалъ: спина гнила. Блохъ да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: «прости!» да сила Божія возбранила, — велено терпѣть. Перевелъ меня в теплую избу, и я тутъ с аманатами и с собаками жилъ скованъ зиму всю. А жена з дѣтми версть з дватцетъ была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю, — лаяла да укоряла. Сынъ Иванъ, — невеликъ былъ, — прибрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова Рождества, и Пашковъ велѣлъ кинуть в студеную тюрьму, гдѣ я сидѣлъ: начевалъ милой и замерзъ было тутъ. И наутро опять велѣлъ к матери протолкать. Я ево и не видалъ. Приволокся к матери, — руки и ноги ознобилъ.

На весну паки поѣхали впредь. Запасу небольшое мѣсто осталось; а первой разграбленъ весь: и книги, и одежда иная отнята была; а иное и осталось. На Байкалове море паки тонулъ. По Хилке по рекѣ заставилъ меня лямку тянуть; зѣло нуженъ ходъ ею былъ, — и поестъ было нѣколи, нежели спать. Лѣто целое мучился. Отъ водяныя тяготы люди изгибали; и у меня ноги и животъ синь былъ. Два лѣта в водахъ бродили; а зимами чрезъ волоки волочился. На томъ же Хилке в третее тонулъ. Барку от берегу оторвало водою, — людскіе стоятъ, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ-другъ с кормщикомъ помчало. Вода быстрая, переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ; а я на ней ползаю, а самъ кричу: «Владычице, помози! Упованіе, не утопи!» Иное ноги в водѣ, а иное выползю наверхъ. Несло с версту и болши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь дѣлать, коли Христосъ и Пречистая Богородица изволили такъ? Я, вышедъ из воды, смеюсь; а люди-те охаютъ, платье мое по кустамъ развѣшивая, шубы отласные и тафтяные, и кое какіе бездѣлицы тое много еще было в чемодапахъ да в сумахъ; все с тѣхъ мѣстъ перегнило, — наги стали. А Пашковъ меня же хочеть опять бить: «ты-де над собою дѣлаешь за посмѣхъ!» И я паки свѣту-Богородице докучать: «Владычице, уйми дурака тово!» Такъ она-надежда уняла: сталъ по мнѣ тужить.

Потомъ доехали до Ирѣгеня озера: волокъ тутъ, — стали зимою волочится. Моихъ работниковъ отнялъ; а инымъ у меня нанятца не велить. А дѣти малыя были; едоковъ много, а работать нѣкому:

одинъ бѣдной горемыка - протопопъ нарту здѣлалъ и зиму всю волочилъ за волокъ. Весною на плотахъ по Ингодѣ рѣке поплыли на низъ. Четвертое лѣто от Тобольска плаванію моему. Лѣсъ гнали хоромной и городской. Стало нѣчева есть; люди учили в голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мѣлкая, плоты тяжелые, приставы немилостивыя, палки большіе, батоги суковатыя, кнуты острые, пытки жестокіе, — огонь да встряска, — люди голодные: лишю стануть мучить — ано и умереть! Охъ, времени тому! Не знаю, какъ умъ у него отступилъся. У протопопы моей однарятка московская была, не згнила, — по русскому рублевъ въ полътретьяцеть, и больши по тамошнему: даль намъ четыре мешка ржи за нея, и мы годъ-другой тянулись, на Нерче реке живучи, с травою перебиваючися. Всѣ люди в голоду поморилъ, никуда не отпускалъ промышлять, — осталось небольшое мѣсто; по степямъ скитающесе и по полямъ, траву и кореніе копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну; а иное кобылятицы Богъ дасть, и кости находили от волковъ пораженныхъ зверей, — и что волкъ не доестъ, мы то доедимъ. А иные и самыхъ озяблыхъ ели волковъ и лисицъ, и что получить, — всякую скверну. Кобыла жеребенка родить; а голодные втай и жеребенка и мѣсто скверное кобылье съдятъ. А Пашковъ, свѣдавъ, и кнутомъ до смерти забьетъ. И кобыла умерла, — все изводъ взялъ, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишю голову появилъ, а онѣ и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Охъ времени тому! И у меня два сына умерли в нуждахъ тѣхъ, а с прочими, скитающесе по горамъ и по остроу каменію, наги и боси, травою и кореніемъ перебиваючися, кое какъ мучилъся. И самъ я, грѣшной, волею и неволею причастенъ кобыльимъ и мертвечымъ звѣринымъ и птичьимъ мясамъ. Увы грѣшной душе! Кто дасть главѣ моей воду и источникъ слезъ, да же оплачу бѣдную душу свою, юже злѣ погубихъ житейскими сластми? Но помогала намъ по Христе боляроня, воеводская сноха, Евдокья Кириловна, да жена ево, Аеонасьева, Фекта Симеоновна: онѣ намъ от смерти голодной тайно давали отраду, без вѣдома ево — иногда пришлютъ кусокъ мяса, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и грибенку-другую, а иногда и полъпудика накопить и передать, а иногда у куровъ корму ис корыта нагребеть. Дочь моя, бѣдная горемыка, Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смѣхъ! — иногда ребенка погонять от окна без вѣдома бояронина, а иногда и многонько притащить. Тогда невелика была; а нынѣ ужъ ей 27 годовъ,

— девицею, бѣдная моя, на Мезени, с меншими сестрами перебиваясь кое-какъ, плачючи, живутъ. А мать и братья в землѣ закопаны сидятъ. Да што же дѣлать? пускай горкіе мучатся всѣ ради Христа! Быть тому такъ за Божіею помощію. На томъ положено, ино мучитца вѣры ради Христовы. Любилъ протопопъ со славными знатца: люби же и терпѣть, горемыка, до конца. Писано: не начный блаженъ, но скончавый. Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской землѣ нужды великіе годовъ с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. А онъ, Аеонасей, навѣтуя мнѣ, безпрестанно смерти мнѣ искалъ. В той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ от себя двѣ вдовы, — сѣнныя ево любимыя были, — Марья да Софья, одержимы духомъ нечистымъ.*) Ворожа и колдуя много над ними, и видигъ, яко ничто же успеваеть, но паче молтва бываеть, — зѣло жестоко ихъ бѣсъ мучить, бьются и кричатъ, — призвалъ меня и поклонилъся мнѣ, говоритъ: «пожалуй, возми ихъ ты и попекися об нихъ, Бога моля; послушаетъ тебя Богъ». И я ему отвѣщаль: «господине! выше мѣры прошеніе; но за молитвъ святыхъ Отець нашихъ вся возможна суть Богу». Взялъ ихъ бѣдныхъ. Простите! Во искусь то на Руси бывало, — человекъ три-четыре бѣшаныхъ приведшихъ бывало в дому моемъ и, за молитвъ святыхъ Отець, отхождаху от нихъ бѣси, дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго и Господа нашего Исуса Христа, Сына Божія-свѣта. Слезами и водою покронлю, и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя Христово: и сила Божія отгоняше от человекъ бѣсы и здрави бываху, не по достоинству моему, — никакъ же, — но по вѣре приходящихъ. Древле благодать дѣйствоваше осломъ при Валааме, и при Уліане мученике — рысью, и при Сисиніи — оленемъ; говорили человекскимъ гласомъ. Богъ идѣже хоцетъ, побѣждается естества чинъ. Чти житіе Феодора Едесскаго, тамо обрящени: и блудница мертваго воскресила. В Кормчей писано: не всѣхъ Духъ Святыи рукополагаеть, но всѣми, кромѣ еретика, дѣйствуетъ. Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшаныхъ; я, по обычаю, самъ постилъся и имъ не давалъ есть, молебъствовалъ, и масломъ мазалъ, и, какъ знаю, дѣйствовалъ: и бабы о Христѣ целоумны и здравы стали. Я ихъ исповѣдалъ и причастилъ. Живутъ у меня и молятся Богу; любятъ меня и домой не идутъ. Свѣдалъ онъ, что мнѣ

*) В той же нуждѣ прислал ко мнѣ двѣ вдовы от себя, — сѣнныя ево любленницы, — Марія да Софія, одержимы духомъ нечистымъ. (Вторая редакція).

учинился дочери духовные, осердился на меня опять пуши старова, — хотѣлъ меня в огнѣ жжечь: «ты-де вывѣдываешь мое тайны!» А какъ петь-су причастить, не исповѣдавъ? А не причастивъ бѣшанова, ино бѣса совершенно не отгонишь. Бѣс-то вѣть не мужикъ: ба-тога не боится; боится онъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ от тѣла Христова. Я, кро-мѣ сихъ тайнъ, врачевать не умѣю.*)

В нашей православной вѣре без исповѣди не причащаютъ; в римской вѣре творять такъ, — не брегуть о исповѣди; а намъ, православіе блюдущимъ, такъ не подобаешь, но на всяко время покаянiе искати. **)

Аще священника, нужды ради, не получишь: и ты сво-ему брату искусному возвѣси согрѣшеніе свое, и Богъ прѣститъ тя, покаянiе твое видѣвъ, и тогда с правилцомъ причащайся Святыхъ Тайнъ. Держи при себѣ запасный агнецъ. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится, кромѣ церкви, воздохня предъ Владыкою и, по вышереченному, ко брату исповѣдався, с чистою совѣстію причастися святыни: такъ хорошо будетъ! По постѣ и по правилѣ, предъ образомъ Христовымъ на коробочку постели платочикъ и свѣчку зажги, и в сосудце водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тѣла Христова с молитвою в воду на ложку положи, и кадиломъ вся покади; заплакавъ, глаголи: Вѣрую, Господи, и исповѣдаю, яко Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго, пришедый в міръ грѣшники спасти, от нихъ же первый есмь азъ. Вѣрую, яко вонистину се есть самое пречистое тѣло Твое и се есть самая честная кровь Твоя. Его же ради молю Ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрѣшенія моя, вол-

*) Такъ дастъ Богъ, и здравъ бываетъ. За што было за то гиѣваться? Явно в немъ бѣсѣ дѣйствоваль, навѣтуя ево спасенію, да уже Богъ ево прѣститъ. Постригъ я его и поскимиль, к Москвѣ пріехавъ: царь мнѣ ево головою выдалъ — Богъ такъ изволилъ. Много о томъ Христу доуки было, да слава о немъ Богу; даваль мнѣ на Москвѣ и денегъ много; да я не взялъ; «миѣ, реку, спасеніе твое тощно надобно, а не деньги; постричись, реку, такъ и Богъ прѣститъ». Видитъ бѣду неминучую, прислалъ ко мнѣ со слезами. Я к нему на дворъ пришелъ, и онъ палъ предо мною, говоритъ: «воленъ Богъ, да ты и со мною». Я, простя ево, с чернцами с чюдовскими постригъ ево и поскимиль, а Богъ ему же еще трудовъ прибавиль. Потому доуки мои об немъ ко Христу было, чтобъ его к Себѣ при-соиоль. Рука и нога у него же отсохли в Чюдовѣ, ис кельи не исходитъ, да любо мнѣ сильно, чтобъ ево Богъ царствію небесному сподобиль; доучаю и нынѣ об немъ, да и надѣюся на Христову милость, чаю — помилуетъ насъ с нимъ бѣдныхъ! (Третья редакція).

**) О причастиі святыхъ Христовыхъ непорочныхъ тайнъ. Всякому убо в нынѣшнее время подобаешь опасно жити и не без разсмотренія причащатися тайнамъ. (Третья редакція).

ная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣденіемъ и невѣденіемъ, яже разумомъ и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ Ти таинствъ во оставленіе грѣховъ и в жизнь вѣчную, яко благословенъ еси во вѣки. Аминь. Потомъ, падше на землю предъ образомъ, прощеніе проговори и, возставъ, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей, и паки Богу помолись: ну, слава Христу! Хотя и умрешь послѣ того, ино хорошо. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе дѣло. Стану опять про бабъ говорить.

Взялъ Пашковъ бѣдныхъ вдовъ от меня: бранить меня, вмѣсто благодаренія. Онъ чаялъ: Христось просто положить; ано пуши и старова стали бѣситца. Заперъ ихъ в пустую избу, ино никому приступу нѣтъ к нимъ; призвалъ к нимъ чернова попа, — и онѣ ево дровами бросаютъ, и поволокъся прочь. Я дома плачу, а дѣлать не вѣдаю что. Приступитъ ко двору не смѣю: болно сердить на меня. Тайно послалъ к нимъ воды святая, велѣлъ ихъ умыть и напоить, и имъ бѣднымъ легче стало. Прибрели сами ко мнѣ тайно, и я помазалъ ихъ во имя Христова масломъ; такъ опять, далъ Богъ, стали здоровы и опять домой пошли; да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали тайно молитца Богу. Изрядные дѣтки стали, играть перестали и правилца держатца стали. На Москвѣ з бояронею в Вознесенскомъ монастырѣ вселились. Слава о нихъ Богу!

Таже с Нерчи рекѣ паки назадъ возвратилися к Русѣ. Пять недѣль по лду голому ехали на нартахъ. Мнѣ под робятъ и под рухлишко далъ двѣ клячи; а самъ и протопопица брели пѣши, убивающесе о ледъ. Страна варварская; иноземцы немирные; отстать от лошадей не смѣемъ, а за лошадми итти не поспѣемъ, голодные и томные люди. Протопопица бѣдная бредеть-бредеть, да и повакится,—кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человекъ на нея набрель, тутъ же и повалился: оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: «Матушъка-государыня, прости!» А протопопица кричитъ: «что ты, батко, меня задавилъ?» Я пришелъ, —на меня, бѣдная, пеняетъ, говоря: «долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти!» — Она же, вздохня, отвѣщала: «добро, Петровичъ, ино еще побредемъ».*)

*) Бредешь, бредешь, да и ушибеся, поваляся. Иное на протопопицу мою мужикъ взвалился, старикъ бѣдной, томной же: корамкаются на лду, а встать не могутъ. Протопопица на меня кричитъ: «долго-ли, протопопъ, сего мученія будетъ?» И я говорю «Марковна, до самыя смерти подобаетъ намъ Христа ради страдати». (Вторая редакция).

Курочка у насъ черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божіимъ повелѣніемъ; нуждѣ нашей помогая, Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, в то время удавили по грѣхомъ. И нынѣча мнѣ жалъ курочки той, какъ на разумъ пріидеть. Ни курочка, ни што чудо была: во весь годъ по два яичка на день давала; сто рублейъ при ней плюново дѣло, желѣзо! А та птичка одушевлена, Божіе твореніе, насъ кормила: а сама с нами кашку сосновую ис котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а намъ противъ тово по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая! А не просто намъ она и досталася. У боярони куры всѣ перестѣпли и мереть стали; такъ она, собравше в коробъ, ко мнѣ ихъ прислала, чтобъ-де батко пожаловалъ, — помолился о курахъ. И я-су подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея, надобно ей курки. Молебень пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ в лѣсъ збродилъ, — корыто имъ здѣлалъ, ис чево ѣсть, и водою покропилъ, да к ней все и отослалъ. Куры, Божіимъ мановеніемъ, исцелѣли и исправилися по вѣре ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня такъ повелось. Еще Козма и Даміянъ челоуѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу Его, пречистаго Владыки, еще же и челоуѣка ради.

Таже приволоклись паки на Ирѣгень озеро. Бояроня пожаловала, — прислала сковородку пшеницы, и мы кутыи наелись. Кормилица моя была Евдокѣя Кириловна, а и с нею дьяволъ ссорилъ, сице: сынъ у нея былъ Симеонъ, — тамъ родился, я молитву давалъ и крестилъ, на всякъ день присылала ко мнѣ на благословеніе и я, крестомъ благослова и водою покропя, поцеловавъ ево, и паки отпущу; дитя наше здраво и хорошо. Не прилучилося меня дома: занемогъ младенецъ. Смалодушничавъ, она осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. Я, свѣдавъ, осердился-жъ на нея, и меж нами прѣ велика стала быть. Младенецъ пуще занемогъ; рука правая и нога засохли, что батошки. В зазоръ пришла; не вѣдаеть, что дѣлать, а Богъ пуши угнетаетъ. Робеночекъ на кончину пришель. Пѣстуны, ко мнѣ приходя, плачють; а я говорю: «коли баба лиха, живи же себѣ одна!» А ожидаю покаянія ея. Вижу, что ожесточилъ дьяволъ сердце ея; припалъ ко Владыке, чтобъ образумилъ ея. Господь же, премилостивый Богъ, умяхчилъ ниву сердца ея: прислала на утро сына середнева Ивана ко мнѣ, — со слезами просить

прощенія матери своей, ходя и кланяясь около печи моей. А я лежу под берестомъ нагъ на печи; а протопопица в печи; а дѣти кое-гдѣ: в дождь прилучилось; одежды не стало, а зимовье каплетъ, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «вели матери прощенія просить у Орефы колѣдуна». Потомъ и болнова принесли, — велѣла перед меня положить; и всѣ плачють и кланяются. Я-су всталъ, добылъ в грязи патрахѣль и масло священное нашолъ. Помоля Бога и покадя, младенца помазалъ масломъ и крестомъ благословилъ. Робенокъ, далъ Богъ, и опять здоровъ сталъ, — с рукою и с ногою. Водю святою ево напоилъ и к матери послалъ. Виждь, слышателю, покаянiе матери колику силу сотвори: душу свою извращевала и сына исцелила! Чему быть? — не сегодня кающихся есть Богъ! На утро прислала намъ рыбы, да пировъ, — а намъ то голоднымъ надобе. И с тѣхъ мѣсть помирились. Выехавъ из Даурь, умерла, милѣнка, на Москвѣ; я и погребалъ в Вознесенскомъ монастырѣ. Свѣдалъ то и самъ Пашковъ про младенца, — она ему сказала. Потомъ я к нему пришелъ. И онъ, поклонясь низенко мнѣ, а самъ говорить: «спаси Богъ! отечески творишь, — не помнишь нашева зла». И в то время пищи довольно прислалъ.

А опослѣ тово вскорѣ хотѣлъ меня пытать; слушай, за что. Отпускалъ онъ сына своего Еремѣя в Мулгальское царство воевать, — казаковъ с нимъ 72 человекъ да иноземцевъ 20 человекъ, — и заставилъ иноземца шаманить, сирѣчь гадать: удастьлиси имъ и с побѣдою ли будутъ домой? Волхвъ же той мужикъ, близъ моего зимовья, привелъ барана живова в вечеръ, и учалъ над нимъ волхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертѣлъ и прочь отбросилъ. И началъ скакать и плясать, и бѣсовъ призывать, и, много кричавъ, о землю ударилъся, и пѣна изо рта пошла. Бѣси давили ево; а онъ спрашивалъ ихъ: «удастся ли походъ?» И бѣси сказали: «с побѣдою великою и з богатствомъ большимъ будете назадъ». И воеводы ради, и всѣ люди радуясь, говорятъ: «богаты приедемъ!» Охъ, душе моей тогда горко, и нынѣ не сладко! Пастырь худой погубилъ своя овцы, от горести забылъ реченное во Евангеліи, егда Зеведеевичи на поселянъ жестокихъ совѣтовали: Господи, хочеши ли, рече ве, да огонь снидетъ с небесе и потреби ихъ, яко-же и Илія сотвори. Обращъжеся Ісусъ и рече имъ: не вѣста, коего духа еста вы; сынъ бо человеческій не прииде душъ человеческихъ погубити, но спа-

сти. И идоша во и ну весь. А я окаянной здѣлалъ не такъ. Во клѣвине своей кричалъ с воплемъ ко Господу: «послушай мене, Боже! послушай мене, Царю небесный-свѣтъ, послушай меня! да не возвратится вспять ни единъ от нихъ, и гробъ имъ тамъ устроиши всѣмъ! приложи имъ зла, Господи, приложи, и погибель имъ наведи, да не забудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайнѣ о томъ же Бога молилъ. Сказали ему, что я такъ молюсь, и онъ лишо излаялъ меня. Потомъ отпустилъ с войскомъ сына своего. Ночью поехали по звѣздамъ. В то время жаль мнѣ ихъ: видитъ душа моя, что имъ побитымъ быть, а самъ таки на нихъ погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мнѣ; а я имъ говорю: «погибнете тамъ!» Какъ поехали, лошади под ними взоржали вдругъ, и коровы тутъ взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли; ужась на всѣхъ напалъ. Еремѣй вѣсть со слезами ко мнѣ прислалъ: чтобъ батюшко государь помолился за меня. И мнѣ ево стало жаль. А се другъ мнѣ тайной былъ и страдалъ за меня.—Какъ меня кнутомъ отецъ ево билъ, и сталъ разговаривать отцу, такъ со шпагою погнался за нимъ. А какъ пріехали послѣ меня на другой порогъ, на Падунъ, 40 дощениковъ всѣ прошли в ворота, а ево Аенасьева дощеникъ, — снасть добрая была и казаки всѣ шесть сотъ промышляли о немъ, а не могли взвѣсти, — взяла силу вода, паче же рещи, Богъ наказалъ! Стащило всѣхъ в воду людей, а дощеникъ на камень бросила вода: чрез ево льется, а в него нейдетъ. Чюдо, какъ-то Богъ безумныхъ тѣхъ учить! Онъ самъ на берегу; боярня в дощенике; и Еремей сталъ говорить: «батюшко, за грѣхъ наказуетъ Богъ! напрасно ты протопопа тово кнутомъ тѣмъ избилъ; пора покаятца, государь!» Онъ же рыкнулъ на него, яко звѣрь, и Еремѣй, к соснѣ отклонясь, прижавъ руки, сталъ, а самъ, стоя, «Господи помилуй!» говорить. Пашковъ же, ухватя у малова колешчатую пицаль, — никогда не лжетъ, — приложася на сына, курока спустилъ, и Божією волею, осѣклася пицаль. Онъ же, поправя порохъ, опять спустилъ, и паки осѣклася пицаль. Онъ же и въ третью также сотворилъ; пицаль и въ третью осѣклася же. Онъ ее на землю и бросилъ. Малой, поднявъ, на сторону спустилъ; такъ и выстрелила! А дощеникъ единаче на камени под водою лежить. Сѣлъ Пашковъ на стулъ, шпагою подперся, задумався, и плакать сталъ; а самъ говорить: «согрѣшилъ окаянный — пролилъ кровь неповинну, напрасно протопопа билъ; за то меня наказуетъ Богъ!» Чюдно, чюдно! по писанію: яко

косень Богъ во гнѣвъ, а скоръ на послушаніе; дощеникъ самъ, покаянiя ради, сплылъ с камня, и сталъ носомъ противъ воды; потянули: онъ и взбѣжалъ на тихое мѣсто тотъчасъ. Тогда Пашковъ, призвавъ сына к себѣ, промолыль ему: «прости, брате Еремѣй, — правду ты говоришь!» Онъ же, прискоча, падъ, поклонися отцу и рече: «Богъ тебя, государя, простить! я пред Богомъ и пред тобою виноватъ!» И взявъ отца под руку, и повель. Гогаздо Еремѣй разуметь и добръ человекъ: ужъ у него и своя сѣда борода, а гогаздо почитаетъ отца и боится его. Да по писанію и надобе такъ: Богъ любить тѣхъ детей, которые почитаютъ отцовъ. Виждь, слышагелю, не страдалъ ли насъ ради Еремѣй, паче же ради Христа и правды Его? А мнѣ сказывалъ кормщикъ ево Леонасьева дощеника, — тутъ былъ, — Григорей Телной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремѣя мнѣ: сталъ Владыке докучать, чтобъ ево пощадилъ. Ждали ихъ с войны: не бывали на срокъ. А в тѣ поры Пашковъ меня и к себѣ не пускалъ. Во единъ от дней учредилъ застѣнокъ, и огонь росклялъ, — хочеть меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорилъ; вѣдаю ево стряпанье, — послѣ огня тово мало у него живутъ. А самъ жду по себя и, сидя, женѣ плачущей и дѣтямъ говорю: «воля Господня да будетъ! Аще живемъ, Господеви живемъ, аще умираемъ, Господеви умираемъ». А се и бѣгутъ по меня два палача. Чюдно дѣло Господне и неизреченны судобы Владычни! Еремѣй раненъ самъ-другъ дорошкою мимо избы и двора моево едетъ, и палачей вскричалъ и воротилъ с собою. Онъ же, Пашковъ, оставя застѣнокъ, къ сыну своему пришелъ, яко пьяной с кручины. И Еремѣй, поклоняся со отцемъ, вся ему подробну возвѣщаетъ: какъ войско у него побили все без остатку, и какъ ево увель иноземець от мунгальскихъ людей по пустымъ мѣстамъ, и по каменнымъ горама въ лесу, не ядше, блудилъ седмъ дней, — одну съель бѣлку, — и какъ моимъ образомъ человекъ ему во снѣ явился и, благослова ево, указалъ дорогу, в которую страну ехать, онъ же, вскоча, обрадовался и на путь выбрель. Егда онъ отцу розсказываетъ, а я пришелъ в то время поклонитися имъ. Пашковъ же, возведъ очи свои на меня, — слово в слово что медведь морьской бѣлой, жива бы меня проглотилъ, да Господь не выдасть! — вздохня, говоритъ: «такъ-то ты дѣлаешь? людей тѣхъ погубилъ столько?» А Еремѣй мнѣ говоритъ: «батюшко, поди, государь, домой! молчи для Христа!» Я и пошелъ.

Десять лѣтъ онъ меня мучилъ, или я ево, — не знаю; Богъ беретъ в день вѣка. Перемяна ему пришла, и мнѣ грамота: велено ехать на Русь. Онъ поехалъ, а меня не взялъ; умышлялъ во умѣ своемъ: «хотя-де одинъ поедетъ, и ево-де убьютъ иноземцы». Онъ въ дощеникахъ со оружіемъ и с людьми плылъ, а слышалъ я, едучи, от иноземцевъ дрожали и боялись. А я, мѣсяць спустя послѣ ево, набравъ старыхъ и болныхъ и раненныхъ, кои тамъ негодны, человекъ з десятокъ, да я з женою и з дѣтми — семнатцетъ насъ человекъ, в лотку сѣдше, уповая на Христа, и крестъ поставя на носу, поехали, амо же Богъ наставитъ, ничево не бояся. Книгу Кормъчю далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ. Да друга моего выкупилъ, Василя, который тамъ при Пашкове на людей ябедничалъ и крови проливалъ, и моя голова искалъ: в ыную пору, бивше меня, на коль было посадилъ, да еще Богъ сохранилъ! А послѣ Пашкова хотѣли ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у нихъ Христа ради, а прикащику выкупъ давъ, на Русь ево вывезъ, от смерти к животу, — пускай ево бѣднава! — либо покаются о грѣсѣхъ своихъ. Да и другова такова же увезъ замотая. Сего не хотѣли мнѣ выдать; а онъ ушелъ в лѣсъ от смерти и, дождався меня на пути, плачючи, кинулъ-ся мнѣ в карбасъ. Ано за нимъ погоня! Дѣтъ стало нѣгдѣ. Я-су, — простите! — своровалъ: яко Раавъ блудная во Ерихонѣ Исуса Навина людей, спряталъ ево, положи на дно в судне, и постелею накинулъ, и велѣлъ протопопице и дочери лечи на нево. Вездѣ искали, а жены моей с мѣста не тронули, — лишю говорятъ: «матушка, опочивай ты, и такъ ты, государыня, горя натерпѣлась!» А я, — простите Бога ради! — лгалъ в тѣ поры, и сказывалъ: «нѣту ево у меня!» — не хотя ево на смерть выдать. Поискавъ, да и поехали ни съ чемъ; а я ево на Русь вывезъ. Старецъ да и рабъ Христовъ, простите же меня, что я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется? не велико ли мое согрѣшеніе? При Рааве блуднице, она, кажется, также здѣлала; да писаніе ея похваляетъ за то. И вы, Бога ради, поразсудите: буде грѣхотворно я учинилъ, и вы меня простите; а буде церковному преданію не противно, ино и такъ ладно. Вотъ вамъ и мѣсто оставилъ: припишите своею рукою мнѣ, и женѣ моей, и дочери, или прощеніе, или епитимію, понеже мы за одно воровали, — отъ смерти человека ухоронили, ища ево покаянія к Богу. Судите же такъ, чтобъ насъ Христосъ не сталъ судить на страшномъ судѣ сего дѣла. Припиши же что-нибудь, старецъ.

Богъ да проститъ тя и благословитъ в семъ твою и в будущемъ, и подружью твою Анастасю, и дочь вашу, и весь домъ вашъ. Добро сотворилъ есте и праведно. Аминь.

Добро, старецъ, спаси Богъ на милостыни! Полно тово.

Прикащикъ же мучки гривенокъ с тритцетъ даль, да коровку, да овечекъ пять-шесть, мяско иссуша; и тѣмъ лѣто питалися, пловучи. Доброй прикащикъ человекъ, дочь у меня Ксенью крестилъ. Еще при Пашкове родилась, да Пашковъ не далъ мнѣ мѣра и масла, такъ не крещена долго была, — послѣ ево крестилъ. Я самъ женѣ своей и молитву говорилъ, и детѣй крестилъ с кумомъ с прикащикомъ, да дочь моя большая кума, а я у нихъ поць. Тѣмъ же обрасцомъ и Анастася сына крестилъ и, обѣдную служба на Мезени, причастилъ. И детей своихъ исповѣдывалъ и причащалъ самъ же, кромѣ жены своея; есть о томъ в правилахъ, — велено такъ дѣлать. А то запрещеніе то, отступническое, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою, — дурно молить! — гузно тру. Меня благословляютъ московскіе святители Петръ и Алексѣй, и Іона, и Филиппъ, — я по ихъ книгамъ вѣрую Богу моему чистою совестію и служу; а отступниковъ отрицаюся и клену, — враги онѣ Божіи, не боюсь я ихъ, со Христомъ живучи! Хотя на меня каменья наглядутъ, я, со отеческимъ преданіемъ, и под каменьемъ лежу, не токмо под шынскою воровскою никоніанскою клятвою ихъ. А што много говорить? Плюнуть на дѣйство-то и службу-ту ихъ, да и на книги-те ихъ новоизданныя, — такъ и ладно будетъ! Станемъ говорить, како угодити Христу и Пречистой Богородице; а про воровство ихъ полно говорить. Простите, брате никоніане, что избранилъ васъ; живите, какъ хотите. Стану опять про свое горе говорить, какъ вы меня жалуете-подбиваете: 20 лѣтъ тому ужъ прошло; еще бы хотя столко же Богъ пособилъ помучитца от васъ, ино бы и было с меня, о Господѣ Бозѣ и Спасѣ нашемъ Ісусе Христе! А затѣмъ сколько Христосъ дастъ, толко и жить. Полно тово, — и такъ далеко забрелъ. На первое возвратимся.

Поехали изъ Дауръ, стало нищи скудать, и з братіекъ Бога помолили: и Христосъ намъ далъ изубря, болшова звѣря, — тѣмъ и до Байкалова моря доплыли. У моря русскихъ людей наехала станица соболиная, рыбу промышляетъ; рады, миленькіе, намъ, и с карбасомъ насъ, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарыщи; плачють, миленькіе, глядя на насъ, а мы на нихъ. Нада-

вали пищи, сколько намъ надобно: осетровъ с сорокъ свѣжихъ перед меня привезли, а сами говорятъ: «вотъ, батюшко, на твою часть Богъ въ запорѣ намъ далъ, — возми себѣ всю!» Я, поклонясь имъ и рыбу благословя, опять имъ велѣлъ взять: «на што мнѣ столко?» Погостя у нихъ, и с нужду запасцу взявъ, лотку починя, и парусъ скропавъ, чрезъ море пошли. Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись: не болно о томъ мѣсте широко, — или со ста, или с осмьдесятъ верьсть. Егда к берегу пристали, востала буря вѣтренная, и на берегу насилу мѣсто обрели от волнь. Около ево горы высокіе, утесы каменные и зѣло высоки, — дватцеть тысящъ верьсть и болши волочилися, а не видалъ такихъ нигдѣ. Наверху ихъ полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богодѣланно. Лукъ на нихъ растетъ и чеснокъ, — болши романовско-го луковицы, и слатокъ зѣло. Тамъ же растутъ и конопли богорасленныя, а во дворахъ — травы красныя и цвѣтны и благовонны гораздо. Птиць зѣло много, гусей и лебедей, — по морю яко снѣгъ плавають. Рыба в немъ — осетры и таймени, стерьледи и омули, и сиги, и прочихъ родовъ много; вода прѣсная; а нерпы и зайцы великія в немъ: во окіанѣ морѣ болшомъ, живучи на Мезени, такихъ не видалъ, А рыбы зѣло густо в немъ; осетры и таймени жирны гораздо, — нельзя жарить на сковородѣ: жиръ все будетъ. А все то у Христа-тово-свѣта надѣлано для человѣковъ, чтобъ, упокояся, хвалу Богу воздавалъ. А человѣкъ, суете которой уподобится, дніе его, яко снѣгъ, преходятъ; скачеть, яко козѣль; раздувается, яко пузырь; гнѣвается, яко рысь; съестъ хочеть, яко змія; ржетъ, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукавуетъ, яко бѣсъ; насыщаяся довольно; без правила спитъ; Бога не молитъ; отлагаеть покаяніе на старость, и потомъ исчезаетъ; и не вѣмъ, камо отходить: или во свѣтъ ли, или во тму, — день судный коегождо явить. Простите мя, азъ согрѣшилъ паче всѣхъ человѣкъ.

Таже в русскіе грады приплылъ и уразумѣлъ о церкви, яко ничто-жь успѣваетъ, но паче мольва бываетъ. Опечался, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповѣдаю ли слово Божіе, или скроюся гдѣ? Понезже жена и дѣти связали меня. И видѣ меня печална, протопопица моя пристуи ко мнѣ со опрятствомъ, и рече ми: «что, господине, опечалился еси?» Азъ же ей подробну извѣстихъ: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворѣ: говорить ли мнѣ, или молчать? — связала вы меня!» Она же мнѣ говорятъ: «Господи помилуй! что ты, Петровичъ, говоришь? Слыхала я, — ты же читалъ, — апостоль-

скую рѣчь: привязалъся еси женѣ, не ищи разрѣшенія; егда отрѣшишися, тогда не ищи жены. Азь ты и здѣтми благословляю: деръзай проповѣдати слово Божіе попрежнему, а о насъ не тужи; дондеже Богъ изволить, живемъ вмѣстѣ; а егда разлучать, тогда насъ в молитвахъ своихъ не забывай; силенъ Христосъ и насъ не покинуть! Поди, поди в церковь, Петровичъ, — обличай блудню еретическую!» — Я-су ей за то челомъ и, отряше от себя печальную слѣзоту, начахъ попрежнему слово Божіе проповѣдати и учить по градамъ и вездѣ, еще же и ересь никоніанскую со дерзновеніемъ обличалъ.

Въ Енисѣйске зимоваль; и паки, лѣто плывше, в Тобольске зимоваль. И до Москвы едучи, по всѣмъ городамъ и по селамъ, во церквахъ и на торъгахъ кричалъ, проповѣдая слово Божіе, и уча, и обличая безбожную лесть. Таже пріехалъ к Москвѣ. Три годы ехалъ из Даурь; а туды волокъся пять лѣтъ противъ воды; на востокъ все везли промежду иноземскихъ орѣдъ и жилищъ. Много про то говорить! Бывалъ и в иноземскихъ рукахъ. На Оби великой рекѣ предо мною 20 человекъ погубили христіанъ, а надо мною думавъ, да и отпустили совѣтъ. Паки на Иртыше реке собраніе ихъ стоитъ: ждуть березовскихъ нашихъ з дощеникомъ и побить. А я, не вѣдаючи, и пріехалъ к нимъ и, пріехавъ, к берегу присталъ: онѣ с луками и объскочили насъ. Я-су, вышедъ, обниматца с ними, што с чернцами, а самъ говорю: «Христосъ со мною, а с вами той же!» И онѣ до меня и добры стали, и жены своя к женѣ моей привели. Жена моя также с ними лицемѣритца, какъ в міре лесть совершается; и бабы удобрились. И мы то уже знаемъ: какъ бабы бываютъ добры, такъ и все о Христе бываетъ добро. Спрятали мужики луки и стрѣлы своя, торъговать со мною стали, — медведень я у нихъ накупилъ, — да и отпустили меня. Пріехавъ в Тоболескъ, сказываю: ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкиръцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехалъ посредѣ ихъ. Пріехалъ на Верхотурье, — Иванъ Богдановичъ Камынинъ, другъ мой, дивится же мнѣ: «какъ, ты протопопъ, проехалъ?» А я говорю: «Христосъ меня пронесъ и Пречистая Богородица провела; я не боюсь никою; одново боюсь Христа».

Таже к Москвѣ пріехалъ и, яко ангела Божія, пріяша мя государь и бояря, — всѣ мнѣ ради. К Ѳеодору Ртищеву зашелъ: онъ самъ ис полатки выскочилъ ко мнѣ, благословилъся от меня, и учили говорить много-много, — три дни и три ночи домой меня не отпустилъ, и потомъ обо мнѣ царю извѣстилъ. Государь меня тогдакъ к руке

поставить велѣлъ и слова милостивые говорилъ: «здорово ли де, протопопъ, живешь? еще-де видатца Богъ велѣлъ!» И я сопротивъ руку ево поцеловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «живъ Господь и жива душа моя, царь государь; а впредь, что изволить Богъ!» Онъ же, миленькой, вздохнулъ, да и пошелъ куды надобе ему. И иное кто-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велѣлъ меня поставить на монастырѣскомъ подворье в Кремли и, в походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенко-таки, а самъ говорить: «благослови-де меня и помолися о мнѣ!» И шапку в ыную пору мурьманку, снимаючи з головы, уронилъ, едуци верхомъ. А не корѣты высунется бывало ко мнѣ. Также и всѣ бояря, после ево, челомъ да челомъ: протопопъ, благослови и молися о насъ! Какъ-су мнѣ царя тово и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль, о-су! видишь, каковы были добры! Да и нынѣ онѣ не лихи до меня; дьяволъ лихъ до меня, а человекки всѣ до меня добры. Давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, и в духовники звали, чтобъ я с ними соединилъся в вѣре; азъ же вся сѣя яко уметы вмѣнилъ, да Христа приобрящу, и смерть поминная, яко вся сѣя мимо идетъ.

А се мнѣ в Тобольске в тонце снѣ страшно возвѣщено (блюдися, от Меня да не полъма растесанъ будеши). Я вскочилъ и палъ пред иконою во ужасѣ велице, а самъ говорю: «Господи, не стану ходить, гдѣ поновому поють, Боже мой!» Былъ я у заутрени в соборной церкви на царевнины имянины, — шаловалъ с ними в церкви той при воеводахъ; да с приѣзду смотрилъ у нихъ просвиромисанія дважды или трожды, в ольтарѣ у жертвенника стоя, а самъ имъ ругалъся, а какъ привыкъ ходить, такъ и ругатца не сталъ, — что жаломъ, духомъ антихристовымъ и ужалило было. Такъ меня Христосъ-свѣтъ поужалъ, и рече ми: «по толикомъ страданіи погибнуть хочешь? блюдися, да не полъма разсѣву тя!» Я и к обѣдне не пошелъ, и обѣдать ко князю пришелъ, и всю подробну имъ возвѣстилъ. Бояринъ, миленькой князь Иванъ Андрѣевичъ Хильковъ, плакать сталъ. И мнѣ окаянному много столко Божія благодѣянія забылъ?

Егда в Даурахъ я былъ, на рыбной промыслъ к дѣтямъ по льду зимою по озеру бѣжалъ на баздукахъ; тамъ снѣгу не живетъ, морозы велики живутъ и льды толсты намерзають, — близко человекка толщины; пить мнѣ захотѣлось и, гараздо от жажды томимъ, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нельзя озеро верьсть с восьмь; сталъ, на небо взирая, говорить: «Господи, источивый ис камени в пустыни людямъ воду, жаждущему Израилю, тогда и днесъ Ты еси!

напой меня, ими же вси судьбами, Владыко, Боже мой!» Охъ горе! не знаю, какъ молить; простите, Господа ради! Кто есмь азъ? умерый пещь! — Затрепалъ ледь предо мною и разступилися чрезъ все озеро сюду и сюду, и паки снидеса: гора великая льду стала и, дондеже уряженіе бысть, азъ стахъ на обычномъ мѣстѣ и, на востокъ зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя Господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ пролубку маленку и я, падше, насытился. И плачу, и радуюся, благодаря Бога. Потомъ и пролубка сдвинулася и я, воставъ, поклоняся Господеви, паки побѣждалъ во льду, куды мнѣ надобе, к детям. Да и в прочія времена в вѣлюкнѣ моей такъ часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лѣсе дрова секу, или ино что творю; а самъ и правило в тѣ поры говорю, вечерню, и заутреню, или часы, — што прилучится. А буде в людяхъ бываетъ неизворотнo, и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи, правила моево не любятъ, а, идучи, мнѣ нельзя было исполнить: и я, отступя людей под гору или в лѣсъ, коротенко здѣлаю, — побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да такъ и обѣдаю. А буде жо по мнѣ люди, и я на сошке складенки поставя, правилца поговорю, — иные со мною молятся, а иные кашу варятъ. А в саняхъ едучи, в воскресныя дни на подворьяхъ всю церковную службу пою, а в рядовые дни, в саняхъ едучи, пою; а бывало и в воскресныя дни, едучи, пою. Егда гораздо неизворотнo, и я хотя немножко, а таки поворчю. Яко же тѣло альчуще желаетъ ясти и жаждуще желаетъ пити, тако и душа, отче мой Епифаній, брашна духовнаго желаетъ: не гладъ хлѣба, ни жажда воды погубляетъ человекъ; но гладъ велій человекъ — Бога не моля, жити.

Бывало, отче, въ Даурьской землѣ — аще не поскучите послушать с рабомъ темъ Христовымъ, азъ грѣшный и то возвѣщу вамъ, — от немощи и от глада великаго изнемогъ в правилѣ своемъ, всего мало стало, толко навечернишныя псалмы, да полунощницу, да часъ первой, а болши тово ничево не стало; такъ, что скотишка, волочюсь; о правиле томъ тужу, а принять ево не могу, — а се уже и ослабѣлъ. И нѣкогда ходилъ в лѣсъ по дрова; а без меня жена моя и дѣти, сидя на землѣ у огня, дочь с матерью — обе плачють. Огрофена, бѣдная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришелъ из лѣсу: зѣло робенокъ рыдаетъ; связавшуся языку ево, ничево не промолытъ, мычить к матери, сидя; мать, на нее глядя, плачетъ. И я отдохнуль и с молитвою приступилъ к робяти, рекъ: «о имени Господни повелеваю ти: говори со мною! о чемъ плачешь?» Она же, вскоча и поклоняся,

ясно заговорила: «не знаю кто, батюшко государь, но мнѣ сидя, светленекъ, за язык-отъ меня держалъ и с матушкою не далъ говорить; я тово для плакала; а мнѣ онъ говоритъ: скажи отцу, чтобы онъ правило попрежнему правилъ, такъ на Русь опять всё выедете; а буде правила не стагетъ правилъ, о немъ же онъ и самъ помышляетъ, то здѣсь всё умрете, и онъ с вами же умреть». Да и иное кое-что ей сказано в тѣ поры было: какъ указъ по насъ будетъ, и сколько друзей первыхъ на Руси заедемъ, — все такъ и збылося. И велено мнѣ Пашкову говорить, чтобъ и онъ вечерни и заутрени пѣлъ, такъ Богъ ведро дастъ и хлѣбъ родится, — а то были дожди безпрестанно; ячменцу было сѣено небольшое мѣсто за день или за два до Петрова дни, — тотчасъ выросъ, да и згнилъ было от деждевъ. Я ему про вечерни и заутрени сказалъ и онъ и сталъ такъ дѣлать; Богъ ведро далъ и хлѣбъ тотчасъ поспѣлъ. Чудо-таки! Сѣенъ поздно, а поспѣлъ рано. Да и паки бѣдной коварничать сталъ о Божіемъ дѣле. На другой годъ насѣлъ было и много, да дождь необыченъ изліяся и вода из рѣки выступила, и потопила ниву, да и все розмыло, жилища наши розмыла. А до тово николи тутъ вода не бывала, — и иноземцы дивятся. Виждь: какъ поруга дѣло Божіе и пошелъ странюю, такъ и Богъ к нему страннымъ гнѣвомъ! Сталъ смѣятца первому тому извѣщенію напоследокъ: ребенокъ-де есть захотѣлъ, такъ плакалъ! А я су с тѣхъ мѣсть за правило свое схватался, да и по сія мѣсть тянусь помаленьку. Полно о томъ бѣсѣдовать, на первое возвратимся. Намъ надобе вся сія помнить и не забывать, всякое Божіе дѣло не класть в небреженіе и просто, и не менять на прелесть сего суетнаго вѣка.

Паки реку московское бытіе. Видятъ онѣ, что я не соединяюся с ними: приказалъ государь уговаривать меня Родіону Стрешневу, чтобъ я молчалъ. И я потѣшилъ его: царь то есть от Бога учиненъ, а се добренекъ до меня, — чайлъ, либо помаленьку исправится. А се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на Печатномъ дворѣ книги править, и я радъ силно, — мнѣ то надобно лутче и духовничества. Пожаловалъ, но мнѣ прислалъ десеть рублевъ денегъ, царица десеть рублевъ же денегъ, Лукьянъ духовникъ десеть рублевъ же, Родіонъ Стрешневъ десеть рублевъ же; а дружище наше старое Феодоръ Ртищевъ, тотъ и шестьдесятъ рублевъ казначею своему велѣлъ в шапку мнѣ сунуть; а про иныхъ печева и сказывать: всякъ тащить да несеть всячиною! У свѣта моей у Феодосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жилъ во дворѣ, понеже дочь мнѣ духовная, и сестра ее, княгиня Евдокія Прокопьевна, дочь же моя. Свѣты мои, мученицы Хри-

стовы! И у Анны Петровны Милославскіе покойницы всегда же в дому былъ. А къ Федору Ртицеву брашница со отступниками ходилъ. Да такъ-го с полгода жилъ, да вижу, яко церковное ничто же усиѣваетъ, но паче мольва бываетъ, — паки заворчалъ, написавъ царю многонко-таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу, общую святую церковь, от ересей оборонилъ и на престолъ бы патриаршескій пастыря православнова учинилъ вмѣсто волька и отступника Никона, злодѣя и еретика. И егда писмо изготовилъ, занемоглось мнѣ гораздо, и я выслалъ царю на переездъ с сыномъ своимъ духовнымъ, с Феодоромъ юродивымъ, что послѣ отступники удавили ево Феодора на Мезени, повѣся на вислицу. Он с писмомъ приступилъ к цареви корегѣ со дерзновеніемъ, и царь велѣлъ ево посадить и с писмомъ под красное крылцо, — не вѣдалъ, что мое; а опослѣ, взявше у него писмо, велѣлъ ево отпустить. И онъ, покойникъ, побывавъ у меня, паки в церковь пред царя пришедь, учалъ юродствомъ шаловать, царь же осердясь, велѣлъ в Чюдовъ монастырь отелать. Тамъ Павелъ архимаритъ и желѣза на него наложилъ, и Божією-волею, желѣза разсыпался на ногахъ пред людьми. Онъ же, покойникъ-свѣтъ, в хлѣбне той послѣ хлѣбовъ в жаркую печь влѣзъ, и голымъ гузномъ сѣлъ на поду и, крошки в печи собираючи, естъ. Такъ черницы ужаснулись и архимариту сказали, что нынѣ Павелъ мигрополитъ. Онъ же и царю возвѣстилъ и царь, пришедь в монастырь, честно ево велѣлъ отпустить. Онъ же паки ко мнѣ пришелъ. И с тѣхъ мѣсть царь на меня кручиновать сталъ: не любо стало, какъ опять я сталъ говорить: любо имъ, какъ молчу; да мнѣ такъ не сошло. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали к прелесной ихъ службѣ ходити. И мнѣ от царя выговоръ былъ: «въласти-де на тебя жалуются; церкви-де ты запустилъ, поедь-де в ссылку опять». Сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень. Надавали были кое-чево, во имя Христово, люди добрые много, да все и осталось тутъ: токмо з женою и дѣтми и з домочадцы повезли. А я по городамъ паки людей Божіихъ училъ, а ихъ, нестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень.

Полтара гола державъ, паки одново к Москвѣ вѣзали; да два сына со мною, — Иванъ да Прокопей, — съехали же; а протопопца и прочіи на Мезени остались всѣ. И привезше к Москвѣ, отвезли под началъ в Пафнутаевъ монастырь. И туды присылка была, — тожъ

да тожь говорятъ: «долго ли тебѣ мучить насъ? соедини съ нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бѣсовъ, а онѣ лѣзутъ в глаза! Скаску имъ тутъ з бранью з болшою написалъ и послалъ з дьякономъ ярославскимъ с Козмою и с подъячимъ двора патриарша. Козма-та не знаю коева духа человекъ: въявѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице говоря: «протопопъ, не отступай ты старова тово благочестія; великъ ты будешь у Христа человекъ, какъ до конца претерпишь; не гляди на насъ, что погибаемъ мы!» И я ему говорилъ сопротивъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу. И онъ говоритъ: «нельзя; Никонъ опуталъ меня!» Просто молить, отрекся пред Никономъ Христа, также уже, обѣдной, не сможетъ встать. Я, заплакавъ, благословилъ ево горюна; болши тово нечева мнѣ дѣлать с нимъ; вѣдаетъ то Богъ, что будетъ ему.

Таже, державъ десеть недѣль в Пафнутѣеве на чеши, взяли меня паки на Москву, и в крестовой стяжався власти со мною, ввели меня в соборный храмъ и стригли по переносе меня и дьякона Феодора, потомъ и проклинали; а я ихъ проклиналъ сопротивъ; зѣло было мятежно в обѣдню ту тутъ. И, подержавъ на патриархове дворѣ, повезли насъ ночью на Угрѣшу к Николѣ в монастырь. И бороду враги Божіи отрѣзали у меня. Чему быть? вольки то есть, не жалѣютъ овецъ! оборвали, что собаки, одинъ хохоль оставили, что у поляка, на лѣбу. Везли не дорогою в монастырь, — болотами да грязью, чтобъ люди не свѣдали. Сами видятъ, что дуруютъ, а отстать от дурна не хотятъ: омрачилъ дьяволь, — что на нихъ и пенять! Не имъ было, а быть же было инымъ: писанное время пришло по Евангелію: н у ж д а с о б л а з н а м ъ п р и т и . А другой глаголетъ евангелистъ: н е в о з м о ж н о с о б л а з н а м ъ н е п р и т и т и , н о г о р е т о м у , и м ѣ ж е п р и х о д и т ѣ с о б л а з н ѣ . Виждь, слышателью: необходимая наша бѣда; невозможно миновать! Сего ради соблазны попускаетъ Богъ, да же избрани будутъ, да же разжегутся, да же убелятся да же искусніи явленны будутъ в васъ. Выпросилъ у Бога свѣтлую Россію сатона, да же очервленить ю кровію мученическою. Доброты, дьяволь, вздумалъ, и намъ то любо — Христа ради, нашего свѣта, пострадать!

Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцеть недѣль. Тутъ мнѣ Божіе присѣщеніе быть: чти в царевѣ посланіи, тамо обрящени. И царь приходилъ в монастырь: около темницы моя походилъ и, постонавъ, опять пошелъ из монастыря. Кажется потому, и жалъ ему меня, да ушто воля Божія такъ лежитъ. Какъ стригли, в то время

велико нестроение вверху у нихъ бысть с царицею с покойницею: она за насъ стояла в то время, миленькая; напоследокъ и от казни отпросила меня. О томъ много говорить. Богъ ихъ простить! Я своево мучения на нихъ не спрашиваю, ни въ будущій вѣкъ. Молится мнѣ подобаетъ о нихъ, о жирныхъ и о преставльшихся. Дьяволъ между нами разсѣченіе положилъ; а онѣ всегда добры до меня. Полно тово! И Воротынской бѣдной князь Иванъ тутъ же безъ царя молитца пріезжалъ; а ко мнѣ просился в темницу; ино непустили горюна; я липо, в окошко глядя, заплакалъ на него. Миленькой мой! боится Бога, сиротинька Христова: не покинетъ ево Христосъ! Всегда таки онѣ Христовъ да нашъ человекъ. И всѣ бояря-те до насъ добры, одинъ дьяволъ лихъ. Что петь сдѣлаешь, коли Христосъ попустилъ! Князь Ивана миленькова Хованьскова и батожьемъ били, какъ Исаю сожгли. А боярону-ту Федосью Морозову и совѣмъ разорили, и сына у нея уморили, и ея мучать; и сестру ея Евдокью, бывше батогами, и от детей отлучили, и с мужемъ развели, а ево князь Петра Урусова на другой-де женили. Да что петь дѣлать.*) Пускай ихъ миленькихъ мучать: небеснаго жениха достигнуть. Всяко-то Богъ ихъ перепровадитъ вѣкъ сей суетный и присвоитъ к Себѣ женихъ небесный въ чертогъ Свой, праведное солнце, свѣтъ, упованіе наше! Паки на первое возвратимся.

Посемъ свезли меня паки в монастырь Пафнютевъ и тамъ, заперши въ темную полатку, скована держали год без мала. Тутъ келарь Никодимъ сперва добръ до меня былъ, а се бѣдной болшо тово же табаку испилъ, что у Газскаго митрополита выняли напоследокъ 60 пудовъ, да домру, да иные тайные монастырскіе вещи, что поигравше творять. Согрѣшилъ, — простите; не мое то дѣло: то вѣдаетъ онѣ; своему владыке стоитъ или падаетъ. К слову моылось. То у нихъ были любимые законоучителие. У сего келаря Никодима попросился я на великъ день для праздника отдохнуть, чтобъ велѣлъ, дверей отворя, на пороге посидѣть; и онѣ меня наругавъ и отказалъ жестоко, какъ ему захотѣлось; и потомъ, в кѣлію пришедъ, разболѣлся: масломъ соборовали и причащали, и тогда-сегдадохнетъ. То было в понедѣль-

*) Пускай ихъ, свѣтовъ моихъ, — мучатся Христа ради. Красные и свѣлые боярони в Руской земли явились; не токмо славы, но и плоти своей и дѣтокъ не пощадили, да Христа приобрящутъ. Пускай Христосъ Своихъ собираетъ къ Себѣ! Умеръ же бы Иванушко всяко, а то мученикъ Христовъ Морозовыхъ бояръ. Исповѣдалъ ево — свѣта в темницѣ на Москвѣ бывше, и причастилъ тѣла Христова, яко непорочнаго агнца. Добро. Полно тово. Любо мнѣ, что за Христа умирають, я ихъ тому и училъ. Что по нихъ и тужить? Слава Богу о всѣмъ. (Третья редакция).

никъ свѣтлой. И в нощи противъ вторника пріиде к нему мужъ во образѣ моемъ, с кадиломъ, в ризахъ свѣтлыхъ, и покадилъ ево и, за руку взявъ, воздвигнулъ, и бысть здоровъ. И притече ко мнѣ с келейникомъ ночью в темницу, — идучи говорить: «блаженна обитель, — таковыя имѣеть темницы! блаженна темница—таковыхъ в себѣ имѣеть страдальцовъ! блаженны и юзи!» И палъ предо мною, ухватился за чепъ, говорить: «прости, Господа ради, прости! согрѣшилъ пред Богомъ и пред тобою; оскорбилъ тебя—и за сіе наказалъ мя Богъ». И я говорю: «какъ наказалъ? повѣждай ми». И онъ паки: «а ты-де самъ, приходя и покадя, меня пожаловалъ и поднялъ, — что де запираешься!» А келейникъ, тутъ же стоя, говорить: «я, батюшко государь, тебя под руку вывелъ ис кѣльи, да и поклонился тебѣ, ты и пошелъ сюды». И я ему заказалъ, чтобъ людямъ не сказывалъ о тайне сей. Онъ же со мною спрашивался, какъ ему жить впредь по Христѣ, или-де мнѣ велишь покинуть все и в пустыню пойти? Авъ же его понаказавъ, и не велѣлъ ему келарства покидать, токмо бы, хотя втай, держалъ старое преданіе отеческое. Онъ же поклоняся, отъиде к себѣ, и на утро за трапезою всей братье сказалъ. Людіе же безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословенія и молитвы от меня; а я ихъ учю от писанія и ползую словомъ Божіимъ; в тѣ времена и врази кои были, и тѣ примирились тутъ. Увы! коли оставлю суетный сей вѣкъ? Писано: горе, ему-же рекутъ добре вси человецы. Воистину не знаю, какъ до краю доживать: добрыхъ дѣлъ пѣтъ, а прославилъ Богъ! То вѣдаетъ Онъ, — воля Ево.

Тутъ же пріезжалъ ко мнѣ втай з дѣтми моими Теодоръ покойникъ, удавленной мой, и спрашивался со мною: «какъ-де прикажешъ мнѣ ходить, — в рубашке ли постарому, или в платьѣ облещись? — еретики-де ищутъ и погубить меня хотятъ. Быль-де я на Резани под началомъ, у архіепископа на дворѣ, и зѣло-де онъ Иларіонъ мучилъ меня, — рѣткой день плетми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, принуждая к ному антихристову таинству. И я-де уже изнемогъ, — в нощи моляся и плача, говорю: Господи! аще не избавишь мя, осквернятъ меня, и погибну. Что тогда мнѣ сотворишь?» И много плачючи говорилъ: «А се-де вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилася сама. Я-де, Богу поклоняся, да и пошелъ; к воротамъ пришелъ — и ворота отворены! Я-де по большой дороге, к Москвѣ напрямикъ. Егда-де розсвѣтало, — ано погоня на лошedahъ! Трое человекъ мимо меня пробѣжали, — не увидѣли меня. Я-де надѣюся на Христа, бреду таки впредь. Помале-де онѣ

едутъ на встрѣчу ко мнѣ, лаютъ меня: ушелъ-де, блядинъ сынъ, — гдѣ-де его возмѣшь! Да и опять-де проехали, не видали меня. И я-де нынѣ к тебѣ спроситца прибѣлъ: туды-ль де мнѣ опять мучитца пойти, или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ?» — И я ему, грѣшной, велѣлъ вздѣтъ платье. А однако не ухоронилъ от еретическихъ рукъ, — удавили на Мезени, повѣся на виселицу. Вѣчная ему память и с Лукою Лаврентьевичемъ! Дѣтушки миленькіе мои, пострадали за Христа! Слава Богу о нихъ! Зѣло у Феодора тово крѣпокъ подвигъ былъ: в день юродствуетъ, а ночь всю на молитвѣ со слезами. Много добрыхъ людей знаю, а не видалъ подвижника такого! Пожилъ у меня съ полгода на Москвѣ, — а мнѣ еще не моглося, — в задней комнатке двое насъ с нимъ и, много часъ-другой полежить, да и встанеть; 1000 поклоновъ отбросаетъ, да сядеть на полу и иное, стоя, часа с три плачетъ, а я таки лежу, — иное сплю, а иное неможется; егда ужъ наплачется гораздо, тогда ко мнѣ приступить: «долго ли тебѣ, протопонъ, лежать-тово, образумься, — ветъ ты пощъ! какъ сорома нѣтъ?» И мнѣ неможется, такъ меня подымаетъ, говоря: «встань, миленкой-батюшко, — ну, таки встащися какъ-побудь!» Да и роскачаетъ меня. Сидя мнѣ велить молитвы говорить, а онъ за меня поклоны кладеть. То-то другъ мой сердечной былъ! Скорбенъ миленкой былъ с перетугти великія: черевъ из него вышло в одну пору пять аршинъ. Неможесть, а кишки перемѣряетъ; и смѣхъ с нимъ и горе! На Устюге пять лѣтъ безпрестанно мерзъ на морозѣ босъ, бродя в одной рубашке: я самъ ему самовидецъ. Тутъ мнѣ учинился сынъ духовной, какъ я ис Сибири ехалъ. У церкви в полатке, — прибѣгалъ молитвы ради, — сказывалъ: «какъ де от мороза тово в теплѣ томъ станешь, батюшко, отходить, зѣло-де тяшко в те поры бываетъ», — по кирпичью тому ногами теми стукаетъ, что коченьемъ! А на утро и опять не болятъ. Псалтырь у него тогда была новыхъ печатей в келье, — маленько еще зналъ о новизнахъ; и я ему розсказалъ подробну про новыя книги; онъ же, схватавъ книгу, тотъчасъ и в печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну. Зѣло у него во Христа горяча вѣра была! Да что много говорить? — какъ началъ, такъ и скончалъ! Не на басняхъ проходилъ подвигъ, не какъ я окаянной; того ради и скончалъся боголѣпнѣ. Хорошъ быхъ и Аеонасьюшко — миленкой, сынъ же мнѣ духовной, во иноцехъ Авраамій, что отступники на Москвѣ в огнѣ испекли, и яко хлѣбъ сладокъ принесеса святѣй Троице. До иночества бродилъ босикомъ же в одной рубашке и зиму и лѣто; толко сей Феодора посмириѣе и в подвиге малехнее покороче. Плакать зѣло же былъ охотникъ: и хо-

дить и плачетъ. А с кѣмъ молить, — и у него слово тихо и гладко, яко плачетъ. Θεодоръ же ревнивъ гораздо былъ и зѣло о дѣле Божіи болѣзненъ: всяко тщится розорити и обличати неправду. Да пускай ихъ! Какъ жили, такъ и скончались о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ.

Еще вамъ побесѣдую о своей волоките. Какъ привезли меня из монастыря Паѳнутаева к Москвѣ, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдовъ, поставили передъ вселенскихъ патріарховъ, — и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли, — от писанія с патріархами говорилъ много; Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посрамилъ ихъ Христосъ! Послѣднее слово ко мнѣ рекли: «что-де ты упрямъ? вся-де наша Палестина, — и серби, и альбансы, и волохи, и римляне, и ляхи, — всѣ-де трема перъсты крестятся, одинъ-де ты стопшь во своемъ упорствѣ и крестисся пятью перъсты! — такъ-де не подобаешь!» И я имъ о Христе отвѣщаль сице: «вселенъстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невсклонно, и ляхи с нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ. А и у васъ православіе пестро стало от насилія турьскаго Магмета, — да и дивить на васъ нельзя: немощни есте стали. И впредъ пріезжайте к намъ учитца: у насъ, Божією благодатію, самодержество. До Никона отступника в нашей Росіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь немятежна. Никонъ волькъ со дьяволомъ предали трема перъсты креститца; а первые наши пастыри, яко же сами пятью персты крестились, такожде пятью персты и благословляли по преданію святыхъ отецъ нашихъ: Мелетія антиохійскаго и Θεодорита Блаженнаго, епископа киринѣйскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московскій помѣстный бывый соборъ при царѣ Иванѣ такъ же слагая персты креститися и благословляти повелеваетъ, яко-жь прежніи святіи отцы, Мелетій и прочіи, научиша. Тогда при царѣ Иване быша на соборе знаменоносцы: Гурій и Варсонофій, казаньскіе чудотворцы, и Филиппъ соловецкій игумень, от святыхъ русскихъ». А патріархъси задумались; а наши, что вольчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцевъ своихъ, говоря: «глупы-де были и несмыслили наши русскіе святыя, не ученые-де люди были, — чему имъ вѣрить? Онѣ-де грамотѣ не умѣли!» О, Боже святыи! како потерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія? Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечева стало. Побранилъ ихъ, колко могъ, и послѣднее слово рекъ: «чистъ есмь азъ, и прахъ приляпшій от ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанію: лутче единъ творяи волю Божію, нежели тмы беззаконныхъ!» Такъ на меня и пущи закричали: «возми его! — всѣхъ насъ обезчестилъ!» Да толкать и

бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человекъ ихъ сорокъ, чаю, было,—велико антихристово войско собралось! Ухватилъ меня Иванъ Уаровъ, да потащилъ. И я закричалъ: «постой,—не бейте!» Такъ онѣ всѣ отскочили. И я толмачю — архимариту говорить сталъ: «говори патриархамъ: апостоль Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіерей, преподобень, незлобивъ и прочая; а вы, убивше человекъ, какъ литоргисать станете?» Такъ онѣ сѣли. И я отошелъ ко дверямъ, да набокъ повалился: «посидите вы, а я полежу»,—говорю имъ. Такъ онѣ смѣются: «дуракъ-де про топопъ! и патриарховъ не почитаетъ!» И я говорю: «мы уроди Христа ради! вы славни, мы же безчестни! вы силни, мы же немощни!» Потомъ паки ко мнѣ пришли власти и про аллилуія стали говорить со мною. И мнѣ Христось подалъ,— посрамилъ в нихъ римскую ту блядь Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего в началѣ реченно. И Евѡимей, чудовской келарь, молилъ: «правъ-де ты, — нѣчева-де намъ болши тово говорить с тобою». Да и повели меня на чепь.

Потомъ полуголову царь прислалъ со стрелцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тутъ же — священника Лазаря и инока Елиѡанія старца; острижены и обруганы, что мужички деревенскіе, миленькіе! Умному человекъ поглядѣть, да лише заплакать, на нихъ глядя. Да пускай ихъ терпятъ! Что о нихъ тужить? Христось и лутче ихъ былъ, да тожъ Ему, свѣту нашему, было от прадедовъ ихъ, от Анны и Каіафы; а на нынѣшнихъ и дивить нѣчева: с обрасца дѣлають! Потужить надобно о нихъ о бѣдныхъ. Увы, бѣдные никоніяня! погибаете от своего злаго и непокориваго права!

Потомъ с Воробьевыхъ горъ перевели на Андрѣевское подворье; таже в Савину слободку. Что за разбойниками стрелцовъ войско за нами ходитъ и срать провожаютъ; помянется, — смѣхъ и горе, — какъ то омрачилъ дьяволъ! Тажъ к Николѣ на Угрещу: тутъ государь прислалъ ко мнѣ голову Юрья Лутохина благословенія ради, и кое о чемъ много говорили.

Таже опять ввезли в Москву насъ на Никольское подворье и взяли у насъ о правовѣрїи еще скаски. Потомъ ко мнѣ комнатные люди многожды присланы были, Артемонъ и Дементей, и говорили мнѣ царевымъ глаголомъ: «протопопъ, вѣдаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе, прошу-де твоео благословенія и с царіею и с чады, — помолися о насъ!» Кланяючись, посланникъ говорить. И я по немъ всегда плачу; жаль мнѣ силно ево. И паки онъ же: «пожалуй-де послушай меня: соединишь со вселенскими теми хотя не-

болшимъ чемъ!» И я говорю: «аще и умрети ми Богъ изволить, со отступниками не соединяюся! Ты, реку, мой царь; а имъ до тебя какое дѣло? Своево, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я, реку, не сведу рукъ с высоты небесныя, дондеже Богъ тебя отдасть мнѣ». И много тѣхъ присылокъ было. Кое о чемъ говорено. Последнее слово рекъ: «гдѣ-де ты ни будешь, не забывай насъ в молитвахъ своихъ!» Я и нынѣ, грѣшной, елико могу, о немъ Бога молю.

Таже братію казня, а меня не казня, сослала в Пустозерье. И я ис Пустозерья послалъ к царю два посланія: первое невелико, а другое болши. Кое о чемъ говорилъ. Сказалъ ему в посланіи и богознаменія нѣкая, показанная мнѣ въ темницахъ; тамо чтый да разумѣть. Еще же от меня и от брата дьяконово снисканіе послано в Москву правовѣрнымъ гостинца, книга «Отвѣтъ православныхъ» и обличеніе на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматѣхъ церковныхъ. Еще же и от Лазаря священника посланы два посланія царю и патриарху. И за вся сія присланы к намъ гостинцы: повѣсили на Мезени в дому моемъ двухъ человекъ, дѣтей моихъ духовныхъ,— прежде реченнаго Θεодора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабовъ Христовыхъ. Лука-та московской жилецъ, у матери вдовы сынъ былъ единокладенъ, усмаръ чиномъ, юноша лѣтъ в полтретьятцетъ; приехалъ на Мезень по смерть в дѣтми моими. И егда бысть в дому моемъ въсегубительство, спросилъ его Пилать: «какъ ты, мужикъ, крестился?» Онъ же отвѣща смиренно-мудро: «я такъ вѣрую и крещуся слагая перьсты, какъ отецъ мой духовной протопонъ Аввакумъ». Пилать же повелѣ его в темницу затворити, потомъ, положа петлю на шею, на рѣлехъ повѣсилъ. Онъ же от земныхъ на небесная възде. Болши тово что ему могутъ здѣлать? Аще и младъ, да по старому здѣлалъ: пошелъ себѣ ко Владыке. Хотя бы и старой такъ догадался! В тѣ жо поры и сыновъ моихъ родныхъ двоихъ, Ивана и Прокопья, велено-жь повѣсити; да онѣ бѣдные оплошали и не догадались венцовъ побѣдныхъ ухватити: испужався смерти, повинились. Такъ ихъ с матерью троихъ в землю живыхъ закопали. Вотъ вамъ и без смерти смерть! Кайтеся, сидя, дондеже дьяволъ иное что умыслить. Страшна смерть: недиво! Нѣкогда и другъ ближній Петръ отречеся и, изшедъ вонъ, плакася горько, и слезъ ради прощенъ бысть. А на робяты и дивить нѣчево; моего ради согрѣшенія поупущено имъ изнеможеніе. Да ужъ добро; быть тому такъ! Силенъ Христосъ всехъ насъ спасти и помиловати.

Посемъ тойже полуголова Иванъ Благинъ былъ и у насъ в Пустозерье, приехавъ с Мезени, и взялъ у насъ скаску. Сице реченно: годъ

и мѣсяць, и паки: мы святыхъ отецъ церковное преданіе держимъ неизмѣнно, а палестинскаго патріарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаемъ. И иное тамъ говорено многого, и Никону, заворотнику ересемъ досталось небольшое мѣсто. Потомъ привели насъ к плахе и, прочеть наказъ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказѣ: Аввакума посадить в землю въ струбе, и давать ему воды и хлѣба. И я сопротивъ тово плюнулъ и умереть хотѣлъ, не евши, и не елъ дней с восемь и болши, да братья паки есть велѣли.

Посемъ Лазаря священника взяли и языкъ весь вырѣзали из горла; мало пошло крови, да и перестала. Онъ же и паки говоритъ без языка. Таже, положа правую руку на плаху, по замястье отсѣкли, и рука отсѣченная, на землѣ лежа, сложила сама перъсты по преданію, и долго лежала такъ пред народы; неповѣдала, бѣдная, и по смерти знаменіе Спасителево неизмѣнно. Мнѣ-су и самому сіе чудно: бездушная¹ одушевленныхъ обличаетъ! Я на третей день у него во ртѣ рукою мою щупалъ и гладилъ: гладко все, — без языка, а не болитъ. Далъ Богъ во времени часѣ исцелѣло. На Москвѣ у него рѣзали: тогда осталось языка, а нынѣ весь без остатку рѣзанъ; а говорилъ два годы чисто, яко и я с языкомъ. Егда исполнился два годы, иное чудо: в три дни у него языкъ выросъ совершенной, лишь маленько тупенекъ, и паки говоритъ, безпрестанно хваля Бога и отступниковъ порицая.

Посемъ взяли соловецкаго пустынника, инока схимника, Елисея старца, и языкъ вырѣзали весь же; у руки отсѣкли чегыре перъста. И сперва говорилъ гугниво. Посемъ молилъ пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и здѣшней, на воздухе; онъ же, одинъ взявъ, положилъ в ротъ свой, и с тѣхъ мѣсть сталъ говорить чисто и ясно, и языкъ совершенъ обрѣтесе во ртѣ. Дивна дѣла Господня и неизреченны судбы Владычни! — и казнить попускаеть, и паки целить и милуетъ! Да что много говорить? Богъ — старей чюдотворецъ, от небытія в бытіе приводитъ. Во се нетъ в день послѣдній всю плоть человѣчу во мгновеніи ока воскресить. Да кто о томъ разсудити можетъ? Богъ бо то есть: новое творить и старое поновляеть. Слава Ему о всемъ!

Посемъ взяли дьякона Теодора: языкъ вырѣзали весь же, оставили кусочикъ небольшой во ртѣ, в горлѣ накомъ рѣзанъ; тогда на той мѣре и зажилъ; а опослѣ и опять со старой выросъ, и за губы выходитъ, притупъ маленько. У него же отсѣкли руку поперегъ ладони. И все, далъ Богъ, стало здорово, — и говоритъ ясно противъ пражпева и чисто.

Таже осыпали насъ землею: струбъ въ землѣ, и паки около земли другой струбъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьми замѣками; стражіе же пре-дверми стражаху темницы. Мы же, здѣсь и вездѣ сидящіи в темницахъ, поемъ пред Владыкою Христомъ, Сыномъ Божиимъ, пѣсни пѣснямъ, ихъ же Соломанъ воспѣ, зря на матеръ Вирсавію: се еси добра прекрасная моя, се еси добра любимая моя, очи твои горятъ яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зракъ лица твоего паче солнечныхъ лучъ и вся в красотѣ сіяешь, яко день в силѣ своей. (Хвала о церкви).

Таже Пилать, поехавъ отъ насъ, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочихъ нашихъ на Москвѣ жарили да пекли: Исаію сожгли, и после Авраамія сожгли, и иныхъ поборниковъ церковныхъ много множество погублено, ихъ же число Богъ изочтетъ. Чюдо, какъ то в познаніе не хотятъ пріити: огнемъ да кнутомъ, да висилицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ? — не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоломъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнутомъ, да висилицею в вѣру приводить. Но Господемъ реченно ко апостоломъ сице: шедше в міръ проповѣдите Евангеліе всей твари. Иже вѣру иметъ и крестится, спаенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ. Смотри, слышателю, — волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоломъ непокаряющихся огнемъ жечь и на вислицахъ вѣшать. Татарской богъ Магметъ написалъ во своихъ книгахъ сице: непокаряющихся нашему преданію и закону повелеваемъ главы ихъ мечемъ поделонити. А нашъ Христосъ ученикамъ Своимъ никогда такъ не повелѣлъ. И тѣ учителя явны яко пиши антихристовы, которые, приводя в вѣру, губятъ и смерти предають; по вѣре своей и дѣла творятъ таковы же. Писано во Евангеліи: не можетъ древо добро плодъ золь творити, ни же древо зло плодъ добръ творити: от плода бо всяко древо познано бываетъ. Да што много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота вѣнчатца, не по што ходитъ в Перьсиду, а то дома Вавилонъ. Ну-тко, правовѣрне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменіемъ Спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же пріяхомъ, от святыхъ отецъ: вотъ тебѣ царство небесное дома родилось! Богъ благословить: мучься за сложеніе перьсть, не разсуждай много! А я с тобою за сіе о Христѣ умрети готовъ. Аще я и немыслень гораздо, неuka человекъ, да то знаю, что вся в церкви, от святыхъ отецъ преданная, свята и непороч-

на суть. Держу до смерти, яко же пріяхъ; не прелагаю предѣль вѣчныхъ, до насъ положено: лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ! Не блуди еретики не токмо надъ жертвою Христовою и надъ крестомъ, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволомъ книги перепечатать, вся переменить, — крестъ на церкви и на просвирахъ переменить, внутрь олтара молитвы іерейскіе откинули, ектеньи переменяли, въ крещеніи явно духу лукавому молитца велятъ, — я бы имъ и с ъмъ в глаза наплевалъ, — и около кунѣли противъ солнца лукаво-еть ихъ водить, также и, церкви свята, противъ солнца же, и бракъ венчавъ, противъ солнца же водятъ, — явно противно творятъ, — а в крещеніи и не отрицаются сатоны. Чему быть? — дѣти ево: коли отца своего отрицаются захотятъ! Да что много говорить? охъ, правовѣрной душе! — вся горняя долу быша. Какъ говорилъ Никонъ, адовъ песъ, такъ и здѣлалъ: печатай, Арсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому! — такъ-су и здѣлалъ. Да болши тово нѣчимъ переменить. Умереть за сіе всякому подобаетъ. Будьте онѣ прокляты окаянные со всѣмъ лукавымъ замысломъ своимъ. а стражущимъ от нихъ вѣчная память трижды!

Посемъ у всякаго правовѣрнаго прощенія прошу: иное было, кажется, про житіе-то мнѣ и не надобно говорить; да прочтохъ Дѣяніе Апостольская и Посланія Павлова, — апостоли о себѣ возвѣщали же, егда что Богъ содѣлаеть в нихъ: н е н а м ъ , Б о г у н а ш е м у с л а в а . А я ничто-жъ есмь. Рекохъ, и паки реку: азъ есмь человекъ грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникамъ и всякому человеку лицемѣрецъ окаянной. Простите же и молитесь о мнѣ; а я о васъ долженъ, чтущихъ и слушающихъ. Болши тово жить не умѣю; а что здѣлаю я, то людямъ и сказываю; пускай Богу молятся о мнѣ! В день вѣка вси жо тамъ познають содѣланная мною — или благая, или злая. Но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; не ученъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ в себѣ имамъ, яко-жъ и апостоль глаголетъ: а щ е и н е в ѣ ж - да с л о в о м ъ , н о н е р а з у м о м ъ .

Простите, — еще вамъ про невѣжество свое побесѣдую. Ей, заглупалъ, отца своего заповѣдь преступилъ: и сего ради домъ мой наказанъ бысть; внимай. Бога ради, како бысть. Егда еще я попомъ бысть, духовникъ царевъ, протопопъ Стефанъ Вьнифантьевичъ, благословилъ меня образомъ Филиппа митрополита, да книгою святаго Еврема Сирина, себя ползовать, прочитая, и люди. Азъ же окаянный, презрѣвъ отеческое благословеніе и приказъ, ту книгу брату двоюрод-

ному, по доукѣ ево, на лошадь променялъ. У меня же в дому былъ братъ мой родной, именемъ Евѣимей, зѣло грамотѣ гораздѣ и о церквѣ велико прилежаніе имѣлъ; на послѣдокъ взять былъ к большой царевнѣ вверху во псаломщики, а в морѣ и з женою скончался. Сей Евѣимей лошедь сію поилъ и кормилъ, и гораздо об ней прилежалъ, презирая правило многожды. И виде Богъ неправду в насъ з братомъ, яко неправо по истиннѣ ходимъ, — я книгу променялъ, отцову заповѣдь преступилъ, а братъ, правило презирая, о скотинѣ прилѣжалъ, — изволилъ насъ Владыко сице наказать: лошедь ту по ночамъ и в день стали бѣси мучить, — всегда мокра, заезжена, и еле жива стала. Азъ же недоумѣюся, коея ради вины бѣсь такъ озлобляетъ насъ. И в день недѣльный послѣ ужины, в келейномъ правилѣ, на полунощнице, братъ мой Евѣимей говорилъ кафизму непорочную и завопилъ высокимъ гласомъ: *п р и з р и н а м я и п о м и л у й м я !* — и испустя книгу из рукъ, ударился о землю, от бѣсовъ пораженъ бысть, — начать кричать и вопить гласы неудобными, понеже бѣси ево жестоко начаша мучить. В дому же моемъ иные родные два брата, — Козма и Герасимъ, — болши ево, а не смогли удержать ево Евѣиміа; и всѣхъ домашнихъ челоуѣкъ с тритцетъ, держа ево, рыдаютъ и плачють, вопіюще ко Владыке: «Господи помилуй! согрѣшили предъ Тобою, прогнѣвали Твою благостыню, прости насъ грѣшныхъ! помилуй юношу сего, за молитвъ святыхъ отецъ нашихъ!» А онъ пуци бѣситься, кричить, и дрожить, и бьется. Азъ же, помощію Божіею, в то время не смутихся от голыи тоя бѣсовьскія. Кончавше правило, паки начяхъ молиться Христу и Богородице со слезами, глаголя: «Владычице моя, Пресвятая Богородице! покажи, за которое мое согрѣшеніе таковое ми бысть наказаніе, да, уразумѣвъ, каюся предъ Сыномъ Твоимъ и предъ Тобою, впредь тово не стану дѣлать!» И, плачючи, послалъ во церковь по Потребникъ и по святую воду сына своего духовнаго, Симеона, — юноша таковъ же, что и Евѣимей, лѣтъ въ четырнатцетъ, дружно меж себя живуще Симеонъ со Евѣиміемъ, книгами и правиломъ другъ друга подкрепляюще и веселящися, живуще оба в подвиге крѣпко, в постѣ и молитвѣ. Той же Симеонъ, плакавъ по друге своемъ, сходилъ во церковь и принесъ книгу и святую воду. Азъ же начяхъ дѣйствовать надъ обуреваемымъ молитвы Великаго Василія, с Симеономъ: онъ мнѣ строилъ кадило и свечи, и воду святую подносилъ; а прочіи держали бѣснующагося. И егда в молитвѣ рѣчь дошла: *а з ъ т и о и м е н и Г о с п о д н и п о в е л е в а ю , д у ш е н ѣ м ѣ и г л у х і й , и з ы д и о т ѣ с о з д а н і я с е г о и к т о м у н е*

вниди в него, но иди на пустое мѣсто, идѣ же человекъ не живетъ, но токмо Богъ призираетъ, — бѣсъ же не слушаетъ, не идетъ изъ брата. И я паки ту же рѣчь в другорядѣ, и бѣсъ еще не слушаетъ, пуци мучить брата. Охъ, горе мнѣ! Какъ мочить? — и соромъ, и не смѣю; но по старцову Епифаніеву повелѣнію говорю; сице было: взялъ кадило, покадилъ образы и бѣснова, и потомъ ударилъся о лавку, рыдавъ, на много часъ. Возставше, ту же Василиеву рѣчь закричалъ к бѣсу: «изыди от созданія сего!» Бѣсъ же скорчилъ в колцо брата и, пружався, изыде, и сѣлъ на окошко; братъ же бывъ яко мертьвъ. Азъ же покропилъ ево водою святою; онъ же, очхнеся, перъстомъ мнѣ на бѣса, сѣдящаго на окошке, показываетъ; а самъ не говоритъ, связавшуся языку его. Азъ же покропилъ водою окошко: и бѣсъ сошелъ в жерновный уголь. Братъ же и тамъ ево указываетъ. Азъ же и тамъ покромилъ водою: бѣсъ же оттолѣ пошелъ на печь. Братъ же и тамъ указываетъ. Азъ же и тамъ тою же водою. Братъ же указалъ под печь, а самъ перекрестилъся. И азъ не пошелъ за бѣсомъ, но напоилъ святою водою брата во имя Господне. Онъ же, воздохня из глубины сердца, сице ко мнѣ проглагола: «спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнялъ у царевича и двухъ князей бѣсовскихъ! Будеть тебѣ бить челомъ братъ мой Аввакумъ за твою доброту. Да и мальчику тому спаси Богъ, которой в церковь по книгу и по воду-ту ходилъ, пособлялъ тебѣ с ними битца. Подобіемъ онъ, что и Симеонъ же, другъ мой. Подлѣ реки Сундовика меня водили и били, а сами говорятъ: намъ-де ты отданъ за то, что братъ твой Аввакумъ на лошедь променялъ книгу, а ты-де ея любишь; такъ-де мнѣ надобе брату поговорить, чтобъ книгу ту назадъ взять, а за нея бы далъ денги двоюродному брату». И я ему говорю: «я, реку, свѣтъ, братъ твой Аввакумъ». И онъ мнѣ отвѣщаль: «какой ты мнѣ братъ? Ты мнѣ батко; стнялъ ты меня у царевича и у князей; а братъ мой на Лопатищахъ живетъ, — будетъ тебѣ бить челомъ». Азъ же паки ему далъ святыя воды; онъ же и судно у меня отнимаетъ и съестъ хочеть, — сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскалъ и давать сталъ; онъ и не сталъ пить. Ночь всю зимнюю с нимъ простряпалъ. Маленько я с нимъ полежалъ, и пошелъ во церковь заутреню пѣть; и безъ меня бѣси паки на него начали, но легче прежнева. Азъ же, пришедъ отъ церкви, масломъ ево посвятилъ, и паки бѣси отъидоша, и умъ целъ сталъ; но дряхлъ бысть, от бѣсовъ изломанъ: на печь поглядываетъ и оттоля боится, — егда вуды отлучюся, а бѣси и навѣтовать ему стануть. Бился я в бѣсами, что с собаками, недѣли с три за грѣхъ мой, дондеже въ-

зялъ книгу и денги за нея далъ. И ездилъ к другу своему Иларіону игумну: онъ просвиру вынялъ за брата; тогда добро жилъ, — что нынѣ архіепископъ резанской, мучитель сталъ христіанской. И инымъ духовнымъ я билъ челою о братѣ: и умолили Бога о насъ грѣшныхъ, и освобожденъ от бѣсовъ бысть братъ мой. Таково-то зло заповѣди преступленіе отеческой! Что же будетъ за преступленіе заповѣди Господня? Охъ, да только огонь да мука! Не знаю, дни коротать какъ! Слабоуміемъ объять и лицемѣриемъ, и лжею покрытъ есмь; братоненавидѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ; во осужденіи всѣхъ человекъ погибаю, и, мняся нѣчто быти, а калъ и гной есмь, окаянной, — прямое говно! Отвсюду воняю, — душею и тѣломъ. Хорошо мнѣ жить с собаками да со свиньями в конурахъ: такъ же и онѣ воняютъ, что и моя душа, злосмрадною вонюю. Да свиньи и псы по естеству; а я от грѣховъ воняю, яко песь мертвой, поверженъ на улице града. Спаси Богъ властей твоихъ, что землю меня закрыли: себѣ ужъ хотя воняю, злая дѣла творяще, да иныкъ не соблажняю. Ей, добро такъ!

Да и в темницу-ту ко мнѣ бѣшаной зашелъ, Кирилупшко, московской стрелець, караульщикъ мой. Остригъ ево азъ и вымылъ, и платье переменялъ, — зѣло вшей было много. Замянуты мы с нимъ двое жили, а третей с нами Христосъ и Пречистая Богородица. Онъ, миленькой, бывало сереть и ссытъ под себя, а я ево очищаю. Есть и пить просить, а безъ благословенія взять не смѣеть. У правила стоять не захочеть, — дьяволъ сонъ ему наводитъ: и я постегая чотками, такъ и молитву творить станеть и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, онъ и паки бѣсноватися станеть. При мнѣ бѣснуется и палуетъ, а егда к старцу пойду посидѣть въ ево темницу, а ево положу на лавке, не велю ему вставать, и благословлю ево, и, докамѣсть у старца сижу, лежить, не встанеть, Богомъ привязанъ, — лежа беснуется. А в головахъ у него образы и книги, хлѣбъ, и квасъ и прочая, а ничево без меня не тронеть. Какъ прииду, такъ встанеть, и дьяволъ, мнѣ досаждая, блудить заставляеть. Я закричу, такъ и сядеть. Егда стряпаю, в то время есть просить и украсть тщится до времени обѣда; егда предъ обѣдомъ О т ч е н а ш ѣ проговорю и благословлю, такъ тово брашна и не есть, — просить неблагословеннова. И я ему силою в ротъ напекаю: и онъ и плачетъ, и глотаетъ. И какъ рыбою покормлю, тогда бѣсъ в немъ вздвигачится, а самъ из него говоритъ: «ты же де меня ослабилъ!» И я, плакавъся пред Владыкою, опять постомъ стягну и окрочу ево Христомъ. Таже масломъ ево освятилъ, и отрадило ему от бѣса. Жилъ со мною с мѣсяць и болши. Передъ смертію обра-

зумился. Я исповѣдалъ его и причастилъ: онъ же и преставился, миленькой, скоро. И я, гробъ купя и саванъ, велѣлъ погребѣсти у церкви; попамъ сорокоустъ далъ. Лежалъ у меня мертвый сутки: и я ночью, воставъ, помоля Бога, благослова его мертвого, и с нимъ поцеловався, опять подле его спать лягу. Товарищъ мой, миленькой, былъ! Слава Богу о семь! Нынѣ онъ, а завтра я также умру.

Да у меня жъ былъ, на Москвѣ бѣшаной, — Филипомъ звали, — какъ я ис Сибири выехалъ. В ызбѣ в углу прикованъ былъ к стенѣ, понеже в немъ бѣсъ былъ суровъ и жестокъ гораздо, бился и дрался, и не могли с нимъ домочадцы ладить. Егда жъ азъ грѣшный со крестомъ и с водою прииду, повинень бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ Христовымъ, и ничево не смѣеть надо мною дѣлать. И молитвами святыхъ отецъ сила Божія отгнала от него бѣса; но только умъ еще несовершенъ былъ. Федоръ былъ над нимъ юродивой приставленъ, что на Мезени вѣры ради Христовы отступники удавили, — Псалтырь над Филипомъ говорилъ и училъ его Исусовой молитвѣ. А я самъ во дни отлучашеся от дому, токмо в нощи дѣйствовалъ надъ Филипомъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Федора Ртищева зѣло печалень, понеже в дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣре и о законѣ; а в моемъ дому в то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею межъ собою побранились — дьяволъ ссорилъ ни за што. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ гораздо, от печали: согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ними. Таже бѣсъ вздивіялъ въ Филипѣ, и началъ чепъ ломать, бѣсаясь, и кричать неудобно. На всѣхъ домашнихъ нападе ужасъ и зѣло голка бысть велика. Азъ же безъ исправленія приступилъ к нему, хотя его укротити; но не бысть попржнему. Ухватилъ меня, и учалъ бить и драть, и всяко меня, яко паучину, терзаетъ, а самъ говорить: «попалъ ты мнѣ в руки!» Я токмо молитву говорю; да безъ дѣлъ не ползуетъ и молитва. Домашніе не могутъ отнять; а я и самъ ему отдался. Вижу, что согрѣшилъ: пускай меня бьетъ. Но, — чудень Господь! — бьетъ, а ничто не болитъ. Потомъ бросилъ меня от себя, а самъ говорить: «не боюсь я тебя!» Полежалъ маленко, с совестию и собрался. Воставше, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощатца со слезами, а самъ ей, в землю кланяясь, говорю: «согрѣшилъ, Настасья Марвовна, — прости мя грѣшнаго!» Она мнѣ также кланяется. Посемъ и съ Фетиніею тѣмъ же образомъ простился. Таже легъ среди горницы и велѣлъ всякому челоуку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спине: челоукъ было з дватцеть, — и жена и дѣти, всѣ, плачючи, стегали. А я

говорю: аще кто бить меня не станетъ, да не имать со мною части во царствїи небеснемъ!» И онѣ, нехотя, бьютъ и плачють; а я ко всякому удару по молитвѣ. Егда жъ всѣ отбили, и я, воставше, сотворилъ предъ ними прощеніе. Бѣсъ же, видѣвъ неминуемую, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа. И я крестомъ ево благословилъ, и онъ постарому хорошъ сталъ. И потомъ исцелѣлъ Божіею благодатіею о Христѣ Ісусѣ, Господѣ нашемъ, Ему жъ слава.

А егда я былъ в Сибири, — туды еще ехалъ, — и жилъ в Тоболскѣ, привели ко мнѣ бѣшанова, Ѳеодоромъ звали. Жестокъ же былъ бѣсъ в немъ. Соблудилъ в великъ день з женою своею, наругая празникъ, — жена ево сказывала, — да и взбѣсился. И я, в дому своемъ держа мѣсяца з два, стужалъ об немъ Божеству, в црековъ водилъ и масломъ освятилъ, — и помиловалъ Богъ: здравъ бысть и умъ исцелѣ. И сталъ со мною на крылосѣ пѣть в литоргію: во время переноса и досадилъ мнѣ. Азъ в то время побивъ ево на крылосѣ, и в притворѣ велѣлъ пономарю приковать к стѣне. И онъ, вышатавъ пробой, пущи и первова вбѣсясь, в обѣдню ушелъ на дворъ к большому воеводѣ, и сундуки разломавъ, платье княгинино на себя вздѣлъ, а ихъ розгонялъ. Князь же, осердясь, многими людьми в тюрьму ево оттащили; онъ же в тюрьмѣ юзниковъ бѣдныхъ всѣхъ перебилъ и печь разломалъ. Князь же велѣлъ ево в деревню к женѣ и дѣтямъ сослать. Онъ же, бродя в деревняхъ, великіе пакости творилъ. Всякъ бѣгаетъ от него. А мнѣ не дадутъ воеводы, осердясь. Я по немъ предъ Владыкою плакалъ всегда. Посемъ пришла грамота с Москвы, — велено меня сослать ис Тоболска на Лѣну, великую реку. И егда в Петровъ день собрался в дощеникъ, пришелъ ко мнѣ Ѳеодоръ целоумень, на дощенике при народѣ кланяется на ноги мои, а самъ говоритъ: «спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что помиловалъ мя. По пустыни-де я бѣжалъ третьева дни, а ты-де мнѣ явился и благословилъ меня крестомъ: и бѣси-де прочъ отбѣжали от меня, и я пришелъ к тебѣ поклонитца, и шаки прошу благословенія от тебя». Азъ же, на него глядя, поплакалъ и возрадовался о величіи Божіи, понеже о всѣхъ насъ печется и промышляетъ Господь, — ево исцелилъ, а меня возвеселилъ! И поуча ево, благословя, отпустилъ к женѣ ево и дѣтямъ в домъ. А самъ поплылъ в ссылку, моля о немъ Христа, Сына Божія-свѣта, да сохранитъ его и впредь от неприязни. А назадъ я едучи, спрашивалъ про него; и мнѣ сказали: «преставился-де, послѣ тебя годы с три живучи христіански з женою и дѣтми». Ино добро. Слава Богу о семъ!

Простите меня, старецъ с рабомъ тѣмъ Христовымъ: вы мя поупдисте сіе говорить. А однако ужъ розвякался, — еще вамъ повесть скажу. Какъ в попахъ еще былъ, тамъ же, гдѣ брата бѣси мучили, была у меня в дому мѣемъ вдова молодая, — давно ужъ, и имя ей забылъ! помнится, Офимьею звали, — ходитъ и стряпаеть, и все хорошо дѣлаеть. Какъ станемъ в вечеръ начинать правило, такъ ея бѣсъ ударитъ о землю, омертвѣеть вся, яко камень станеть, и не дышитъ, кажется, — ростянетъ ея среди горницы, и руки, и ноги, — лежитъ яко мертва. И я, О в с е п ѣ т у ю проговоря, кадиломъ покажу, потомъ крестъ положу ей на голову, и молитвы Василиевы в то время говорю: такъ голова подъ крестомъ и свободна станеть, баба и заговорить; а руки, и ноги и тѣло еще мертво и каменно. И я по рукѣ поглажу крестомъ: такъ и рука свободна станеть; я — и по другой: и другая также освободится; я — и по животу: такъ баба и сядеть. Ноги еще каменны. Не смѣю туда крестомъ гладить, — думаю, думаю, — и ноги поглажу: баба и вся свободна станеть. Вставше, Богу помолясь, да и мнѣ челомъ. Покуда таки — ни бѣсъ, ни што былъ в ней, много времени такъ в ней игралъ. Масломъ ея освятилъ, такъ вовсе отошелъ прочь: исцелила. далъ Богъ. Да иное два Василия у меня бѣшаные бывали прикованы, — странно и говорить про нихъ: калъ свой ели.

А еще сказать ли тебѣ, старецъ, повесть? Блазновато, кажется, — да было такъ. Въ Тоболске была у меня дѣвица, Анною звали, дочь моя духовная, гораздо о правилѣ прилежала о церковномъ и о келейномъ, и вся міра сего красоту вознебрегла. Позавиде дьяволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о первомъ хозяинѣ своемъ Елизарѣ, у него же выросла, привезена ис полону ис кумыковъ. Чистотою дѣвство соблюла и, егда исполнилася плодовъ благихъ, дьяволъ окралъ: захотѣла от меня отъиги и за первова хозяина замужъ пойти, и плакать стала всегда. Господь же пустилъ на нея бѣса, смиряя ея: понеже и меня не стала слушать ни в чемъ, и о поклонехъ не стала радѣть. Егда станемъ правило говорить, она на мѣсте станеть, прижавъ руки, да такъ и простоятъ. Видѣ Богъ противленіе ея, послалъ бѣса на нея: в правилѣ стоящу ей, да и вбѣсится. И мнѣ бѣдному жаль: крестомъ благословяю и водою покроплю, такъ и отступилъ от нея бѣсъ. И многаяжды такъ бысть. Она же единаче в безуміи своемъ и нешкорствѣ пребываетъ. Благохитрый же Богъ инако ея наказалъ: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дни и три ночи, не пробудясь, спала. Я лишю ея по времяномъ кажу спящую: тогда-сейда дохнетъ. Чаю, умереть. И в четвертый день очнулась; сѣла, да пла-

четь; есть ей даютъ: не есть. Егда я правило канонъное скончавъ и домочадцовъ, благословя, ропустилъ, паки начахъ во тмѣ без огня поклоны класть; она же с молитвою втай приступила ко мнѣ, и пала на ноги мои; и я, от нея отшедь, сѣлъ за столомъ. И она, приступя паки к столу и плачючи, говоритъ: «послушай, государь, велено тебѣ сказать». Я сталъ слушать у нея. «Егда-де я в правило задремала и повалилась, приступили ко мнѣ два ангела и взяли меня, и вели меня тѣснымъ путемъ. И на лѣвой странѣ слышала плачь, и рыданіе, и гласы умиленны. Потомъ-де меня привели во свѣтлое мѣсто, зѣло гораздо красно, и показали-де многіе красныя жилища и полаты; и всѣхъ-де краше полата неизреченною красотою сіяетъ паче всѣхъ, и велика гораздо. Ввели-де меня в нея: ано-де стоятъ столы, и на нихъ послано бѣло, и блюда з брашнами стоятъ. По конецъ-де стола древо кудряво повѣваетъ и красотою разными украшено; в дереве-де томъ птичьи гласы слышала я, а топерева-де не могу про нихъ сказать, каковы умилны и хороши! И подержавъ-де меня, паки ис полаты повели, а сами говорятъ: знаешь ли, чья полата сія? И азъ-де отвѣщала: не знаю; пустите меня в нея. Онѣ же отвѣщали: отца твоего, протопона Аввакума, полата сія. Слушай ево и живи такъ, какъ онъ тебѣ наказываетъ перьсты слагать и креститца, и кланятца, Богу молясь, и во всемъ не протився ему: такъ и ты будешь с нимъ здѣсь. А буде не станешь слушать, такъ будешь в давешнемъ мѣстѣ, гдѣ плаканіе-то слышала. Скажи жо отцу своему. Мы не бѣси водили тебя; смотри: у насъ папарты; бѣси-де не имѣють тово. И я-де, батюшко, смотрила, — бѣло у ушей тѣхъ ихъ». Да и поклонилася мнѣ, прощенія прося. Потомъ паки исправилася во всемъ. Егда меня сослали ис Тоболска, и я оставилъ у сына духовнаго тутъ. Хотѣла пострицися, а дьяволъ оиать здѣлалъ по своему: пошла за Елизара замужъ и дѣтокъ прижила. И по осми лѣтехъ услышала, что я еду назадъ: отпросилася у мужа и постриглася. А какъ замужемъ была, по временамъ Богъ наказывалъ, — бѣсь мучилъ ея. Егда жъ азъ в Тоболескъ пріехалъ, за мѣсяць до меня постриглася, и принесла ко мнѣ два дѣтица и, положа предо мною робятишокъ, плакала и рыдала, кающеся, безстыдно порицая себя. Азъ же, предъ человѣки смиряя ея, многожды на нея кричалъ; она же прощается в преступленіи своемъ, каеся предъ всѣми. И егда гораздо ея утрудилъ, тогда совершенно простилъ. В обѣдню за мною в церковь вошла. И нападе на нея бѣсь во время переноса, — учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать. Азъ же зжалихся об ней: покиня херувимскую пѣсть, взявше от

престола крестъ, и на крылось взошедь, закричалъ: «запрещаю ти именемъ Господнимъ; полно, бѣсъ, мучить ея! Богъ проститъ ея в сій вѣкъ и в будущій!» Бѣсъ же изыде из нея. Она же притече ко мнѣ и пала предо мною за нюже вину. Азъ же крестомъ благословя, и с тѣхъ мѣсть простилъ, и бысть здрава душою и тѣломъ. Со мною и на Русь выѣхала. И какъ меня стригли, в томъ году страдала з дѣтми моими от Павла митрополита на патриархове дворѣ вѣры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцехъ Агафья.

А какъ я былъ на Мезени, отче Епифаній, при воеводѣ Алексѣе Цехановицкомъ, — панъ былъ вѣрою римскаго костела; выѣхавъ, на Москвѣ крестился, да втайнѣ держалъ римскую вѣру. Жена у него была, Евдокіею звали, вправду она держала нашу вѣру. И послѣ родинъ разнемоглася гораздо. А се и бѣси напали на нея, Богу попускающу, и зѣло жестоко мучить стали ея. Мало нѣчто образумясь, захотѣла мнѣ исповѣдаться. Егда же азъ пришелъ, а бѣси и паки учили мучить крѣпко и жестоко ея. Азъ же, грѣшный, за болящую молебень пѣлъ, и воду святилъ и кропилъ ю: и бѣси отступиша отъ нея. С ревностію великою и со слезами исповѣдалася мнѣ. Грамотѣ умѣла, панья разумная была, проклинала зѣло усердно римскую вѣру. Мужа, браня говорить: «все для него, батюшко, наказуетъ меня Богъ: втайнѣ держитъ римскую вѣру, а Богу она зѣло досадна и мерзска; слава Христу, что меня избавилъ от нея! Показа мнѣ, батюшко, пеклъ и свѣтлыя мѣста: всѣ-де римскіе вѣры люди осуждаются въ пеклъ, еже есть — во огонь; а руская вѣра яко солнце сіяетъ от всѣхъ вѣръ, и всѣ христіане во свѣтъ грядутъ, я видѣла сама. Да и у васъ за грѣхъ въ вѣрѣ раздѣленіе бысть. Худы-де затѣи новыя и мрачны зѣло: умри ты, за что стоишь, и меня научи, какъ умереть. Видѣла я сама, каково будетъ тебе: перебрелъ ты уже запинанія бѣсовскія вся. Охъ, охъ, не покинь меня, пастырю добрый мой, и молись о мнѣ, да не отлучюся тебѣ! А мнѣ уже самой исправитися нѣколи стало: сказали мнѣ, — нынѣ или завтра умереть. Причасти меня причастиемъ запаснымъ своимъ, Бога ради! А крещуся я, слагая персты потвоему; а три персты отмещу и ненавижу: злѣ такъ наши римляне крестятся. Да будутъ прокляти от вселенскихъ соборовъ за сіе мудрованіе! И мужъ мой с ними же проклятъ. Я видѣла сама, что имъ уготовано у Христа. Помилуй же ты меня, отченко мой, не покинь меня в молитвахъ своихъ! А я, ей-ей, твоя овца; тутъ же желаю быть, идѣже будешь ты. Помилуй, батенко, помилуй квѣтенка мой, сирѣчь миленкой мой. Дѣль моихъ пѣтъ;

токмо вѣрою уповаю быти при тебѣ, какъ вѣрую и держу, и умираю с тѣмъ, какъ проповѣдуешь и страждешь за что. Иного Бога не вѣмъ, но токмо Того, Его же любишь ты и Его ради мучился. Усвой душу мою при своей душе! Слушаетъ тебя Богъ и любить тебя, — невозможно мнѣ говорить про то; одно говорю: не забудь ты меня! А моя душа скоро разлучается от тѣлеси: вся вѣка сего не вѣмѣняю ни во что при тамошнемъ нѣчесомъ маленькимъ, еже видѣла». Да и много, старецъ, она говорила, — я ужъ и не помню иное. Мнѣ и самому стало соромъ себя, — не по дѣламъ моимъ величала меня. Да такъ и учинилося: в другой день и умерла. Послѣ моленія тово вѣстала и сѣла на постѣль, и ухватила меня, къ себѣ, плачючи прижимала. А сама паки тоже говорить и кланяется мнѣ. Я ея положилъ: гораздо трудна, трясется вся. И она, лежа, перстомъ указываетъ: «отченько мой, вотъ черти пришли, стужаютъ мнѣ, взять меня хотятъ; помолись, да отступятъ от меня!» И я взялъ кадило и крестъ, благословилъ, и мѣсто все водою покропилъ; такъ перекрестилась и молвила: «отступили, отченько; но стужаютъ мнѣ и просятъ души моей; и я не могла отбыть — отдала имъ душу свою, симъ крючкомъ вытасца». Я, старецъ, посмотрю в рукѣ у нея — ако булавоцька, крючикъ малехонекъ! И я отнялъ у нея, да зашумѣлъ на служанокъ, нашто ей булавку дали. И онѣ всѣ божатся: никакъ-де не давали! Ано ей бѣси дали булавку-ту! Видишь ли, какъ онѣ прилѣзатъ о душахъ тѣхъ? Сплюю огничаютъ! Горе, горе! Какъ уйдешь у нихъ, аще не Господь поможетъ! Потомъ я отбрелъ в домъ свой; а безъ меня пан-отъ, мужъ ея, силою напоилъ варенымъ пивомъ с кореніемъ и съ бѣдою, — намѣшено дѣволшины. Такъ ея бѣси опять стали мучить Мнѣ сказали. Я прибѣжалъ; сталъ бранить пана тово. Онъ мнѣ сталъ противится. И я, осердясь, со всѣмъ домою своимъ сошелъ, и протопищу взялъ. А ея бѣси мучать; зѣло голка велика бысть. Пришелъ я домой: печально мнѣ и жалъ. Опять панъ шлетъ ко мнѣ; прощенія просить. Я и опять к ней пришелъ, — и она в кровь избилася вся, а сама кричитъ: «для мужа бѣси мучатъ меня! нѣсть онъ мнѣ мужъ безвѣрія ради своего!» Такъ онъ болную ея в щоку ударилъ. А она таже кричитъ. Соромъ ему стало. А я ево высалъ из избы и молебень отпѣлъ; помазалъ ея масломъ и водою покропилъ: бѣси паки отступилися от нея, дѣлоумна паки стала, римскую вѣру проклиняетъ и, персты слагая, крестится истинно. Я ея паки причастилъ и, благодаря Хреста, чинно и тихо преставилася. Я и погребенію предаль ея в малой слободкѣ — не у церкви, на берегу погребъ: сама изволила мѣсто то, какъ жива была. Видиш-ли? о сложеніи пер-

страхъ и мертвая свидѣтельствуеть, яко зло треперстная ересь. *)
(Вторая редакція).

*) О сложеніи персты. Всякому убо правовѣрну подобаеть крѣпко персты в рукѣ слагая держати и креститися, а не дряхлою рукою знаменатися с нерадѣніемъ и бѣсовъ тѣшити, но, подобаеть на главу и на брюхо, и на плеча класть рука с молитвою; еже бы тѣло слышало, и умомъ внимаю о сихъ тайнахъ крестися; тайны тайнамъ в руке персты образуютъ. Сице разумѣй, по преданію святыхъ отецъ, подобаеть сложити три перста: великій и мизинецъ, и третій подлѣ мизиннаго, всѣхъ трехъ концы вкупѣ, — се являеть триипостасное Божество Отца и Сына и Святаго Духа; таже указательный и великосредній — два сія сложити и единъ от двухъ великосредній мало наклонити; се являеть Христово смотреніе Божества и челоуѣчества; таже вознести на главу — являеть умъ перожденный: Отець роди Сына превѣчнаго Бога прежде вѣкъ вѣчныхъ; таже на пупъ положить — являеть воплощеніе Христа Сына Божія от святыхъ Богоотроковицы Маріи; таже вознести на правое плечо — являеть Христово Вознесеніе и одесную Отца сѣдѣніе и праведныхъ стояніе; таже на лѣвое плечо положить — являеть грѣшныхъ от праведныхъ отлученіе и в муки прогнаніе, и вѣчное осужденіе. Тако научиша насъ персты слагати святіи отцы: Мелетій, архіепископъ антиохійскій, и Феодоритъ блаженный, епископъ киринейскій, и Петръ Дамаскинъ, и Максимъ Грекъ. Писано о семъ во многихъ книгахъ: во Псалтыряхъ и в Кириловѣ, и О вѣрѣ в книгѣ, и в Максимовѣ книгѣ, и Петра Дамаскина в книгѣ, и в житіе Мелетіевѣ; вездѣ одинако святіи о тайнѣ сей по вышереченному толкуютъ. И ты, правовѣрнѣ, назидая себя страхомъ Господнимъ, прекрестися и пады, поклонися главою в землю — се являеть Адамово паденіе; сгда же восклонисся — се являеть Христовымъ смотреніемъ всѣхъ насъ востаніе. Глаголи молитву, сокрушая свое сердце: Господи Іеусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Таже твори по уставу и метаніе на колѣну, какъ церковь пренде держала: опирайся руками и колѣньми, а главу до земли не доводи, — такъ Никоу, Черныя Горы игумень, повелѣваетъ в своей книгѣ творити метанія; всякому своя плоть пометати пред Богомъ подобаеть без лѣности и без гордыни во церкви и в дому, и на всякомъ мѣстѣ; изряднѣ, еже в великій постъ томитъ плоть своя по уставу, да не воюеть на духъ; в праздници же и в суботы, и в недѣли просто молимся стояще, поклоны по уставу творимъ поясныи и в церкви, и в келье, изравляюще главу противъ пояса, понеже праздника ради не томимъ плоти метаніемъ, а главу наклоняемъ в поясъ без лѣности и безгордыни Господу Богу и Творцу нашему. Субота бо есть успокоенія день, в онъ же Господь почи от всѣхъ дѣлъ своихъ, а недѣля — всѣхъ насъ востаніе Воскресенія ради. Тако же и праздници, радостно и духовно веселящися, торжествуемъ. Видишь ли, боголюбче, какъ у святыхъ тѣхъ положено разводно и спасительно, и покойно, некакъ у нынѣшнихъ антихристово духа: и в великой постъ метанія на колѣну класть окаяныи не захотѣли, гордыни и лѣности ради. Да что сему конецъ будетъ? Развѣ умерши стануть кланятца прилѣжно! Да мертвыи уже на ногахъ не стоятъ и не кланяются, лежатъ всѣ и ожидаютъ общаго востанія и противо дѣлъ воздаянія; а миѣ видится равныи уже онѣ мертвецамъ тѣмъ, аще и живи суть, по исполуживии, но дѣла мертвечія творять — срамно и глаголати о нихъ. Онѣ же бѣдные мудрствуютъ тремя персты креститися — большою и указательный и великосредній, слагая в троицу, а не вѣдомо в какую, болшо в ту, что во Апокалеписѣ пишеть Иванъ Богословъ

— змії, звѣрь, лживый пророкъ. Толкованіе: змії — глаголетсѣ дѣволъ, а лживый пророкъ — учитель ложный, папа или патріархъ; а звѣрь — царь лукавый, любящій лєсть и неправду. Сія три перста предалъ Фармосъ, папа римскій, благословлялъ и крестился ими, и по немъ бывшій Стефанъ, седмый папа, выкопавъ, поругалъ ево, персть отсѣвъше бросилъ на землю, и разступилася земля и пожре персть; таже отсѣвъше, другій бросилъ, и бысть пропасть велика; потомъ и третій отсѣвши бросилъ, изыде из земли смрадь лють и начаша люди от смрада издыхати. Стефанъ же велѣлъ и тѣло Фармосово в Тиверь рѣку кинути и, сложа персты своя по преданію, благословилъ пропасть, и снидеся земля по прежнему паки — о семъ писано в лѣтописце латынскомъ, О вѣрѣ книги указываетъ, лѣтописецъ которой. Но аще ревнитель Стефанъ и обличалъ сію триперстную ересь, а однако римляне и донинѣ трема персты крестятся потомъ и Польщу прельстили, и вси окрестныя рѣши — немецъ, и серби, и албансы, и волохи, и греки вси оболстелись, а нынѣ и наша Русь ту же три перста возлюбила — преданіе Никона отступника со дѣволомъ и с Фармосомъ. Еще же и новой адовъ пєсъ выскочилъ из бездны в грекахъ Дамаскинъ иподьяконъ безимянникъ, и предалъ безумнымъ грекамъ тѣ же три перста, толкуеть за Троицу, отсѣкая вочеловѣченіе Христова. Чему бытъ? Выблядохъ того же римскаго костела, братъ Никону патріарху! Да тамъ же в грекахъ какой-то, сказывають, протопопъ Малакса архіерсомъ, іереомъ благословлять рукою повелѣваетъ, нѣбако странно сложа персты — Ісусъ Христомъ. Все дико: у давешняго врага вочеловѣченія нѣтъ, а у сего Малаксы Святыя Троицы нѣтъ! Чему бытъ? Время то пришло, — нѣкъмъ имъ играть, аже не Богомъ. Да что на нихъ и сердитоватъ! Писаное время пришло. Ипполитъ святой и Ееремъ Сиришъ издавеча уразумѣвъ о семъ времени, написали сице: и дасть имъ скверный печать свою за знаменіе Спасителево; се о трехъ перстахъ реченно — егда самъ себя волею своею печатаеть трема персты, таковаго умъ темень бываетъ и не разумѣваетъ правая, всегда помраченъ печати ради сея скверныя. Еще и другое писаніе: и возложитъ имъ скверный и мерскій образъ на чело — се писано о архіерейскомъ благословеніи, еже Малакса предалъ; от разумѣющихъ толкуеться: идолъ в рукѣ слагая, на чело возлагають, еже есть мерскій образъ. Да будутъ онѣ прокляты со своимъ мудрованіемъ развращеннымъ тотъ — такъ, другой — инакъ, сами в себѣ несогласны враги креста Христова. Мы же держимъ святыхъ отецъ преданіе — Мелетія и прочихъ неизмѣнно, — яко же знаменуемъся пятью персты, тако же и благословляемъ пятью персты во Христа и во Святую Троицу, слагая по вышереченному, какъ святіи предаша; и при царѣ Иванѣ бывшій в Москвѣ помѣстный соборъ такъ же персты повелѣвають слагати, яко же Θεодоритъ и Мелетій, и Петръ, и Максимъ Грекъ научиша пятью персты креститися и благословляти. Тамо на соборѣ быша знаменосцы Гурій и Варсонофій, и Филиппъ — русскія чудотворцы, и ты, правовѣриѣ, без сомнѣнія, держи преданія святыхъ отецъ, Богъ тебя благословитъ, умри за сіе и я с тобою же долженъ. Станемъ добрѣ, не предадимъ благовѣрія, не по што намъ ходитъ в Персиду мучитца, а то дома Вавилонъ нажили. Слава о семъ Христу Сыну Божію со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (Третья редакция).

Ко мнѣ же, отче, въ домъ принашивали матери детокъ своихъ маленкихъ, скорбію одержимыхъ грыжною; и мои дѣтки егда скорбѣли во младенчествѣ грыжною болѣзнію, и я масломъ священнымъ, с молитвою презвитеръскою, помажу вся чювьства и, на руку масла поло-

жа, младенцу спину вытру и пулятка — и, Божією благодатію, грязная болѣзнь и минуется во младенце. И аще у коего отрыгнетъ скорбь, и я такъ же сотворю: и Богъ совершенно исцеляетъ по своему чело-вѣколюбію.

А егда еще я былъ попомъ, с первыхъ временъ, какъ к подвигу касатися сталъ, бѣсѣ меня пуживалъ сице. Изнемогла у меня жена гораздо и пріехалъ к ней отецъ духовной; азъ же из двора пошелъ по книгу в церковь ноци глубоко, по чему исповѣдать ея. И егда на паперть пришелъ, столикъ до тово стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствомъ скачетъ столикъ на мѣсте своемъ. И я, не устрашася, помолясь предъ образомъ, осѣнилъ рукою столикъ и, пришедъ, поставилъ ево, и пересталъ играть. И егда в трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавке в трапезе во гробу стоялъ, и бесовскимъ дѣйствомъ верхняя раскрылася доска, и саванъ шевелитца сталъ, устрашая меня. Азъ же, Богу помолясь, осѣнилъ рукою мертвеца, и бысть попрежнему все. Егда жъ в олтарь вошелъ, ано ризы и стихари летаютъ с мѣста на мѣсто, устрашая меня. Азъ же, помоляся и поцеловавъ престоль, рукою ризы благословилъ, и пощупалъ приступающа: а онѣ постарому висятъ. Потомъ, книгу взявъ, ис церкви пошелъ. Таково то ухищреніе бѣсовское к нам! Да полно тово говорить. Чего крестная сила и священное масло надъ бѣшаными и болными не творить Божією благодатію! Да намъ надобе помнить сіе: не нас ради, ни намъ, но имени Своему славу Господь даетъ. А я, грязь, что могу здѣлать, аще не Христосъ? Плакать мнѣ подобаетъ о себѣ. Іюда чудотворецъ былъ, да сребролюбія ради во дьяволу попалъ. И самъ дьяволъ на небе былъ, да высокоумія ради сверженъ бысть. Адамъ былъ в раю, да сластолюбія ради изгнанъ бысть, и пять тысячъ пять сотъ лѣтъ во адѣ былъ осужденъ. Посемъ разумѣя всякъ, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падеть. Держись за Христовы ноги и Богородице молись и всѣмъ святымъ, такъ будетъ хорошо.*)

*) Еще скажу вамъ о жертвѣ никоціанской: сѣдящу ми в темнице, принесоша ми просвиру вынутую со крестомъ Христовымъ. Азъ же облазился, взялъ ея и хотѣлъ потребить на утро, чаялъ — чистая православная над нею была служба, понеже попъ старопоставленной служилъ над нею, а до тово онъ попъ по новымъ служилъ книгамъ и паки сталъ служить по старому, не покаявся о своей блудне. Положа я просвиру в углу на мѣстѣ, и кадилъ в правило в вечеръ; егда же возлежъ в ночь ту и умолкоша уста моя от молитвы, прискочиша ко мнѣ бѣсовъ полкъ, и едикъ щербать черменъ взялъ меня за голову и говорить: «семь-но-ты сюды, попалъ ты в мои руки!» и завернулъ мою голову. Азъ, же, томяся, еле-еле назнаменовалъ

Исусову молитву, и отскочиша и исчезоша бѣси; азъ же, стоя и охая, недоумѣюся: за что меня бѣсъ мучилъ? Помоля Бога, опять повалился; егда же забыхся, вижу на нѣбосмѣ мѣстѣ церковь и образъ Спасовъ, и крестъ полатынѣ написашъ, и латынники инымъ образомъ, прилякивая, молятся полатынски. Мнѣ же нѣкто отъ предстоящихъ велѣлъ крестъ той поцеловати. Азъ же егда поцеловахъ, нападоша на мя паки бѣси и зѣло мя утрудиха; азъ же послѣ ихъ встанился, зѣло расслабленъ и разломанъ, не могу и сидѣть. Уразумѣлъ, яко просвиры ради отъ бѣсовъ обруганъ, выложилъ ея за окошко, и ночь ту и день препроводилъ въ трудѣ и немоществуя, разсуждая, что сотворю надъ просвирою. Егда же приде ночь другая, по правилѣ возлегшу ми, и, не спя, молитвы говорю. Вскочиша бѣсовъ полкъ въ кѣлью мою зъ домрами и зъ гутками, и одинъ сѣлъ на мѣстѣ, идѣже просвира лежала, и начаша играти въ гутки и въ домры, — а я у нихъ слушаю, лежа; меня ужъ не тронули и исчезоша. Азъ, послѣ ихъ воставъ, моля Бога со слезами, общался жжечь просвиру ту, и приде на мя благодать Духа Святаго, яко искры во очю моею блестяхуся огня невестественнаго, и самъ я въ той часъ оздравѣлъ, благодатию духовною, — сердце мое наполнилося радости. Затопя печь и жжегше просвиру, выкинулъ и пепель, за окошко, рекохъ: «вотъ, бѣсъ, твоя отъ твоихъ тебѣ въ глаза бросаю». И на ину ночь одинъ бѣсъ въ хижу мою вошелъ, походя и ничево не обрѣте, токмо чотки изъ рукъ моихъ вышебъ, и исчезе. Азъ же, поднявъ чотки, паки началъ молитвы говорити. И во ину время, среди дня на полу въ поддыменье лежа, опечалихся креста ради, что на просвирѣ жжегъ, и отъ печали зашѣлъ стихъ на гласъ третій: и печаль мою предъ Нимъ возвѣщу; а бѣсъ въ то время на меня вскричалъ зѣло жестоко болно, азъ же ужасся и паки начашъ молитвы говорити. Таже во ину ночь забытїемъ ума о крестѣ томъ паки печалихся и уснухъ, и нападоша на мя бѣси, и паки умучиха мя, яко и прежде; азъ же расслабленъ и изломанъ, насилу живъ, съ доски свался на полъ, моля Бога и каюся о своемъ безумїи, проклялъ отступника Никона съ никошяны и книги ихъ еретическїя, и жертву ихъ, и вею службу ихъ, и благодать Божїя паки приде на мя и здравъ бысть. Видѣю, человѣче, какво лѣпно бѣсовское дѣйство христїаномъ! А егда бы съель просвиру ту, такъ бы меня, чаю, и задавили бѣси. Отъ малаго ихъ нїжонїянскаго священїя таковая бѣда, а отъ болшаго агнца причастїя, что получишь? — развѣ вѣчную муку. Лучше умереть, не причастїя, нежели, причастїя, осуждену быти.

(Третья редакція)

Еще тебѣ скажу, старецъ, повѣсть: какъ я былъ въ Даурахъ съ Пашковымъ съ Афонасїемъ на озерѣ Ир҃генѣ — гладны гораздо, а рыбы никто добыть не можетъ, а инова и ничево нѣтъ; отъ глада исчезаеми. Помоляся Бога, взявъ двѣ сѣти, въ протокѣ перекидалъ, на утро пришелъ, ано мнѣ Богъ далъ шесть язей да двѣ щуки: ино во всѣхъ людяхъ дивно, потому никто ничево не можетъ добыть. На другїе сутки рыбъ зъ десять мнѣ Богъ далъ. Тутъ же свѣдавъ Пашковъ и исполняся зависти, збилъ меня съ того мѣста и свои ловушки на томъ мѣстѣ велѣлъ поставити, а мнѣ, на смѣхъ и ругаясь, указалъ мѣсто на броду, гдѣ коровы и козы бродятъ. Человѣку воды по лодышку, — какая рыба? и лягушекъ нѣтъ! Тутъ мнѣ зѣло было горко, а се, подумавъ, рече: «Владыко человѣколюбче, не вода даетъ рыбу, —

Ты вся промысломъ Своимъ, Спасе нашъ, строишь на пользу нашу. Дай мнѣ рыбки той на безводномъ томъ мѣстѣ, посрами дурака того, прослави имя Твое святое, да не рекутъ невѣрніи, гдѣ есть Богъ ихъ». И помоляся, взявъ сѣти, в водѣ з дѣтьми бродя, положили сѣти. Дѣти, на меня, бѣдные, кручиняся, говорятъ: «батюшко, к чему гноить сѣти-те? видишь-ли: и воды нѣту, какой быть рыбе?» Азъ же, не послушавъ ихъ совѣту, на Христа уповаю, здѣлалъ такъ, какъ захогѣлось. И на утро посылаю дѣтей к сѣтямъ. Онѣ же отвѣщали: «батюшко государь, пошто итти? какая в сѣтяхъ рыба? Благослови насъ, и мы по дрова лутче збродимъ». Меня же духъ подвизаетъ, чаю в сѣтяхъ рыбу. Огорчася на болшова сына Ивана, послалъ ево одново по дрова, а с меншимъ потащилъ к сѣтямъ самъ. Гораздо о томъ Христу докучаю. Егда пришли, ино и чудно, и радостно обрѣли: полны сѣти напехалъ Богъ рыбы, свившиися клубомъ, и лежатъ с рыбою о середке. И сынъ мой Прокопей закричалъ: «батюшко государь, рыба, рыба!» И азъ ему отвѣщалъ: «постой, чадо, не тако подобаетъ, но прежде, поклонимся Господу Богу, и тогда пойдемъ в воду». И, помоляся, вытащили на берегъ рыбу, хвалу возсылая Христу Богу, и наки построя сѣти на томъ же мѣстѣ, рыбу на силу домой оттащили. На утро пришли опять, столко же рыбы; и слезно и чудно то было время, а на прежнемъ нашемъ мѣстѣ ничево Пашкову не даетъ Богъ рыбы. Онъ же, исполняся зависти, наки послалъ ночью и велѣлъ сѣти в клочки изорвати. Что петь з дуракомъ дѣлаешь! Мы, собравъ рваные сѣти, почивая втай, на иномъ мѣстѣ промышляя рыбку, кормились, от нево таяся, и здѣлали езь. Богъ же и тамъ сталъ рыбы давать, а діаволь ево научилъ и езь велѣлъ втай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили, и много тово было. Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ.

Терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца.

Слушай-ко, старецъ: еще ходилъ я на Шакшу озеро к дѣгямъ по рыбу, — от двора вереть с пятнатцеть, тамъ с людьми промышляли, — в то время какъ ледъ трѣснулъ и меня напоилъ Богъ, и у дѣтей накладше рыбы нарту большую, и домой потащилъ маленькимъ дѣтямъ послѣ Рождества Христова и, егда буду нареди дороги, изнемогъ, таща по землѣ рыбу, понеже снѣгу тамъ не бываетъ, токмо морозы велики; ни огня, ничево нѣтъ, ночь постигла, выбился из силы, вспотѣлъ и ноги не служатъ. Вереть с восьмъ до двора: рыба покинуть и такъ побрести — ино лисицы розъедаютъ, и домашніе гладны; все стало горе, а тащить не могу; потоща гоны мѣста, ноги задро-

жать, да и паду в лямке среди пути ниць лицемъ, что пьяной; и озябше, вставъ, еще попойду столько жъ, и паки упаду; бился такъ много, блиско полуночи; скиня с себя мокрое платье, вздѣлъ на мокрую рубаху сухую, тонкую тафтяную бѣлую шубу и взлѣзъ на вершину древа — уснулъ, повалился. Пробудился, — ино все замерзло: и безлуки на ногахъ замерзли, шубенко тонко, и животъ озябъ весь; увы, Аввакумъ, бѣдная сиротина, яко искра огня, угасаетъ и яко неплодное древо посѣкаемо бываетъ, — толко смерть пришла. Взираю на небо и на сіяющія звѣзды, тамо помышляю Влодыку, а самъ и перекреститься не смогу, весь замерзъ; помышляю лежа: «Христе, свѣте истинный, аще не Ты меня от безгоднаго сего и нечаемаго времени избавишь, нѣчева мнѣ стало дѣлать; яко червь исчезаю». А се согрѣяся сердце мое во мнѣ, ринулся с мѣста паки к нартѣ и на шею, не помню какъ, вложилъ лямку, опять потащилъ; ино нѣтъ силки; еще версты с четырьѣ до двора, — покинулъ, и нехотя, все; побрелъ одинъ, тащился с версту, да и повалился: толко не смогу; полежавъ, еще хочу побрести, ино ноги обмерзли: не смогу подымать, ножа нѣтъ, базлуковъ отрѣзать от ноги нѣчемъ; на колѣняхъ и на рукахъ ползъ с версту; колѣни озябли: не могу владѣть, опять слегъ; уже дворъ и не само далеко, да не могу попасть, на гузнѣ по маленьку ползу, — кое-какъ и доползъ до своея конуры; у дверей лежу, промолвить не могу, а отворить дверей не могу же. Ко утру уже встали; уразумѣвъ, протопопица втащила меня бытго мертвова в ызбу; жажда мнѣ велика, — напоила меня водою, разболочши. Два ей горя, бѣдной, в ызбѣ стало: я, да корова немощная, — толко у насъ и животовъ было, — упала на водѣ под ледъ; изломався, умираеть, в ызбѣ лежа; в двадцети в пяти рубляхъ сія чамъ пришла корова, робяткамъ молочка давала. Царевна Ирина Михайловна ризы мнѣ с Москвы и всю службу в Тоболескъ прислала, и Пашковъ на церковной обиходъ взявъ, мнѣ в то число коровку ту было далъ: кормила с робяты годъ-другой; бывало. и с сосною, и с травою мелочка тово хлебнешъ, такъ легче на брюхѣ. Плакавъ, жена бѣдная, с робяты, зарѣзала корову и истекшу кровь ис коровы дала найму казѣку и онъ приволокъ мою с рыбою нарту.

На обѣдѣ я, едше, грѣхъ ради моихъ, подавился: другая мнѣ смерть, с полчася не дышалъ, наклоняся, прижавъ руки, сидя; а не кускомъ подавился, но крошечку рыбки положи в ротъ, — вздохнулъ, вспомянувъ смерть, яко ничтоже человекъ в житіи семь, а крошка в горло и бросилась, да и задавила. Колотили много в спину, да и по-

кинули; не вижу ужь и людей, и памяти не стало; зѣло горко, горко в то время было; ей, горка смерть грѣшному человѣку! Дочь моя Агрѣѣна, — была невелика, — плакавъ, на меня глядя, много, и никто ея не училъ, — робенокъ, разбѣжався, локтишками своими ударила въ мою спину и крови печенье из горла рыгнуло, и дышать сталъ. Болшіе промышляли надо много много и без воли Божіи не могли ничево здѣлать, а приказалъ Богъ робенку, и онъ, Богомъ подвижаемъ, пророка от смерти избавилъ! Гораздо не велика была, промышляетъ около меня, бытто болшая, яко древняя Юдиѣ о Израили или яко Есвиръ о Мордохѣе, своемъ дядѣ, или Девора мужеумная о Вараце. Чюдно гораздо сіе, старецъ! Промысль Божій робенка наставлялъ — пророка от смерти избавить! Дни с три у меня зеленъ горкая из горла текла, не могъ ни есть, ни говорить: сіе мнѣ наказаніе за то, чтобъ я не величался пред Богомъ совѣстію своею, что напоилъ меня среди озера водою. А то посмотри, Аввакумъ, и робенка ты хуже! И дорогою было идучи исчезнулъ, — не величайся, дуракъ, тѣмъ, что Богъ сотворить во славу Свою чрезъ тебя какое дѣло, прославляя Свое пресвятое имя; Ему слава подобаеть, Господу нашему Богу, а не тебѣ бедному худому человѣку. Господь: славы Своея иному не дамъ. Сіе реченно о лжехристахъ, нарицающихся Богомъ, и на жиды, не исповѣдающихъ Христа Сыномъ Божіимъ. А индѣ писано: славящїи Мя прославляю. Сіе реченно о святыхъ Божїихъ, его же хочетъ Богъ, того прославляеть. Вотъ смотри, безумне, не самъ себя величай, но от Бога ожидай, какъ Богъ хочетъ, такъ и стройтъ; а ты-су какой святой? Изъ моря напился, а крошкою подавился! Толко-бъ Божіимъ повелѣніемъ не робенокъ от смерти избавилъ, и ты бы что червь: былъ, да и нѣтъ! А величается грязь худая: я-су бѣсовъ изгонялъ; то, се дѣлалъ; а себѣ не могъ помощи, толко бы не робенокъ! Ну, помни же себя, что нѣтъ тебя ни со што, аще не Господь что сотворить, по милости Своей, Ему же слава. *(Третья редакція)*.

Ну, старецъ, моево вяканья много ветъ ты слышалъ: о имени Господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову, какъ Богородица бѣса тово в рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи-те тебя если за тайно-етъ удъ, и какъ бѣс-отъ дрова-те сожегъ, и какъ кѣлья-та обгорѣла, а в ней цело все, и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное, что вспомнишь во славу Христу и Богородице. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я петъ осержусь. Любилъ слушать

у меня: чево соромитца, — скажи хотя немношко! Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Еросалимѣ предъ всѣми, елика сотвори Богъ знаменія и чюдеса во языцехъ снима, в Дѣяніихъ, зач. 36 и 42 зач., и величашеся имя Господа Ісуса. Мнози же отъ вѣровавшихъ приходяху исповѣдающе и сказующе дѣла своя. Да и много тово найдется во Апостолѣ и в Дѣяніихъ. Сказывай, небось, лишю совѣсть крѣпку держи; не себѣ славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай раб-отъ Христовъ веселится, чтучи! Какъ умремъ, такъ онъ почтетъ, да помянетъ предъ Богомъ насъ. А мы за чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить; наши онѣ люди будутъ тамъ у Христа, а мы ихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ЧЕЛОБИТНЫЯ КЪ ЦАРЮ

Челобитная (первая), поданная царю Алексѣю Михайловичу по возвращеніи изъ Даурь ¹⁾.

От высочайшая устроенному десницы, благочестивому государю, царю-свѣту Алексѣю Михайловичю ²⁾, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, радоватися ³⁾. Грѣшный протопопъ Аввакумъ Петровъ, припадая, глаголю тебѣ-свѣту, надеже нашей. Государь нашъ свѣтъ! что ти возглаголю, яко отъ гроба возставъ отъ дальняго заключенія, отъ радости великія обливаясь многими слезами,—свое ли смертоносное житіе возвѣщу тебѣ свѣту, или о церковномъ раздорѣ реку тебѣ-свѣту? ⁴⁾ Я чаял, живучи на востоке в смертехъ многихъ, тишину здѣ в Москвѣ быти; а я нынѣ увидялъ церковъ паче и прежняго смущенну. Свѣтъ нашъ государь, благочестивый царь! Златаустый пишеть на послание къ Евесѣомъ: ничтоже тако расколъ творить во церквахъ, якоже во властѣхъ любоначалие, и ничтожъ тако прогнѣваетъ Бога, якоже раздоръ церковной. Воистинно, государь, смущенна церковъ. Нынѣ лѣтомъ, в Преображеніевъ день, чудо пре-

¹⁾ Подлинная (въ свит. Синод. Библ., № 11216). Варианты приводятся по списку, находящемуся въ ркп. бібліотеки А. И. Хлудова № 254. Первый списокъ мы будемъ называть *Сн.*, второй—*Хл.*

²⁾ Хл. начинается такъ: *Царю и государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Росіи, самодержцу богомолецъ твой государевъ... А передъ этимъ блѣдною киноварью, въ видѣ заглавія (л. 64 об.): какъ приехалъ сотникъ с Кириломъ в монастырь Февраля в 23 день, недѣлю, а поехалъ в понедѣльникъ наутрі; увесъ собою (sic) обманомъ старца Ісаію нарядника. На полѣ противъ заглавія тою же киноварью: по Кирилову наученію іюня 2 день.*

³⁾ Нѣтъ Хл.

⁴⁾ Это мѣсто въ Хл.: *Богомолецъ твой государевъ, грѣшникъ протопопъ Аввакумъ Петровъ, припадая на колыну, усердно челомъ бѣю. Надежи ниша, свѣтъ-государь православный царь, услыши грѣшника мольбу, яко отъ гроба возставши отъ дальняго заточенія, двадцать бо и четыре попришь заточень былъ зъ жестою и здытми, и многими немсказанны быды подъяхъ обещанія ради будущахъ благъ, и нынѣ тобою, великимъ государемъ, въ царствующи градъ приволокъся.*

славно и ужасу достойно в Тоболскѣ показалъ Богъ: в соборной болшой церкви служилъ литургию ключар тоя церкви ¹⁾ Иванъ, Михаилов сынъ, с протодяконом Меѳодием; и егда возгласиша: „двери, двери ²⁾ мудростию ³⁾ вонмемъ“, тогда у священника ⁴⁾ со главы взяся ⁵⁾ воздухъ и повергло на землю; и ⁶⁾ егда исповѣданіе вѣры начали говорить, и въ то время звѣзда на дискосѣ над агньцем на все четыре поставленія преступала, и до возглашенія побѣдныхъ пѣ(сни) ⁷⁾; и ⁸⁾ егда приспѣ ⁹⁾ время протодякону къ дискосу ¹⁰⁾ притыкати, ¹¹⁾ приподнялася ¹²⁾ мало ¹³⁾ и ¹⁴⁾ стала на своемъ мѣстѣ на дискосѣ просто ¹⁵⁾. А служба у них в

¹⁾ Въ Хл. Надъяся живучи на востокъ, в монастырехъ, тишину здѣ на Москву быти; и пыль зрю в царствующимъ градѣ церковь паче прежняго смущенну и ни мала мира имущу. Святъ государь, благочестивой царь! Пишетъ на посланіе къ Ефессомъ свѣтло вселенныя Златоустый Иоаннъ: ничтоже тако прогнваетъ Бога, якоже раздоръ церковный, и ничто же тако расколъ творить в церквахъ, якоже любоначаліе во властвыахъ. Во 171 году, августа въ 6 день, бысть чудо преславно и ужаси достойно: въ Тобольскомъ в соборной церкви служилъ литургию „ключар тоя церкви попъ...“

²⁾ Нѣтъ Хл.

³⁾ Хл. премуд...

⁴⁾ — пона.

⁵⁾ — взятсѣя.

⁶⁾ — а.

⁷⁾ Хл. доб.: А служили, государь, в то время по новымъ Службникамъ по приказу архіерея.

⁸⁾ Хл. а.

⁹⁾ — приспѣло.

¹⁰⁾ — доб. тогда.

¹¹⁾ — притоскатъ.

¹²⁾ — звѣзда.

¹³⁾ — сама.

¹⁴⁾ Повторено опискою. Въ Хл. сама и стала...

¹⁵⁾ Далѣе въ Хл. читается: и многимъ, государь, мнится, яко воздухъ, поверженный на землю, образуетъ благодати лишеніе; звѣздное же необычное поступленіе Божіе прогнваніе яви, подъяти еже звѣзды самой и еже просто на своемъ мѣстѣ на дискосѣ ста, тишину отъ раздоровъ никако образова. Како убо, святъ-государь православный царь, нелишнимъ быти Божія благодати исповѣдающимъ в символъ вѣры Христа Сына Божія небеснаго царя быти и оца Святаго не истиннаго быти, но точію животворящаго? Отпльиже онъ, Пиконъ, ничто раздоры творити церкви и в тишеніи печатномъ портитъ книги, на всю Россію гнѣвъ Божій наведе. Не ложь намъ знаменіе моровое повѣтріе и десять мѣтъ мѣтъ, проливающъ христіанскую кровь, и во всякомъ градѣ и странахъ велие нестроение и туга великия всюду, слезы и стенаніе. Простота убо блаженныя паче общаго нашего отца, протопопа Стефана, и частое пролітіе слезъ с рыданіемъ о державѣ царствія твоего и негордоушенія, оною тишину показа в державѣ царствія твоего и упражняющихся о

церкви по новымъ Служебни(камъ). по приказу архиепископлю. И мнѣ ¹⁾, государь, мнится, яко и тварь рыдаетъ, своего владыку видя безчестна, яко неистинна глаголютъ Духа Святаго быти и Христа Сына Божія на небеси не царя быти во исповѣданіи своея вѣры. Да не одно, государь, то, но и моровое повѣтріе не мало нам знаменне было отъ Никоновыхъ затѣкъ, и агарянскоѣ меч стоитъ десять лѣтъ без престоани, отнележе разадраль онь церковь. Добро было при протопопѣ Стеѣанѣ, яко все быша тихо и немятежно, ради его слез и рыдания и негордаго учения: понеже не губилъ Стеѣан никого до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ на убинение. Тебѣ-свѣту самому житіе ево вѣстно ²⁾. Увы души моеѣ бѣдной! Лучши ³⁾ бы мнѣ ⁴⁾ в пустыни Даурской со звѣрми живучи, конецъ прияти, нежели нынѣ слышу во церквахъ Христа моего глаголющи ⁵⁾ невокресша. Вѣмъ ⁶⁾, яко скорбно тебѣ, государю, от доуки нашеѣ. Государь-свѣтъ, православной царь! Не сладко ⁷⁾ и намъ, егда ребра наша ломаюгъ, и, развязавъ насъ кнутьемъ мучать ⁸⁾, и томятъ на морозѣ голодом ⁹⁾. А все церкви ради Божія стражемъ ¹⁰⁾. Изволиш, государь, з долго-терпѣннемъ послушат ¹¹⁾, и я тебѣ-свѣту ¹²⁾ о своихъ бедахъ и напастехъ возвѣщу немного. Егда ¹³⁾ я былъ в полѣхъ в Нижегородскомъ уездѣ, ради церкви Божіа былъ удавлен ¹⁴⁾ и три часа лежалъ яко бездушен; руки мои и ноги были избиты, и имѣние

дѣле Божіи проповѣдниковъ слову Божію свѣтлѣйшую яви—Никонова же неопасная дерзость и безчеловѣчье к Божіемъ работъ всю рускую землю пусту показа и слезъ и рыдания исполнени. Свѣтъ-государь, благочестивой православной царь! Самому тебѣ-свѣту стеѣаново житіе извѣстно: и въ хитрословии бо силенъ былъ, но простотѣ сердца безпрестани царствія твоего Бога молилъ, сему и други своя училъ.

1) Хл. многомъ.

2) Хл. А служба... житіе его вѣстно—отсутствуютъ.

3) — лучше.

4) — ми.

5) въ подлинномъ оно вписано Аввакумомъ между строкъ.—Въ Хл. слово моего написано два раза и нѣтъ слова глаголющи.

6) Въ Хл. Въ сѣмъ.

7) — скорбно тебѣ, великому государю-свѣту, отъ нашеѣ доуки: Государь-свѣтъ православной царь, несладко...

8) — и развязавъ кнутьемъ биють...

9) — голодомъ.

10) — И сіе все царствія ради Божія страждемъ.

11) Въ Хл. вѣтъ.

12) — нашему.

13) — когда.

14) — ради церкви Божіа отъ бунтъ чловѣкъ былъ удавленъ...

мое не в одну пору бысть в разграбленіи ¹⁾; и сие ²⁾ мнѣ яко *уметь, да Христа моего приобретаю* ³⁾. И ⁴⁾ егда устроил мя Богъ протопопом въ Юрьевце Поволском⁵⁾, битъ ослониемъ, и топтанъ злыхъ человекѣвъ ногами, и дранъ за власы руками ⁶⁾: отнялъ меня Дионис Крюковъ еле жива. И о семъ молихся, да проститъ имъ Богъ здѣ и в будущемъ вѣце ⁷⁾. А Никонъ меня, патріархъ бывшей, на Москвѣ, по ногамъ бивъ, мучилъ недѣли с три по вся дни ⁸⁾, отъ перваго часа до девятаго ⁹⁾. И о сихъ всѣхъ благодарю Бога. Да онъ же, Никонъ ¹⁰⁾, егда моя взялъ от всеобщаго з двора протопопа Иоанна Неронова, ¹¹⁾ по его патріархову велѣнью ¹¹⁾, Борис Нелединской со стрѣльцами ¹²⁾, ризы на мнѣ изодрал ¹³⁾ и святое Евангеліе, с наложя збив, затоптали; и посадя на телѣгу с чепью, по улицам, ростяня мои руки, не в одну пору возили. И уш-то, государь, так попустилъ Богъ имъ ¹⁴⁾? И потомъ ¹⁵⁾ во Андроньевѣ монастырѣ посадил ¹⁶⁾ под полату пустую в землю, и три дни и три нощи на чепи держалъ ¹⁷⁾ без пищи. И о сихъ всѣхъ благодарю, государь, Бога. Прости, государь!—тут мнѣ пищу принесе ангель за молитвъ святаго отца протопопа Стефана. Не скучно ли тебѣ, государю-свѣту? И Сибирскія бѣды хочу вспомянути, колико во одиннатцеть лѣтъ на хрѣптѣ моемъ дѣлаша язвъ безаконніи, за имя Христово ¹⁸⁾. Не челобитѣемъ

1) Въ Хл. не в одну было разграблено...

2) — и сие все чинъ.

3) Ср. Фил. 3,8.

4) Въ Хл. а егда.

5) — въ протопопы въ Юрьевецъ Поволской...

6) — топтанъ ногами и дракъ за волосы руками злыхъ человекѣвъ...

7) Ср. молитву разрешительную въ чинѣ погребенія.

8) Въ Хл. А бывшей патріархъ Никонъ мучилъ мене на Москвѣ, билъ по ногамъ на правѣе три недѣли по вся дни без милости...

9) — И блаженныя памяти протопопъ Стефанъ деньги ему патріарху за мене давалъ за откупъ, и на всякъ день, зря из ногъ моихъ полъны голяницы крови, плакалъ; но безчеловѣчнъ онъ, Никонъ, и зря протопопа Стефана, о мнѣ плачуща, не умился.

10) И о сихъ всѣхъ благодарю Бога. Да онъ же Никонъ—въ Хл. вѣтъ.

11—11) — вѣтъ.

12) — А егда з двора протопопа Иоанна Неронова Борисъ Нелединской со стрѣльцами мене взялъ...

13) — изодралъ.

14) — И ужъ то, государь-свѣтъ, имъ такъ Богъ попустилъ.

15) — вѣтъ.

16) — Во андроніевѣ монастырь посадилъ...

17) — держалъ...

18) Ср. Пс. 128,3.

тебѣ государю, ниже похвалою глаголю, да не буду безуменъ! истину бо, по Апостолу реку ¹⁾). Яко ты наш государь, благочестивый царь, а мы твои богомолцы,—некому намъ возвѣщат, како строится во твоей державѣ ²⁾). Егда патриархъ бывшей Никонъ ³⁾) послалъ меня в смертосное ⁴⁾ мѣсто, в Дауры ⁵⁾, тогда ⁶⁾ на пути постигоша мя вся злая. По лицу грѣшному воевода ⁶⁾ бил своими руками, из главы волосы мои одрал, и по хрепту моему билъ чеканом ⁷⁾, и семьдесятъ два удара кнутом по той же спинѣ, и скована в тюрьмѣ держалъ пят недѣль, тридцать ⁸⁾ и ⁹⁾ семь недѣль морозилъ на морозѣ, чрез день дая пищу, и два ¹⁰⁾ лѣта против воды заставилъ меня тянуть лямку ¹¹⁾. От водяного ¹²⁾ наводнения и отъ зноби осенняя распух животъ мой и ноги, и ¹³⁾ от пухоты разсѣдалася ¹⁴⁾ на ногахъ моихъ кожа, и кровтечаше безпрестанно. А инии твои, государевы-свѣтовы ¹⁵⁾, казаки, тружущіеся в водахъ, в то время многие помирали отъ тоя воеводския налоги и муки ¹⁶⁾. И ¹⁷⁾ какъ мы дошли до мѣста, тамо насъ и со-

¹⁾ Ср. 2 Кор. 12,31.

²⁾ Въ Хл. отсюда и до словъ: *Егда патриархъ бывшей Никонъ, полнѣе: Прости, святѣ-государь, в то время видѣхъ в полатѣ яко в потирѣ державша пищу и рекохъ ему: „Откуда и како сѣмо прииде?“ Онъ же рече: „миръ ти, друже, держай и не убойся, Господь с тобою, выкуси же и пищу, юже ти принесохъ, а не истяжи откуда есмь“.* *Взяхъ убо сосудъ отъ руку его, и съдши ядохъ; той же съ молчаніемъ стояше предо мною. Егда же полъсосуда изядохъ, приступи человекъ онъ, и взя отъ мене сосудъ и рече: „довольетъ ти“.* *И абіе невидимъ бысть. Въ то убо время, государь, обрѣтохъ сердце мое радости исполнено. Не хвалюся тебѣ, государю, глаголю; да не буду безуменъ: истину бо, по Апостолу, реку. Яко ты нашъ благочестивый православны царь, а мы твои государевы богомолцы извѣстно творимъ ти, строя ради церкви. Послушай, молю тѣ, христіюлюбивы царю, и сибирскіихъ моихъ напастей. Отъ многихъ убо малая ти, святу реку.*

³⁾ Въ Хл. *Егда Никонъ...*

⁴⁾ — мене смертоносное.

⁵⁾ — во Удары.

⁶⁻⁶⁾ — тогда постигоша мя на пути злой воевода Аванасей Пашмаковъ по лицу моему грѣшному.

⁷⁾ — и со главы власы драгъ. По хрепту моему билъ чекмарь.

⁸⁾ — 35.

⁹⁾ — да.

¹⁰⁾ — два же...

¹¹⁾ — лотку.

¹²⁾ — и о водяниаго...

¹³⁾ — нѣтъ.

¹⁴⁾ *разседахуся.*

¹⁵⁾ — *А служивые твои государевы...*

¹⁶⁾ — отъ воеводскія налоги многие помирали.

¹⁷⁾ — а.

вершенное зло постигло: ель я съ казаками не по естеству пи-
щу, вербу и сосну, и траву и корение, и мертвыя мяса звѣрины,
а по напраснѣству ¹⁾ и по прилучаю,—и кобылие. И тово было
ядения шесть лѣтъ. А казаки бѣдныя всякую мертвечину, иные
волки и лисицы, иные ²⁾ человѣческую лайну ³⁾. И от тое ⁴⁾ нужды
человѣкъ с пятсотъ померло; а осталось немного,—человѣкъ
нынѣ с сорокъ. А иных онѣ, воевода Аѳонасей Пашков, пережег
огнем и перебил кнутѣмъ до смерти, якоже и меня мучил ⁵⁾. А
что, государь, у меня ⁶⁾ было изъ Енисѣйска везено с собою в
запасъ хлѣнца на предидушая лѣта: и тотъ хлѣбъ ⁷⁾ онѣ, Аѳо-
насей, у меня отнялъ после кнутнова биения, и продавал мнѣ
на платишко мое и на книги свою ⁸⁾ рож немолотую дорогою
цѣною, по два рубли пудъ вѣщей ⁹⁾, и болши. И я ис первых ¹⁰⁾
лѣтъ ель рож немолотую вареную, покамѣсть чево было. А ¹¹⁾ онѣ,
Аѳонасей, и до съѣзду жилъ в покое: потому, государь, что за-
везено у него всего было много казачьими трудами ¹²⁾. У меня
же, грѣшника, в той нужде умерли два сына: не могли претер-
пѣть тоя гладныя нужды; а прочихъ, государь, дѣтей моихъ
снабдѣвала от смерти жена ево, Аѳонасьева, и другая сноха ево
втайнѣ. Егда от насъ кто начнет з голоду умирати, тогда при-
сылали нужную пищу: понеже жены милостивы быша, яко древ-
няя Сераѣтяныни ¹³⁾. И не то, государь-свѣтъ, надежда наша,
едино; но в десеть лѣтъ много тово было ¹⁴⁾: бѣды в реках и в

1) Въ Хл. по напраснѣству—нѣтъ.

2) — всякую мертвечину, волки и лисицы, а иные и...

3) — лайну.

4) — И от нужи померло товоихъ государевыхъ людей съ 500, только с 40
человѣкъ, потому что воевода Аѳонасей Пашковъ человекъ без милости, промышль-
лять рыбъ и зверей служивыхъ не отпущалъ, и многихъ за то огнемъ пережегъ и
кнутѣмъ перебилъ до смерти.

5) — нѣтъ.

6) — нѣтъ.

7) — нѣтъ.

8) мое же.

9) рубля будъ—слово вещей—нѣтъ.

10) — А в первыхъ лѣтахъ.

11) — нѣтъ.

12) — нѣтъ.

13) — У мене же грѣшника в той нужде умерло два сына, не могли претер-
пѣть тоя гладныя нужды; а прочихъ государь, съ этой моихъ, какъ стануть з го-
лоду умирати, снабдевала отъ смерти жена и сноха ево аѳонасьева втайнѣ: посы-
лала имъ бѣднымъ нужную пищу, якоже древняя сераѣтяныня. Ср. въ великомъ ка-
новѣ въ четвертокъ пятой недѣли Великаго поста.

14) — Много, свѣтъ-государь, надежда наша, въ десять лѣтъ того было

мори, и потопление ми ¹⁾ многое было. Первое с чeledию своею гладен, потом без обуви и без одежды, яко во иное время берестами вмѣсто одѣяния одѣвался ²⁾; и по гарам великим каменным бос ³⁾ ходяще, нужную пищу собираху ⁴⁾ от травы и корения, яко дивні звѣри. Иногда ⁵⁾ младенцы мои о острое каменне ноги свои до крови разбихаху, и сердце ⁶⁾ мое злѣ уязвляху ⁷⁾, рыдающе горкими слезами; а во иное время самъ и подружне мое шесть недѣль шли по голому льду, убивающеса о ледъ, волокни на волоченыхъ ⁸⁾ малых дѣтей своих, в пустых Даурских мѣстех мерзли всѣ на морозѣ ⁹⁾. И о сихъ всѣхъ, государь-свѣтъ, благодаримъ. Бога, яко первые мы в тѣхъ странах з женою моею и дѣтми учинилис от патриарха в такой пагубной, паче же хорошей, ссылкѣ ¹⁰⁾. Упоил нас ¹¹⁾ чашею вина неразтворенна ¹²⁾. Да не поставитъ ему ¹³⁾ Богъ в грѣхъ здѣс ¹⁴⁾ и в будущем вѣце! Не прогнѣвайся, государь-свѣтъ, на меня, что много глаголю: ке тогда мнѣ говорит, какъ издохну! А близъ исходъ души моей, чаю: понеже время належитъ. То не отеческой у патриарха вымысль ¹⁵⁾, но древняго отступника Иуліяна ¹⁶⁾, и египтеина Феофила, патриарха Александрова града, и прочихъ еретик ¹⁷⁾ и убицъ, яко ¹⁸⁾ християнъ погубляти. Мнѣ мнится, и духъ ¹⁹⁾ пытливой таков же Никон имать, яко и Феофилъ: понеже всѣхъ устрашает. Многие ево боятся, а ²⁰⁾ протопопъ Аввакум, уповая на Бога, ево

1) Въ Хл. нѣтъ.

2) — одѣвался.

3) — босы.

4) — нуждную собирахомъ пищу.

5) — Иногда, свѣтъ-государь...

6) — до крове разбиваху з сердца.

7) — уязвляхуся.

8) — на волченыхъ.

9) — Слово: мерзли все на морозъ—въ Хл. нѣтъ.

10) — благодарю Бога, яко сподобилъ мя надежда моя, Христосъ Богъ нашъ, в тѣхъ странахъ з женою и з дѣтми сице пострадати.

11) — Никонъ!

12) Ср. Пс. 74, 9.

13) — Но не вмснить.

14) — ему Господь въ грѣхъ воистинну, государь, неотеческой... Ср. Дѣян. 7, 60.

15) — Никона былъ вымысль.

16) вверху строчки челобитна.

17) — еретикъ и отступникъ...

18) — се бо имъ, врагомъ божіимъ, и дѣло, еже...

19) — Мнѣ мнится, благочестивый царю, духъ...

20) — но боящейся Господа оплева ево страхъ. Воистинну, христомоливый православный царю многимъ во откровеніи бысть, и мне грѣшному, яко мерзокъ онъ Никонъ, предъ Богомъ.

не боится. Твоя, государева-свѣтова, воля, аще и паки попустиши ему меня озлобит: за помощію Божіею готов и духъ свой предаѣ. Аще не нынѣ, умремъ же всяко и житію должная послужим¹⁾: *смерть мужу покой есть*²⁾; смерть грѣху опона³⁾. А душа моя прияти ево новыхъ законовъ беззаконныхъ не хочетъ. И во откровеніи ми отъ Бога бысть се, яко мерзокъ онъ предъ Богомъ, Никонъ. Аще и лститъ тебѣ, государю-свѣту, яко Арій древнему Константину; но погубилъ твой в Русіи всѣ государевы люди⁴⁾, душою и тѣломъ, и хотящій ево законы новыя⁵⁾ прияти на страшнѣмъ судѣ будутъ слыть⁶⁾ *никоніяне*, яко древніи *ариане*. Христа онъ, Никонъ, *не исповѣдуетъ в плотъ пришедша*⁷⁾; Христа не исповѣдуетъ нынѣ царя быти, и воскресение ево, яко Июдѣи, скрываетъ; онъ же глаголетъ неистинна Духа Святаго⁸⁾; и сложеніе креста в перстѣхъ разрушаетъ⁹⁾; и истинное метаніе в поклонѣхъ отсѣкаетъ¹⁰⁾, и многихъ ересей *люди Божія* и твоя наполнилъ; индѣ¹¹⁾ напечатано: духу лукавому молимся¹²⁾. Охъ души моей и горѣ! Говорить много не смѣю тебя бы свѣта не опечалит¹³⁾; а время отложитъ Служебники новыя и всѣ ево Никоновы затѣйки дурныя¹⁴⁾! Воистинно, государь, заблудилъ во всемъ, яко

1) Ср. слово, еже не плакати по умерш. въ суб. мясопустную.

2) Іов. 3,23.

3) Ср. чинъ погребенія, блаженны и Слово св. Златоуста въ суб. мясопустную.

4) Въ Хл. *всѣ твои государевы люди...*

5) — *хотяще ево законы...*

6) — *слышати.*

7) — *приб. въ новыхъ своихъ законѣхъ...*

8) — *Духа же Святаго, яко Македоней, истинно глаголати не хочетъ...*

9) — *и въ сложеніи перстѣ крестнаго знаменія разрушаетъ...*

10) — *и колынопреклоненія, истинно трудъ Христовы церкви, отсѣкаетъ...*

11) — *и индѣ съ ево мудрованія въ книгахъ...*

12) — *молимся.*

13) Въмѣсто этихъ словъ: *охъ души моей и горѣ* говорить много не смѣю, тебя бо, свѣта, не опечалитъ, въ Хл. читается: *И недвижимыхъ небесныхъ силъ имена своихъ бышенихъ чернчицамъ, ругательства ради, далъ: Херувимъ и Серафимъ, на претыханіе и соблазны вѣрнымъ, паче же церкви. Десять мѣтъ и болши христіолюбивый царю, сице церковь смущаемоу во державѣ царствія твоего, во всякомъ градѣ и странахъ люди Божія и твои государевы, гнѣва ради Божія, ко отчаянію близъ.*

14) Въ Хл. *Время, свѣтъ-государь, ити ево, никоновы, затѣйки...*

Фармос древней¹⁾. Потщися, государь²⁾, исторгнути злое ево и пагубное учение, дондеже конечная погуба на насъ не прииде, и *огнь с небесе*, или *моръ древній*, и прочая злая насъ не постигло. А егда сие злое корение исторгнем, тогда намъ будетъ вся благая: и кротко, и тихо все царство твое будетъ, яко и прежде Никонова патриаршества было; и агарянской меч Богъ уставит и сподобитъ насъ получитьи вѣчная благая. О патриархѣ престану, государь, тебѣ—свѣту извѣщати; но молю тебя, государя, о воеводѣ³⁾, которой был с нами в Даурахъ, Аѳонасей Пашковъ,—спаси ево душу, якож ты, государь, вѣси. А время ему⁴⁾ и постричься, даже⁵⁾ вперед не губить, на воеводствахъ живучи, христіянства. Ей, государь, не помнитъ Бога: или попъ, нашъ братъ, или инокъ, — всѣхъ равно губить и мучит, огнемъ жжеть и погубляетъ. Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мѣстити. И паки тебѣ, государь, припадая, глаголю, слезы отъ очию моею исущая: не вели ему мѣстити! Не должни суг чадомъ родителемъ имѣнія снискати, но собирають родители чадомъ⁶⁾. Аще и стропотное, но мое онъ чадо, Аѳонасей Пашковъ,—и чадо мое и братъ мнѣ по благодати: едина купѣлъ всѣхъ насъ породила, едина мати всѣмъ намъ—церковь, единъ покровъ—небо, едино светило—солнце. Аще и досаждаютъ, но любовію ихъ намъ принимать. Помилуй, государь, царь православной! не оскорби бѣдную мою душу: не вели, государь, ему, Аѳонасью, мѣстити своимъ праведнымъ гнѣвомъ царьскимъ; но взыщи ево, яко Христосъ заблудшее овча, Адама⁶⁾. Твое бо свѣта, миловати и спасати всегда: и нынѣ, и присно, и до кончины. Свѣтъ-государь! Предъ челоуѣки не могу тебѣ ничтожъ проговорити; но желаю наединѣ свѣтлоносное лице твое зрѣти и священнолѣпныхъ устъ твоихъ глаголъ нѣкий слышати мнѣ на ползу, какъ мнѣ жити⁷⁾.

1) Въ Хл. заблудилъ онъ, Никоноу, якоже и Фармосъ древній.

2—3) Все это мѣсто въ Хл. вложено такъ: *Потщися, надежда наша православный царю, исторгни оноу плевелы и люди Божія и твои государевы отчаянія свободы, да мира и любви и благиа исполнитъ держава царствія твоего, и подручники твои, государевы, тишины и благоденствія насладятся. Прочее же молю, ты, свѣтъ—государь, о воеводѣ...*

3) Въ Хл. *государь*.

4) — да.

5) 2 Кор. 12, 14.

6) Ср. догматикъ 4 гл.

7) Конецъ по Хл.: *Ей, государь, не помнитъ Бога и кромѣ милости челоуѣкъ, всякой чинъ равно губить, да и домашнихъ своихъ кромѣ милости мучить. Точно молю, христомилостивый царю, и со слезами милости прошу, на колѣну припадая: за*

Памятная записка о злоупотребленіяхъ и жестокостяхъ воеводы Пашкова¹⁾.

Въ 169 Аѳонасей Пашковъ увезъ изъ Дауръ Никанские (sic) земли два иноземца, Данилка да Васку, а тѣ люди вышли на государево имя в Даурской землѣ в полкъ х казакам. Да другіе два перевотчика, Ивашко Тимоѳеевъ Жючерской да Илюшка Тунгуской, жили у тѣхъ же Даурскихъ казаковъ многие лѣта. И Ивашковым да Илюшкиным толмачеством государю збирали казаки государские ево казны многие лѣта. А после разгрому Богдойскова пришли досталные казаки с низу ко Оѳонасью Пашкову на Иргень озеро. А тѣ четырьѣ человѣка: Данилко, да Васка, да Ивашко, да Илюшка, пришли с ними же, казаками, служит великому государю. А воевода Аѳонасей Пашковъ у казаковъ их отнелъ и взял к себѣ во дворъ силно, и онѣ и по се время плачючи живутъ, мучася у него во дворѣ, пособит себѣ не могутъ. А бьютъ челомъ великому государю, чтоб ихъ свободил от порабощения и пожаловалъ в свой чин государевъ. Да он же, Аѳонасей, увезъ из острошковъ от Лариона Толбозина троихъ аманатовъ: Гаврилка, Алешку, Андрюшку. Да он же увезъ 19 человѣкъ ясырю у казаковъ: Бакулайко да двѣ ево дочери,—именъ их не помню; Марица, Анютка, двѣ Овдотицы, четырьѣ Маринки, двѣ Палашки, и третяя Овдотица ж, три Анютки ж, Оѳроска з братомъ с Ивашкомъ И тѣ всѣ люди у него. А та земля безъ аманатавъ и досталь запустѣла, государевым людям быть нѣ у чевѣ, лише государевѣ казнѣ напрасная протор. Да онѣ же, Оѳонасей, государевых служилых двух человѣкъ взял во дворъ к себѣ силно, Олешку Брацкова да Юшку Иванова. А тѣ всѣ люди кромѣ государя помощника себѣ не имѣютъ.

Да он же, Аѳонасей, живучи въ Даурской земли, служивых государевых людей, не отпускаючи на промысль, чемъ

мене грѣшнаго оного не не милости. Просишь убо и у Создателя моего, вснхъ Бога, да отпуститъ ему, яко челолюбцею. Надѣю же ся на щедроты его, аще варитъ лице его исповданнемъ, милостива его обрящитъ к себѣ. Аще ли и еще приложитъ в злыхъ пребывати, самъ узритъ хотящая ему быти отъ Бога, и согрѣшитъ без времени каясъ. Протчее же милосердый Господь Богъ нашъ да повнѣшитъ во благое и мирно царство твое да устроитъ, и сохранитъ тя на всякомъ пути, а може аще пойдеш, и благимъ изобилно исполнитъ державу власти твоея, и видимыя и невидимыя влаги твоя смиритъ, покоряя под нозъ твои. Точно ратцуему отъ сущенія свободи святую церковь и скорбящихъ чадъ ея отъ раздоровъ тоя ущедри. Миръ ти, христолюбивый царю, нынѣ и въ день вѣла, аминь.

³⁾ Подлинная другой руки, но въ томъ же свиткѣ Синод. Библ.

¹⁾ — вѣтъ.

имъ бѣднымъ питатися, переморил болши пяти сотъ человекъ голодною смертию. А которые, не претерпѣвъ гладу, ходили промыслять нужные пищи, и онъ, Аѳонасей, ихъ пытал, бил кнутъ-емъ, и ребра ломал, и огнемъ жегъ. Таковыхъ ради винъ, Ивашко Сватенышъ да Клишко Шамандрухинъ с товарищи, осемъ человекъ, свою казачью лошедь (сѣбли?), и онъ, ихъ пытавъ, в тюрьмѣ и уморил. И Яковъ Красноярской молвил: толко бы-де воевода по государеву указу ехалъ прямою дорогою, и мы бы-де нужи такие не терпѣли. И онъ, Аѳонасей, ево, Иякова, за то, бивъ кнутомъ, жжег до смерти, и к моему протопопову зимовью мертваго кинулъ подъ окошко, что онъ, Ияковъ, на пыткѣ творилъ Исусову молитву. Да онъ же, Аѳонасей Пашковъ, двухъ человекъ, Галактиона и Михайла, бил кнутомъ за то, что одинъ у него попросилъ есть, а другой молвил: краше бы сего житья смерть! И онъ, бивъ за то кнутомъ, послалъ нагихъ за рѣку мухамъ на снѣденіе, и, державъ сутки, взялъ назадъ. И потомъ Михаило умеръ, а Галактиона Матюшке Зарину велѣлъ Пашковъ в пустой банѣ прибит палкою. А прежь того ево же, Галактиона, и Стефана Подхолюгу, и Харпѣгу и иныхъ многихъ, бил кнутъ-емъ за то, что онъ з голоду кобыльи кишки немытые съ каломъ и кровь с снѣгомъ хватали и ели отъ нужи великие. Березовскаго казака Акишу бил кнутомъ за то, что онъ ево, Аѳонасьевы, три шуки распласталъ не хорошо, не умѣючи. Такова ево милость, Аѳонасьева, была к государевымъ служивымъ людямъ: кожи, и ноги, и головы давалъ есть казакамъ, а мяса своимъ дворовымъ людямъ. А иныхъ двухъ человекъ повѣсил, ей, безвинно. Прочихъ же ево ругательствъ и муки к государевымъ служивымъ людямъ *не достанетъ ми повѣствовати* лѣто ¹⁾. А иные ево, Аѳонасьевы, ругательства скажутъ странно и страшно: при смерти ихъ и причащатъ мнѣ не давалъ и пречистыя тайны у меня отнял и держалъ у себя в коробкѣ. Да приходили в Нерчинской острогъ изъ Енисейска служилые люди, пятидесятникъ Иванъ Елисѣевъ съ товарищи, з грамотами государевыми, какъ Богъ далъ государыню царевну и великую княжну Союю Алексѣевну: и онъ, Аѳонасей, для вѣсти, чтобъ про него на Руси не вѣдомо было, не отпустилъ ихъ назадъ и уморилъ въ дощеникѣ двухъ человекъ, прикащика самого Ивана да толмача Константина.

¹⁾ Евр. 11,32.

Челобитная (вторая) царю Алексѣю Михайловичу ¹⁾.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, бьет челом богомолецъ твой государевъ, в Даурахъ мученой протопопъ Аввакумъ, съ подружиею моею и чады. Грѣхъ ради моихъ и ныне скорбь къ скорби постиже мя, мню маленькова ради моего моленейца къ тебѣ, великому государю, о духовныхъ властѣхъ, ихже и нужно ²⁾ тебѣ, великому ³⁾ государю, снискат, истинныхъ молитвениковъ за тя къ Богу, и праве исправить могуще благочестие ⁴⁾, ради Духа Пресвятаго благодати, живущия в нихъ ⁵⁾. Другое, не сихъ ли ради огорчиша отцы благоутробие твое ко мнѣ, опасьство имуще, да не студъ покрыеть тѣхъ ⁶⁾. Нѣкто гречиненин архимаритъ Дионисей учитъ Илариона, архиепископа рязанскаго, греческимъ буквамъ, реку ⁷⁾ и ⁷⁾ нѣравомъ, внѣшняя ⁸⁾ мудрствующимъ ⁸⁾. Болѣзнуя жъ, рекохъ владыке сему, дрѣвняя ради любви с нимъ: „Владыко святыи, у зазорна челоуѣка учишя! О немже слышахъ ⁹⁾ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, что Софѣиньской попу Иродионъ извѣщалъ на него вамъ, святителемъ, что онъ, архимаритъ, нѣкоего ¹⁰⁾ подьяка содомски блудилъ ¹¹⁾ многое время. И, по дѣйству ¹²⁾ дня-

¹⁾ Современный спис. (въ свит. *Синод. библ.* № III—9, на двухъ склейкахъ, помѣченныхъ цифрами 98 и 99). На обратной сторонѣ написана та же челобитная, снизу вверхъ, другимъ почеркомъ, имѣющимъ сходство съ почеркомъ Александра Вятскаго. Начальныхъ строчекъ пяти этого второго списка недостаетъ. Текстъ его представляетъ довольно значительные варианты, которые указываются подъ строкой съ обозначеніемъ: Об.

²⁾ Об. доб. *злао*.

³⁾ — нѣтъ.

⁴⁾ — *благочестие могущихъ*.

⁵⁾ Объ этомъ „маленькомъ моленейцѣ“ Аввакума упоминаетъ прот. Иванъ Нероновъ въ своей челобитной за Аввакума царю Алексѣю Михайловичу; списокъ его былъ у Ѳбоктиста.

⁶⁾ Об. *И мню, кратлаго ради сего моленейца отягчиши отцы благородие твое к моему окоянству. И пакы мню, еда не сихъ ли ради сугубо огорчиши на страство наше.*

^{7—7)} — *еда и нѣ*.

^{8—8)} — *иже имуть внѣшняя мудрствующии.*

⁹⁾ — *Болѣзнуя же азъ грѣшныи о души владыки сего древняя ради любви с ним, рекохъ ему: почто, владыко святыи, у зазорна челоуѣка учишя? Слышахъ бо и азъ.*

¹⁰⁾ — нѣтъ.

¹¹⁾ — *студодѣйствовалъ*.

¹²⁾ Об. доб. *же*.

волю, прилучися ему и во олтари скверну дѣяти со отрокомъ, облекши дѣтище ¹⁾ во святительския ризы и во амфор. И ²⁾ тѣ вины дѣтищъ написаны далъ ему, попу Иродиону; а онъ, поп Иродион, то писмо Вятцкому епископу Александру казалъ; еда и Питириму митрополиту не извѣстно ли ²⁾. Мала ли ³⁾ бѣда содомская сия скверна, во святилищи содѣяна? Какъ выедет онъ, архимарить, во свою землю, скажетъ, вмѣсто ⁴⁾ дѣтища ⁴⁾: „я де глупыхъ русаковъ и владыку блудил“. У ⁵⁾ нихъ то, грековъ, не диковина ⁵⁾. И безчестие сие и вѣчный позор не точию вамъ, архiereом, но и всему государству будет ⁶⁾. А ⁷⁾ толко до сего времени и ⁷⁾ служите въ той церкви без освящения ⁸⁾: блюдитесь и отъ Бога казни ⁸⁾. Не ⁹⁾ добра похвала—такой вор и ругатель великия Росіи святителя учит ⁹⁾. И архиепископъ Иларион ¹⁰⁾ то время зѣло кручиненъ был. И я ему говорил: „владыко святой! по пирушкамъ ходя, попъ Иродион со своею братею смеяся говоритъ тѣ слова“. Равноапостольный государь царь і великий князь Алексѣй Михайлович, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ! Вонми молению твоего государева богомолца, не клеветы ради тебѣ, государю, извѣстно творяща, но да гнѣвъ Божій таковыхъ ради вин все государство не постигнетъ. А се и безчестие всему государству от странныхъ сихъ. Естли, государь, онъ, попъ Иродион, *исправилъ то духомъ кротости* ¹¹⁾, ино было ненадобно во многие слухи вносит. А то и галитцкому протопопу Михаилу, и Благовѣщенскаго собора предѣльному дьякону Феодору, и другимъ многимъ тѣ вины душепагубныя сказывал, и во многия слухи то внесъ, и в вѣрныхъ в дер-

1) Об... ща...

2-2) Об. — нѣтъ.

3) Об. доб. вамъ мнится.

4-4) — там.

5-5) — нѣтъ.

6) — нѣтъ.

7-7) — Не мала и се бѣда, что вы.

8-8) — Блюдитесь, да ваше нерадѣніе еда како привлечетъ гнѣвъ Божій на все государство.

9-9) — *Сщесвѣтъ м безстрашия дѣлатель и скверну паче возлюбивый, неустрашивыйся и святое мѣсто осквернить, позоти ради злыя, тебѣ, архiereю, учитель бысть? Стыдиться подобаетъ, владыко святой, паче же и Бога боятися и далече отъ сихъ учителей отбегати. Аще таковыи вамъ учителя благи являются, всяко и вы, ученицы, навъикнете правомъ ихъ.*

10) — печаленъ былъ сихъ, ради. И не для м сего опечалили ты, государя, на мое окаянство?

11) Ср. Гал. 6,1.

жаве царствія твоего великъ соблазнъ. Песъ убо, аще скочить въ церковь, ино освящение есть: а то такая скверна, еяже ради Содома и Гомора пят градовъ погипе! А се на таком святомъ мѣстѣ, в немже безкровная жертва Господеви приносится и пречистый агнецъ за мирскіи живот и спасение заколается! Въправду, христоролюбивый государь, невозможно и попу Родиону тѣхъ винъ святителемъ не известит, для того, чтобъ церковь освятит. А безчестія ради всему государству хотя бѣ и тебѣ, государю, известитъ. Дѣло то соборное и изправит зѣло нужно. И аще архиереи исправити не радятъ, поне ты, христоролюбивый государь, ту церковь от таковыя скверны потчися очистит: да въ державѣ царствія твоего в вѣрныхъ людехъ соблазнъ потребится, да и от Бога милости сподобимся ¹⁾. *Богъ же мира и благихъ податель* ²⁾ да поспешитъ ти, государю, благоговѣнно исправити и лутчее в державе твоей ³⁾ присно зрѣти, и благихъ ради о Господѣ возрадоватися (sic), ныне и во веки ⁴⁾. Аминь.

¹⁾ Здѣсь въ Об. весьма значительный вариантъ: *Равноапостольный государь-святъ! малая честь и всему государству тѣ вины, потому что покъ Иродию Савинской во многе слуги тѣ вины внес, и в державе царствія твоего в вѣрныхъ людехъ не малъ соблазнъ и претыканье бысть. Видомо, государь, о сихъ и богомолцу твоему Александру, епископу вятскому и великопермскому, потому что покъ Иродию ему, святителю, извѣшалъ и писмо, рукою подаяа писанное, о томъ казалъ, что ему подаякъ на исповѣди далъ. И со други своими смаяся он, Иродию, тѣ вины говоритъ. Когда, государь, духовное дѣло, и но надобно молчать: а архиереомъ подобаетъ известитъ, для того, чтобъ церковь посветит, да не оскверняются в ней приходящии вѣрнии людие. Безчестія же ради всего государства хотябъ и тебѣ, государю, извѣститъ, для того, что явной врагъ не устыдился и соборную апостольскую церковь осквернитъ, и вѣрнии, досель в ней без освящения молящися, по правиламъ апостольскимъ вредятся. Песъ убо аще въскочить в церковь, ино освящение положено богоносными отци: а то такая скверна, еяж ради Содома и Гомора пят градовъ погипе! А се на таком святомъ мѣсте, в немже безкровная жертва Господеви приносится и пречистый агнецъ за мирскіи животъ и спасение заколается. Воуми, христоролюбивый государь, чтобъ такія ради беды на все государство пагуба не пришла. Когда архиереи о сихъ не радятъ, хотя ты, равноапостольный государь, исправи. Да возмется отъ среды содѣявый сие и мерзость сия да не будетъ виновна пагубы всѣхъ. Ньсть се похвала в державе царствія твоего—отъ странныхъ сихъ и мящущихся учителей таковыи студъ и скверна и неудобно слышание въ Христово стадо, вѣрныя люди вносима. Козлиця убо суть учителя сии; отгоняти сихъ подобаетъ отъ овечь Христова стада, да не навикнутъ и овцы Христова стада правомъ ихъ и обще привлекутъ Божиимъ праведнымъ гнѣвъ, егуже свободитися помолимся Господу нашему Ису Христу, предъ ривисъ лице его исповѣдаемъ, донележе ярость Господня не съестъ нас.*

²⁾ Об. доб. *благодати ради Пресвятаго и Животворящаго Духа.* Ср. Евр. 13, 30,

³⁾ — царствія твоего.

⁴⁾ — ныне и въ день вѣка.

Челобитная (третья) царю Алексѣю Михайловичу, писанная изъ Холмогоръ ¹⁾.

Христолюбивому государю, царю и великому князю, Алексѣю Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, бьет челом богомолецъ твой, въ Даурех мученой, протопопъ Аввакумъ Петровъ. Прогнѣвалъ, грѣшной, благоутробие твое от болезни сердца неудержаннем моим; а иное тебѣ, свѣту-государю, и солгали на меня, имже да не вменитъ Господь во грех ²⁾. Помилуй мя, равноапостольный государь-царь, робятишек ради моихъ умилосердися ко мнѣ! Съ великою нуждею доволкъся до Колмогоръ: а въ Пустозерской острогъ до Христова Рождества невозможно стало ехать, потому что путь нужной, на оленех ездятъ. И смущаюся грѣшник, чтобъ робятишка на пути не примерли съ нужи. Милосердый государь, царь и великий князь, Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ! Пожалуй меня, богомолца своего, хотя здѣ на Колмогорахъ извол мнѣ быт, или какъ твоя государева воля: потому что безответенъ предъ царскимъ твоимъ величествомъ. Светъ-государь православной ца рь! Умилися къ страньству моему, помилуй немощаго въ напастехъ и всячески уже сокрушена: болезнь бо чадъ моихъ на всякъ часъ слезъ душу мою исполняетъ. И в Даурской странѣ у меня два сына отъ нужи умерли. Царь-Государь, смилуйся!

¹⁾ Соврем. спис. (въ свиткѣ *Синод. библ.* III.9); на обратной сторонѣ имѣется слѣдующая надпись: *сию челобитную подавъ великому государю Киріянъ, Христа ради уродивый, во 173 году ноября въ 21 день.*

²⁾ Рим. IV, 8

Посланіе къ Царю Алексѣю Михайловичу, писанное изъ Пустозерска ¹⁾).

Царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ! Многажды писухомъ тебѣ прежде и молихомъ тя, да примиришия Богу ²⁾ и умилишия въ раздѣленіи своемъ отъ церковнаго тѣла, и нынѣ послѣднее тебѣ плачевное моленіе приношу ис ³⁾ темницы, яко изъ гроба, тебѣ глаголю ^{3¹⁾} азъ, грѣшныи протопопъ Аввакумъ ⁴⁾; помилуй единородную душу свою и види наки въ первое свое благочестіе: въ немъ же ты порожденъ еси, с прежде бывшими тебе благочестивыми цари, родители своими ⁵⁾ и с прародители, (л. 96 об.) и с нами богомолцы свои во единой святой купѣли ты освященъ еси, единыя же Сіонскія церкви святымъ ⁶⁾ сосецъ ея нелестнымъ млекоу воспитѣвъ ели ⁷⁾ с нами, сирѣчь единой православной вѣрѣ и здравымъ догматомъ с нами отъ юности наученъ еси. Почто по духу братію свою тако ⁸⁾ оскорбляеши? Единаго бы мы отца себѣ имамы вси, иже есть на небесѣхъ, по святому Христову Евангелію. И не покручинься царю, что тако глаголю ⁹⁾: ей, истина тако. Господинъ убо есть надъ всѣми царь, рабъ же со всѣми есть Божій. ¹⁰⁾ Тогда же ¹¹⁾ наречется господинъ, егда самъ себѣ владѣет и безмѣстнымъ

¹⁾ Списокъ въ ркп. библ. А. И. Хлудова, № 258. Здѣсь посланіе озаглавлено такъ: *Списево посланіе послано к царю отъ протопопа Аввакума с сотникомъ 178 года ис Пустозерскія темницы.* Варианты приводятся по списку библ. графа А. С. Уварова (ркп. въ 40, № 627), также по другому списку библ. А. И. Хлудова (ркп. № 257) и по списку Брониной (ркп. той же библ. № 353). Въ Уваровскомъ спис. посланіе озаглавлено такъ: *Посланіе новаго исповѣдника, отца Аввакума, к царю Алексѣю, или челобитная, писана о вѣрѣ, в немже і о тьхомъ видѣніи духовнымъ, і о посъщеніи господни, яко не оставляет Господь рабъ своихъ, боящихся Его, нигдѣже никогдаже.* Въ строевскомъ описаніи ркп. Царскаго это заглавіе приведено неточно (см. стр. 595).

²⁾ Въ Хл. № 257: *да примиришия Богу...* Въ Уваров. спис. посланіе начинается такъ: *Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержиу, бѣетъ челоу грѣшныи богомолець твой протопопъ Аввакумъ Петровъ. Понеже многажды писалъ тебѣ прежде и моли тя, великаго государя, да примиришия къ Богу...*

^{3-3¹⁾} Отсутствуютъ въ Хл. № 257.

⁴⁾ Въ Увар. спис. словъ: *азъ грѣшныи протопопъ Аввакумъ—нѣтъ.*

⁵⁾ Въ Увар. спис.—*твоими...*

⁶⁾ Въ Хлуд. № 257 и Брон.—*святымъ...* Въ Увар.—*и святымъ...*

⁷⁾ Въ Хл. № 257 и Увар.—*еси.*

⁸⁾ Въ Хл. № 257—*свою оскорбляеши.*

⁹⁾ Въ Увар. спис.—*глаголю ти...*

¹⁰⁾ Въ Увар—*рабъ со всѣми Божій...*

¹¹⁾ Въ Хл. № 257 и Увар.—*тогдаже кантаче...*

страстемъ ¹⁾ не работаетъ, но споборетъ ²⁾ имѣя (л. 97) благочестива помысла, непобѣдимаго самодержца безсловесныхъ страстей, иже всѣхъ матеря похоти все оружіемъ ³⁾ цѣломудрія низлагаетъ. Честь царева судъ любитъ, по пророку ⁴⁾. Что есть ересь наша, или кѣи расколъ внесохомъ мы в церковь, яко же блядословятъ о насъ никоніаны ⁵⁾, нарицають раскольниками и еретиками в лукавомъ и богомерсскомъ Жезлѣ, а индѣ и предотечами ⁶⁾ антихристовѣмы? Не постави имъ, Господи, грѣха сего ⁷⁾: не вѣдятъ бо, бѣдніи, что творять ⁸⁾. Ты, самодержче, судъ подымеши ⁹⁾ отъ сихъ ¹⁰⁾ всѣхъ, иже таково дерзновение имъ подавый на ны ¹¹⁾. Не вѣмы ¹²⁾ ни ни слѣду в себѣ ересей (л. 97 об.) коихъ ¹³⁾,—пощади насъ Сынъ Божій отъ такова нечестія и впредь!—ниже раскольства: Богъ свидѣтель и Пречистая Богородица и вси святїи! Аще мы раскольники и еретики: то и вси святїи отцы наши и прежніи цари благочестивїи и святѣйшія патріарси таковы суть ¹⁴⁾. О небо и земле! слыши глаголы ¹⁵⁾ потопныя и языки велерѣчивыя! Воистину, царь государь, глаголемъ ти: смѣло держаете, но не на пользу себѣ. Кто ¹⁶⁾ бы смѣлъ рещи таковыя хулныя глаголы на святыхъ, аще бы не твоя держава попустила тому быти? Вонми, государь, с коєю правдою хочещи стати на страшномъ судѣ Христовѣ предъ тѣми ангельскими и предъ всѣми племены языкъ (л. 98) вѣрныхъ и зловѣрныхъ. Аще по православіи нашемъ, отеческихъ святыхъ книгахъ и в догматѣхъ ихъ, хотя едина ересь и хула на Христа Бога обряцется и церковь

1) Въ Увар.—*сластемъ...*

2) Въ Хл. № 257 и увар.—*но споборника...*

3) Въ спис. Брон.—*всѣхъ матерей похоти сіе оружіемъ...* Въ № 257 Хлуд.—*всѣхъ матерей похоти всеоружіемъ...* Въ Увар.—*всѣхъ матерей похотъ вся оружіемъ.* Не должно ли читать: *иже всѣхъ матерей похотей всеоружіемъ цѣломудрія низлагаетъ?*

4) Пс. 98, 4.

5) Въ Увар.—*никоніана...*

6) Увар.—*а индѣ и предотесамі...*

7) Дѣян. 7, 60.

8) Въ Хл. № 257 и Увар.—*не вѣдятъ бо, что бѣдніи творять...*

9) Въ Увар. спис.—*Самодержче! судъ подымеши...*

10) Въ Хл. № 257 и Увар.—*о сихъ...*

11) Въ Увар.—*таково дерзновение давши на ны.*

12) Въ Хл. № 257—*Не вѣмы бо...*

13)—*ересей какихъ пощади.*

14) Въ Увар.—*и прежніи цари наши благочестивїи, и святѣйшія патріархи токови.*

15) Въ Хл. № 257 и Увар.—*глаголы сія...*

16) Въ Увар.—*Се то.*

его ¹⁾: то ²⁾ рады мы за нихъ прощатися предъ всеѣми православленными, паче же за то, аще мы отъ себе что внесохомъ соблазновъ в церковь, или расколы ³⁾. Но нѣсть, нѣсть! ⁴⁾. Вся бо церковная права суть ⁵⁾ разумѣвающимъ истини и здрава обрѣтающимъ разумъ по Христѣ Исѣ ⁶⁾, а не по стихіямъ сего міра, за ню же мы страждемъ ⁷⁾ и умираемъ и крови своя проливаемъ. Испытай, царю христіанскій, писаніе ⁸⁾ и виждь, яко въ послѣдняя времена исправленія вѣры и обрѣтенія истинны (л. 98 об.) нигдѣ же нѣсть и не будетъ, но вездѣ писано есть: въ послѣднія времена отступятъ вѣры, а не исправятъ ю, и искажутъ писанія и превратятъ. и внесутъ ереси погубельныя ⁹⁾ и многихъ прельстятъ. Сице вездѣ суть въ писаніихъ святыхъ узриши ¹⁰⁾. И не дивися: тако истинна—Христось самъ рече: *егда приидетъ Сынъ Человѣческій обрящеть ли вѣру свою на земли?* ¹¹⁾ ¹²⁾. И на сіе ¹³⁾ богословцы глаголютъ: не обрящеть, кромѣ малыхъ избранныхъ, забѣгшихъ ¹⁴⁾ в горы и пустыни ¹⁵⁾, а во градѣхъ и селѣхъ не обрящется ни единого православна епископа и попа. Тако будетъ царю, по словеси Христову. И ¹⁶⁾ помяни дни ноезы: много ли осталось благочестивыхъ (л. 99) предъ потопомъ? Вѣси, токмо осмь душъ ¹⁷⁾. И въ скончаніи вѣка тако ¹⁸⁾ будетъ: мало стадо Христово, много же сатанино и антихристово воинство будетъ. И ты не хвалися. Пался еси велико, а не восталъ, искривленіемъ Никона богоотмѣтника и еретика, а не исправленіемъ, умерь еси по душѣ его

1) Въ Увар. спис.—на Христа Бога и на церковь его обращется.

2) — ей.

3) — аще мы что отъ себя внесохомъ соблазны, или расколы въ церковь.

4) Въ Хл. № 257—отсутствуетъ.

5) Въ Увар. на верху строки вписано „правда“ тѣми же чернилами и почеркомъ.

6) — о Христѣ Исусѣ...

7) — за нюже стражемъ...

8) — христіанская писанія...

9) Въ Хл. № 257.—что въ послѣдняя времена отступятъ вѣры, а не исправятъ, и внесутъ ереси погубельныя... и въ Увар.—что в послѣдняя ..

10) Въ Увар.—въ писаніихъ узриши.

11) Въ Хл. № 257—обрящеть ли вѣру на земли.

12) Ср. Лук. 18, 8.

13) Въ Хлуд. На се...

14) Въ Увар.—забѣгшихъ...

15) Въ Увар.—и пустыни—отсутствуютъ.

16) Въ Увар.—отсутствуетъ.

17) — Вѣситъ сома,—осмь душъ.

18) Въ Хл. № 257.—такоже...

ученіемъ, а не воскресъ. И не прогнѣвайся ¹⁾, что богоотмѣтникомъ его называемъ ²⁾. Аще правдою спросишь, и мы скажемъ ти о томъ ясно, и усты ко устомъ, с очей на очи возвѣстим ти велегласно ³⁾. Аще ли же ни, то пустимъ до Христова суда Тамъ будетъ и тебѣ тошно; да тогда не пособишь себѣ нимало. Здѣсь ты намъ праведнаго суда со отступниками не ⁴⁾ даль: и ты тамо (л. 99 об.) отвѣцати ⁴⁾ будещи самъ ⁵⁾ всѣмъ намъ А лъстящій и ласкающій тебя, имъ же судомъ судиша насъ, такоже и сами отъ Христа и святыхъ его осудятся ⁶⁾, и въ нюже мѣру мѣриша намъ, возмѣрится имъ отъ Сына Божія Нѣсть бо уже намъ к нимъ ни едино слово. Все въ тебѣ, царю, дѣло затворися ⁷⁾ и о тебѣ единомъ стоитъ. Жаль намъ твоя царскія души и всего дому твоего, зѣло болѣзняемъ о тебѣ; да пособить не можемъ ⁸⁾: понеже самъ ты пользы ко спасенію своему не хочещи.

А о греческихъ властѣхъ и вѣрѣ ихъ нынѣшной самъ ты посылалъ прежде ⁹⁾ испытovati у нихъ догматовъ Арсеіня Суханова, и (л. 100) вѣдаешь, что у нихъ иссяче благочестіе по пророчеству святыхъ: царя Константина и Селивестра папы ¹⁰⁾ и ангела Божія, явльшихся ¹¹⁾ тогда Филофію цареградскому патріарху, и сказа ¹²⁾ о томъ. Вѣдаешь ли?—писано се во Исторіи о бѣломъ клубуце. И вѣдая, почто истинну в неправдѣ содержиши? Сего ради открывається гнѣвъ Божій на васъ, и бысть многажды ты наказанъ отъ Бога и все царство твое; да не позналися есте А еже насъ не велишь умершихъ у церкви погребать, и исповѣди и святыхъ таинъ лишать в животѣ сущихъ еще коихъ: да Христосъ насъ не лишитъ благодати своея; той есть присно с нами и будетъ; надѣмся нанъ (л. 100 об.) крѣпко. И никтоже чловѣкъ смертной и тлѣнной отлучити насъ отъ него возможетъ; с

1) Въ Хл. № 257 и Увар.—И не прогнѣвайся ..

2) Въ Увар. спис.—называю ..

3)—и мы скажемъ ти о томъ яко с очей на очи, і усты ко устомъ возвестимъ ти велегласно.

4) — отсутствуютъ.

5) Въ Хл. № 257—самъ—отсутствуетъ.

6) Въ Увар.—имъ же судиши насъ тако же и самъ отъ Христа и святыхъ Его осудишися.

7) Въ Хл. 257—затворилося ..

8) Въ Увар. спис.—и пособити не можемъ ..

9) — прежде сего...

10) — папы римскаго...

11) — явльшагося ..

12) Въ Хл. № 257—и сказаши .. въ Увар.—и сказаши о томъ же...

нимъ бо стражемъ и умираемъ. И по смерти ¹⁾ нашей грѣшная тѣлеса наша добро ты такъ ²⁾, царю, придумаль со властями своими, что псомъ пометати, или птицамъ на растерзаніе отдати. Вѣмы бо, да и ты слышишь по вся дни въ церкви, яко святымъ мученикомъ ни единому честнаго погребенія не бысть отъ убивающихъ ихъ, или в темницахъ уморяющихъ, но ³⁾ метаху ихъ въ бесчестныя мѣста, и в воду и въ ровы, иныхъ и въ калъ, овыхъ же и сожизаху ⁴⁾ мощи. Да Христось ихъ нигдѣ не забылъ. Тако же и насъ негли не забудеть надежда (л. 101) наша, и купно собереть с первыми ⁵⁾ кости наша в послѣдній день и оживотворить мертвенная ⁶⁾ тѣлеса наша Духомъ Святымъ. Нѣсть мы лучши древнихъ мученикъ и исповѣдникъ ⁷⁾: добро такъ намъ валятися ⁸⁾ на земли, земли же есть ⁹⁾. И добровольцѣ святіи отцы погребати себя ¹⁰⁾ не повелѣша, великаго ради смиренія, да большую мзду воспріимуть отъ Христа Бога. Елико ¹¹⁾ ты насъ оскорбляеши болши, и мучишь и томишь ¹²⁾: толико мы тебя болши любимъ, царя ¹³⁾, и Бога молимъ до смерти твоей и своей о тебѣ и всѣхъ кленущихъ насъ: спаси, Господи, и обрати ко истинѣ своей! Аще же не обратитесь ¹⁴⁾, то вси погибнете вѣчно, а не временно.

(л. 101 об.). Прости, Михайловичъ-свѣтъ, либо ¹⁵⁾ потомъ умру, да же бы тебѣ вѣдомо было, да ни какъ не лгу, ниже притворяясь ¹⁶⁾ говорю. Въ темницѣ мнѣ, яко во гробѣ, сѣдящу что надобно ¹⁷⁾, развѣ смерть? Ей тако.

1) Въ Хл. № 257.—А по смерти...

2) — такъ—отсутствуетъ.

3) — по метаху...

4) — сожизаху... Въ Увар.—сожигали ихъ...

5) Въ Увар.—купно съ первыми собереть...

6) — мертвыя...

7) — і исповѣдниковъ...

8) — валяться...

9) — земля же есмь.

10) — И добро во мнѣ себя Святіи Отцы погребати себе...

11) — И елико.

12) — И мучиши и томиши.

13) — толико мы тебѣ любимъ царя болши... Въ Хлуд. № 257—толико мы тебѣ болше любимъ царю.

14) Въ Увар.—обратятся.

15) — Прости Михайличъ либо потомъ... Въ Хлуд. № 257—либо.

16) Въ Увар. Притворяясь к тебѣ...

17) — надобе.

Нѣкогда мнѣ молящуся о тебѣ з горкими слезами, отъ вечера и до полунощи зѣло ¹⁾ стужающе Божеству, да же бы тебѣ исцелитися душею своею и живу быти пред нимъ, и отъ труда своего азъ многогрѣшный падохъ на лица своемъ, плакахся и рыдая горко, отъ туги ²⁾ великія забыхся, лежахъ ³⁾ на земли, и видѣхъ тя пред собою стояща, или ангела твоего, умиленна ⁴⁾, подпершися под лице правою рукою (л. 102). Азъ же возрадовахся ⁵⁾, и начахъ тя лобызати и обымати со умиленными глаголы. И видѣхъ ⁶⁾ на брюхѣ твоємъ язву зѣло ⁷⁾ велику, исполнену гноя многа, и убоявся ⁸⁾ вострепетахъ душею своею, и положихъ ⁹⁾ знакъ на войлокъ свой, на немъ же молитвы ¹⁰⁾ и поклоны творю, и начахъ язву на брюхѣ твоємъ слезами моими кропляти, а руками сводити: и бысть цело брюхо и здраво ¹¹⁾, яко николиже болѣ. Душа же моя возрадовася о Господѣ и о здравіи твоємъ зѣло. И паки поворотихъ тя вверхъ спиною твоєю, и видѣхъ спину твою згнившу ¹²⁾ паче брюха и язва больши первая явися. Мнѣ же тако плакавшуся (л. 102 об.), руками своима ¹³⁾ язву твою спинную, и мало ¹⁴⁾ посослася, и не вся исцелѣ. И очютихся отъ видѣнія того, не исцелихъ ¹⁵⁾ тя всего здрава до конца. Нѣтъ ¹⁶⁾, государь, болше покинуть плакать ¹⁷⁾ о тебѣ: вижу. не исцелить тебя ¹⁸⁾. Ну ¹⁹⁾, прости же, Господа ради, дон-

1) Въ Увар. и зѣло.

2) — туги.

3) — лежа.

4) — видѣхъ тя пред собою или ангела твоего умиленна стояща...

5) Въ Хлуд. № 257—возрадовася.

6) — и увидѣхъ...

7) Въ Увар.—отсутствуетъ.

8) Въ Хлуд. № 257 и Увар.—убояхся...

9) Въ Хлуд. № 257—и положихъ ты въ знакъ... Въ Увар.—и убояхся и вострепетахъ душею, положихъ ты въ знакъ...

10) Въ Увар.—молитву.

11) Въ Хлуд. № 257.—и бысть цело брюхо твое и здраво... Въ Увар.—и начахъ язву на брюхѣ твоємъ, слезами моими кропляя, руками сподими и бысть брюхо твое цело и здраво...

12) Въ Увар.—изгнившу...

13) Въ Хлуд. № 257.—плакавшуся руками сводяща язву... Въ Увар.—раками сводящу язву...

14) Въ Хлуд. № 257 и Увар.—и мало, мало посослася...

15) Въ Хлуд. № 257—исцелихъ всего здрава...

16) — нѣтъ Государь...

17) Въ Увар.—миль плакать...

18) — вижу, не шельетъ тебѣ...

19) Въ Хлуд. № 257—отсутствуетъ.

деже увидимся с тобою тамо ¹⁾. (Икоже присылая ²⁾ ко мнѣ Юрья Лутохина, и рекъ онъ Юрье усты твоими мнѣ на Угреше ³⁾: разсудить-де, протопопъ, меня с тобою праведный судия Христосъ: и я на томъ же положилъ. Буди тако во воли твоей; тебѣ ⁴⁾, государь, тако годѣ, ино и мнѣ такъ любо. Ты царьствуй многа лѣта, а я мучюся многа лѣта ⁵⁾: и пойдемъ вмѣстѣ (л. 103) в дома своя вѣчныя, егда Богъ изволить. Ну ⁶⁾ да хотя Гдѣ ⁷⁾ меня и собакамъ приказалъ выкинуть, да еще благословлю тя благословеніемъ послѣднимъ. А потомъ прости: ужъ чаю только того ⁸⁾.

Царь-государь Алексѣй Михайловичъ! Любимъ бо еси ⁹⁾ мнѣ, исповѣмся тебѣ всѣмъ сердцемъ моимъ и повѣмъ вся чудеса господня. Ей не лгу,—буди мнѣ с сею ложью ¹⁰⁾ стати на страшномъ судѣ с тобою предъ лицомъ господнимъ! Того ради хочу тебѣ сказать, яко мнитмися не коснитъ Господь о кончинѣ моей и помышляетмися, будетъ скоро отложеніе тѣлеси моему, яко ¹¹⁾ утомилъ мя еси зѣло ¹²⁾, еще же мнѣ и самому о жизни сей нерадящу. Послушай (л. 103 об.), державне, побесѣдую ¹³⁾ ти яко лицомъ къ лицу. Нынѣшняго 177-го году, в великій постъ на первой недѣли, по обычаю моему, въ поведѣльникъ хлѣба не ядохъ, такоже и во вторникъ, и в среду не ядохъ, еще же и в четвертокъ не ядши пребыхъ; в пятокъ же прежде часовъ начяхъ келейное правило, псалмы Давыдовы пѣти ¹⁴⁾, и ¹⁵⁾ прииде на мя озноба зѣло люта и на печи зубы мои разбило з дрожи. Мнѣ же и лежащу на печи, умомъ моимъ глаголющу ¹⁶⁾ псалмы.

¹⁾ Въ Увар —отсутствуетъ.

²⁾ Въ Хлуд. № 257 и Увар.—*присылалъ...*

³⁾ Въ Увар.—*голову Юрья Лутохина, и рекъ онъ Юрей усты твоими мнѣ на Угрѣши въ монастырь...*

⁴⁾ — *коли тебѣ...*

⁵⁾ — *ты царьствуй себѣ многа лѣта, и яъ мучюся многа лѣта за Христа своего...*

⁶⁾ Въ Хлуд. № 257—отсутствуетъ

⁷⁾ Въ Увар.—*Ию Государь, да лотя..*

⁸⁾ Въ Хлуд. № 257—*уже, Государь, чаю только того...* Въ Увар.—*ужъ тово чаю только.*

⁹⁾ Въ Увар.—*еси ты мнѣ...*

¹⁰⁾ Въ Хлуд. № 257—*ажю...*

¹¹⁾ Въ Увар.—*яко утомилъ мя еси зѣло, понеже ужъ сиди и Богу молюся не могу уже и предъ Богомъ стояти, понеже утомилъ мя еси...*

¹²⁾ Въ Хлуд. № 257—отсутствуетъ.

¹³⁾ Въ Увар.—*побесѣдую...*

¹⁴⁾ — *пѣть.*

¹⁵⁾ — отсутствуетъ.

¹⁶⁾ — отсутствуетъ.

понеже отъ Бога дана Псалтырь изусть ¹⁾ глаголати мнѣ. Прости, Гдѣ ²⁾, за невѣжество мое: отъ дрожи тоя нападе на мя мыть ³⁾, и толико изнемогъ ⁴⁾, яко отчаявшумися и ⁵⁾ и жизни сея, уже всѣхъ дней десять не ядшу ми и болши ⁶⁾. И (л. 104) ⁷⁾ лежащу ми на одрѣ моемъ и зазирающу ми ⁸⁾ себѣ, яковья великія дни ⁹⁾ правила не имѣю, но токмо по чоткамъ молитвы считаю: и Божіимъ благоволеніемъ в нощи вторыя недѣли, противъ пятка, распространися ¹⁰⁾ языкъ мой и бысть великъ зѣло, потомъ и зубы быша велики, а се и руки и ноги быша велики, потомъ весь широкъ и пространенъ подъ небесемъ и по всей земли ¹¹⁾ распространился; а потомъ Богъ вмѣстилъ в меня небо, и землю и всю тварь. Мнѣ же молитвы безпрестанно творящу и лѣствицу перебирающу в то время. И бысть того времени на полъчаса и болши. И потомъ воставшу ми отъ одра легко, и поклонися ¹²⁾ до земли Господеви. И послѣ посвѣщенія Господня ¹³⁾ начяхъ хлѣбъ (л. 104 об.) ясти в славу Богу. Видиши ли, самодержавне?—Ты владѣши, на свободѣ живучи ¹⁴⁾, одною рускою землею, а ¹⁵⁾ мнѣ Сынъ Божій ¹⁶⁾ за темничное сидѣніе небо и землю ¹⁷⁾. Ты, отъ ¹⁷⁾ здѣшняго своего царства в вѣчный свой домъ пошедши, только возмешь гробъ и саванъ ¹⁸⁾, азъ же присужденіемъ вашимъ не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои ¹⁹⁾ псами и птицами небесными растерзаны будутъ и по земли влачimy. Такъ добро и любезно мнѣ на земли лежать, и

1) Въ Увар. — *наизусть.*

2) — *прости царю...*

3) Въ Хлуд. № 257—*мыть...*

4) Въ Увар.—*изнемогъ азъ...*

5) Въ Хлуд. № 257—*отсутствуетъ.*

6) Въ Увар.—*уже и не ядшу ми всѣхъ дней з десяти и болши...*

7) — *отсутствуетъ.*

8) Въ Хлуд. № 257 и Увар.—*отсутствуетъ.*

9) Въ Увар.—*зазирающу себѣ, яко в таковыя великія дни...* Въ Спис. Брон.—

Яко азъ сія великія дни...

10) — *распространилъ ся.*

11) Въ Хлуд. № 257 и Увар.—*под небесемъ по всей земи...*

12) — *поклонился.* Въ Увар.—*поклонителюся...*

13) Въ Увар.—*И после сего присвѣщенія Господня...*

14) Въ Хлуд. № 257—*живущій.* Въ Увар.—*отсутствуетъ.*

15) — *а мнѣ Сынъ Божій.. небо и землю...* въ Хлуд. № 257—*отсутствуютъ.*

16) Въ Увар.—*Сынъ Божій покорить..*

17) — *отсутствуетъ.*

18) — *саван.*

19) — *моя.*

свѣтомъ одѣяну и небомъ покрыту быть ¹⁾). Небо мое и земля моя, свѣтъ мой и вся тварь,—Богъ мнѣ далъ, якоже выше сего рекохъ ²⁾). Да не первому мнѣ показано сице. Чти, державне (л. 105), книгу, аще хочешь, Палею ³⁾), егда ангель великій Алтезь ⁴⁾ древле восхитилъ Авраама выпрѣ, сирѣчь на высоту к Богу ⁵⁾), и показа ему отъ вѣка сотворенная вся ⁶⁾), Богу тако изволшу ⁷⁾). А нынѣ, чаешь, изнемогъ Богъ? Нѣсть, нѣсть.—тойже Богъ всегда, и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Хвалитимися не подобаетъ, токмо о немощехъ моихъ, да вселится в мя сила Христова, не толко ⁸⁾ того Божія присѣщенія ⁹⁾). Егда мнѣ темныя твоя¹⁰⁾ власти волосы и бороду остригли и проклявше за твоимъ карауломъ на Угрѣше в темнице держали ¹¹⁾),—о, горе мнѣ, не хочется говорить, да нужда влечетъ!—тогда нападе на мя печаль, и зѣло отяготихся отъ кручины и размышляхъ (л. 105 об.) в себѣ, что се быть, яко древле и ¹²⁾ еретиковъ такъ не ругали, якоже меня нынѣ,—волосы и бороду остригли ¹³⁾), и проклиали, и в темнице затворили ¹⁴⁾): никоніаны пуще отца своего Никона надо мною бѣднымъ сотворили. И о томъ ¹⁵⁾ стужахъ Божеству, да явитъ ми, не туне ли мое бѣдное страданіе. И в полунощи, всенощное ¹⁶⁾ чтущу ми наизустъ святое Евангеліе утреннее, над ледникомъ на соломке стоя, в одной рубашкѣ, и без пояса, в день Вознесенія Господня: и бысть в дусѣ весь, и стѣ близъ мене по ¹⁷⁾ правую руку ангель мой хранитель ¹⁸⁾), улыскааяся, и приклоняаяся ¹⁹⁾ ко мнѣ и мил ся ²⁰⁾

1) Въ Увар.—*биты мнѣ...*

2) — *рыломъ.*

3) — *чти державный, книгу Палею...*

4) — *отсутствуетъ.*

5) — *к небу.*

6) — *отсутствуетъ.*

7) — *изволившу...*

8) Въ Хлуд. № 257—*не токмо...*

9) Въ Увар.—*того во Божія присѣщенія ко мнѣ...*

10) Въ Хлуд. № 257 и Увар.—*твои.*

11) Въ Увар.—*на Угрѣше в монастырь в темнице держали мя...*

12) Въ Хлуд. № 257—*отсутствуетъ.*

13) Въ Увар.—*волосы и бороду у меня остригли...*

14) — *затворили мя:*

15) — *о томъ си стужахъ...*

16) *во всенощное...*

17) Въ Хлуд. № 257—*на правую...*

18) Въ Увар.—*и бысть въ Дусѣ весь, и близъ мене по правую руку стоя ангель мой хранитель...*

19) — *отсутствуетъ.*

20) — *мнѣ.*

дѣя. Мнѣ же чтушу святое Евангеліе нескоро, ко ангелу радость имущу: а се потомъ (л. 106) изо облака Госпожа ¹⁾ Богородица яви ми ся, потомъ и Христось с силами многими, и рече мнѣ ²⁾: не бойся, Азъ есмь съ тобою! Мнѣ же к тому ³⁾ прочетшу к концу ⁴⁾ святое Евангеліе и рекшу: Слава тебе, Господи! и падшу ⁵⁾ на землю и ⁶⁾ лежащу на многъ часъ. И егда отъиде слава Господня, востахъ и начахъ утренюю кончати. Бысть же ми радость неизреченна, еяже ⁷⁾ невозможно исповѣдати нынѣ. За любовь тебѣ Господню ⁸⁾, Михайловичъ ⁹⁾, сказано сіе, понеже хошу умереть. Да и ¹⁰⁾ молю тя о Христѣ, не повѣдай ¹¹⁾ врагомъ моимъ никоніаномъ тайны сея, да не поругают Христа Іса ¹²⁾, Сына Божія и Бога. Глупы веть онѣ ¹³⁾ дураки, плюють ¹⁴⁾ и на самого Бога нечестивыя глаголы. Горе имъ бѣднымъ будетъ!

(л. 106 об.) Посемъ, Государь, миръ ти и паки благословеніе аще снабдиши, о немже молю твою царскую душу ¹⁵⁾; аще-ли же ни: буди воля твоя, якоже хоцещи ¹⁶⁾. Не хотѣлося было мнѣ в тебѣ некрѣпкодушія того: вѣтъ то всячески ¹⁷⁾ всяко будемъ вмѣствъ,—не нынѣ, ино тамо увидимся. Аминь ¹⁸⁾.

1) Въ Хлуд. № 257—*Госпоже...*

2) Въ Увар.—*ми.*

3) — *отсутствуетъ.*

4) Въ Хлуд. № 257—*отсутствуютъ.*

5) Въ Увар.—*падши.*

6) — *отсутствуетъ.*

7) — *яже...*

8) Въ Хлуд. № 257—*Государь...*

9) Въ Сп. Брон.—*За любовь тебѣ, господину Михайловичу...* Въ Хлуд. № 257—*За любовь тебѣ, Государь Михайловичъ...* Въ Увар.—*за любовь тебѣ Господню Царь Государь Алексѣй Михайловичъ...*

10) Въ Хлуд. № 257—*отсутствуетъ.*

11) Въ Увар.—*понеже хошу умерети уже: утомилъ мя еси, понеже уже сидя и Богу молюся, отъ мученія вашего не могу уже и пред Богомъ стояти. Молю тя именемъ Господнимъ, не повѣдай...*

12) Въ Хлуд. № 257—*отсутствуетъ.*

13) — *Глупы весьма они...* Въ Увар.—*слѣпы вѣдъ онѣ...*

14) — Въ Хлуд. № 257 и Увар.—*плюють...*

15) Въ Увар.—*о немъ же молю твою царскую душу престати отъ такового неподобнаго начтанія...*

16) — *твори, якоже хоцещи...*

17) Въ Хлуд. № 257—*не хотѣлось мнѣ въ тебѣ некрѣпкодушія; однакожь всячески...*

18) Въ Увар.—*не нынѣ ино тамо увидимся на страшномъ судѣ Христовъ Богъ изволит. Аминь.*

Посланіе царю Ѳедору Алексѣевичу, писанное изъ Пустозерска ¹⁾.

(Л. 90). Благаго и преблагаго и всеблагаго Бога нашего благодатному устроению, блаженному и треблаженному и всеблаженному, государю нашему свѣту, свѣтилу русскому, царю и великому князю Ѳедору Алексѣевичу, не смѣю нарецися ²⁾ богомолецъ твой, но яко нѣкій извергъ ³⁾ и непричастенъ ногамъ твоимъ, издалеча вопію, яко мытарь: милостивъ буди ми, господи! подстилаю главу и весь органъ тѣла моего со гласомъ: милостивъ буди ми, господи!—яко Серафимисса жена еллинска къ Сыну Божію: ибо и пси ядятъ отъ крупиць, падающихъ отъ трапезы господій своихъ ⁴⁾. Ей, песъ есмь азъ: но желаю крупицы твоя (л. 90 об.) милости. Помилуй мя страннаго, устранишагося грѣхми Бога и человекъ,—помилуй мя, Алексѣевичъ, дитятко красное церковное! Тобою хочетъ весь міръ просвѣтитися, о тебѣ люди Божія расточенныя радуются, яко Богъ намъ далъ державу крѣпкую и незыблему. Отради ми, отрасль царская, отради ми и не погуби мене со беззаконьми моими, ниже в вѣкъ враждовавъ соблюдеши золь моихъ ⁵⁾. Зане ты еси царь мой и азъ рабъ твой; ты помазанъ елеомъ радости ⁶⁾, а азъ обложенъ узамн желѣзными; ты ⁷⁾, государь, царствуешь, а азъ во юдоли плачевной плачюся. Увы мнѣ! Кого мя роди мати! Проклять день, в онъже родихся, и ночь она буди тьма ⁸⁾, еже изведе из чрева матере моя! (л. 91). Помилуй мя, сыне Давидовъ ⁹⁾, помилуй мя, аще благодать обрѣтохъ пред тобою ¹⁰⁾, помилуй мя, услыши моленіе мое, внуши молитву мою не во устнахъ лстивыхъ ¹¹⁾! Глаголю ти: разрѣжь чрево мое и посмотри сердце мое, яко с трепетомъ молю и мил ся дѣю, припадаю,—приклони ухо твое и внуши глаголы

1) Ркд. библ. Высокопресв. Макарія, митроп. Московскаго, № 34.

2) Ср. Лук. 15—21.

3) Ср. 1 Кор. 15, 8.

4) Матѣ. 15, 27.

5) Мол. Манасіи.

6) Ср. Евр. 1, 9.

7) Мол. Манасіи.

8) Ср. Іовъ 3, 3—4.

9) Ср. Лук. 20, 30.

10) Ср. Есф. 5, 8.

11) Пс. 16, 1.

моя, из болѣзненны душа, царю, послушавъ. Отъ лють мя избави: единъ бо еси ты нашему спасенію повиненъ ¹⁾. Аще не ты по Господѣ Бозѣ: кто намъ поможетъ? Столпи поколебашася навѣтомъ сатаны, патріарси изнемогоша, святители падоша и все священство еде живо, Богъ вѣсть, али и умроша. Увы, погибе благоговѣйный отъ земля и нѣсть исправляющаго в человѣцѣхъ! (Л. 91 об.). Спаси, спаси, спаси ихъ, Господи, имиже вѣси судбами! Излѣй на нихъ вино и масло, да вразумъ приидуть! А что, царь-государь, какъ бы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илія пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ, чаю. Да воевода бы мнѣ крѣпко умной—князь Юрья Алексѣевичъ Долгорукой ²⁾! Перво бы Никона собаку и разсѣкли начетверо, а потомъ бы никоніянъ. Князь Юрья Алексѣевичъ! не согрѣшимъ, небось, но и вѣнцы побѣдныя примемъ! Помнишь, ты мнѣ жаловаль-говорилъ: естли-де что, протопощъ Аввакумъ, на соборѣ томъ говорить, и я тебе сопротивъ безо отвѣтно реку. Государь, винно такъ ты, да иждѣ и слава Богу(?). А послѣ (л. 92) не такъ у нихъ стало. Богъ судитъ между мною и царемъ Алексѣемъ. В мукахъ онъ сидитъ,—слышалъ я отъ Спаса: то ему за свою правду. Иноземцы тѣ, что знаютъ, что велѣно имъ, то и творили. Своего царя Константина, потерявъ безвѣріемъ, предали Турку, да и моего Алексѣя въ безуміи поддерживали, костелники и шиши антихристовы, прелагатаи, богоборцы! Князь Юрья Алексѣевичъ! здравъ буди, а благословеніе мое есть на главѣ твоей. Помнишь, и дважды благословилъ тя; да и нынѣ такъ же. Прости и моли о мнѣ грѣшнемъ Бога, да не разлучитъ насъ во царствіи своемъ в день вѣка. Мои вы все князи и бояре; отступникомъ до васъ (л. 92 об.) нѣтъ дѣла. Говорите Иоакиму патріарху.—престалъ бы отъ римскихъ законовъ: дурно затѣли,—право! Простой человѣкъ Якимъ отъ: тайные тѣ шиши, кои приѣхали из Рима, тѣ ево надувають аспиридовымъ ядомъ. Прости, батюшко-Якимушко! Спаси Богъ за квась, егда наполнилъ мя жаждуца, егда азъ с кобелями тѣми грызѣся, яко гончая собака з борзыми, с Павломъ Ларіономъ. Чудо! Чудо! заслѣпилъ діаволь: отеческое откиня, имиже отцы наши уставомъ до небесъ достигоша, да странное богоборство возлюбивша извратипася. Не я своимъ умысломъ, скверной, затѣваю: ни, ни, никакъ же; но время открыть, яко чаша в руцѣ Господни вина

¹⁾ См. вмось 6-ю пѣснь 2 гласа канонъ Честному Кресту, въ пятокъ. Октай листь 216.

²⁾ Извѣстный бояринъ, убитый во время стрѣleckаго бунта 15 мая 1682 г.

(л. 93) нерастворенна исполнь растворенія, и уклони отъ сея в сію, обаче и дрождіе его не искидашася ¹⁾ Псалмопѣвецъ глагола: и дрождей не покинетъ даромъ, но испиють е вси грѣшніи земля. Рече Господь: имѣяй уши слышати, да слышитъ ²⁾. Прости, прости, прости, державне! Падъ, поклоняюся. Прости, Господа ради, в чемъ согрубилъ тебѣ-свѣту. Благословеніе тебѣ отъ всемогущія десницы и отъ меня грѣшнаго Аввакума протопопа. Аминь.

1) Пс. 74, 9.

2) Мѣ. 13, 9.

ПЕРЕПИСКА СЪ БОЯРЫНЕЙ МОРОЗОВОЙ

Посланіе (первое) къ боярынѣ Морозовой ¹⁾.

(л. 67 об.) Господь грядеть грѣшники мучити праведники же спасти ²⁾. Плачемся и въздыхаемъ, и прїимемъ чюство онаго дне, вонъже безвѣстная и тайная открывыи челоуѣкомъ (л. 68) отдасть подостоянію. Страшенъ судїа прїидеть: и кто противъ станеть его? Не обленися потрудитися въ нынѣшнемъ вѣцѣ, предваримъ и восплачемся прежде суда онаго, егда небеса погибнуть и звѣзды спадуть, и вся земля поколеблеться, да милостива обрящемъ тогда Бога нашего.

Свѣтъ моя Государыня! Люблю я правило ноцное и старое пѣніе. А буде обленишься на ноцное правило, тотъ день окаяной плоти и есть не давай. Не игрушка душа, что плотскимъ покоемъ ея подавлять! Да переставай ты и медокъ попивать. Намъ иногда случается и воды въ честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лутчи, что боярыня? Да одинако намъ (л. 68 об.) Богъ распростре небо, еще же луна и солнце всѣмъ сіяеть равно, такожде земля и воды и вся прозябающая по повелѣнію владычню служатъ тебѣ не болши, и мнѣ не менши. А честь прелѣтаеть. Единъ честенъ,—тотъ, кто ночью востаетъ на молитву, да медокъ перестанеть, въ квасъ примѣшивая, пить. Еще ли, государыня, бранится? Мнѣ мнится, обленилася ты на почную молитву: того ради тебѣ такъ говорю съ веселїемъ. Евангелїе воспоминаю: *егда поносятъ вамъ и изженутъ вы, возрадуйтесе в той день и възыграйте: се бо мзда ваша многа на небестхъ* ³⁾. Аще и радостїю тебѣ глаголю, не радуйся о глаголахъ сихъ. Днїе наши не радости, но плача суть. (л. 69) Воспомяни,—егда ты родилася, не възыграла, но заплакала, отъ утробы изышедъ матерни. И всякой младенець тако творить, прознаменуя плачевное сіе житїе: яко днїе плача суть, а не праздника, якоже мнѣ грѣшнику на земли и праздника нѣсть, развѣе святымъ и праведнымъ, кои весе-

¹⁾ Ркп. библ. Высокопреосвящ. митрополита Макарія, № 34. Сличена съ ркп. библ. А. И. Хлудова, № 257.

²⁾ Ср. 9 пѣснь канона въ недѣлю мясопустную. Постная трїодь.

³⁾ Мѣ. 3, 11. Лук. 6, 23.

лятся законы Божиими и заповѣдми его, соблюдающе. Тако и ты, государыня, плачи суетнаго житія своего и грѣховъ своихъ, понеже призвалъ тя Богъ въ домовое строеніе и разсужденіе; но и возвеселися, едва в ноши воставъ совершиши 300 поклоновъ и седмь сотъ молитвъ веселіемъ и радости духовныя. И меня грѣшнаго помяни тутъ, надежда моя, къ Богу, и жену мою и дѣти (л. 69 об.) мои. Еще же реку ти: *егда молитися, вниди въ клетъ свою, затвори двери своя* ¹⁾, спрѣчь все помыслы злыя отринь и единому Богу гори душею, воздохни со восклицаніемъ и рцы: Господи! согрѣшила окаянная, прости! нѣсмь достойна нарецися дщерь твоя, сотвори мя, яко едину отъ наемницъ твоихъ ²⁾! Еще же глаголю: аще и всѣ добродѣтели сотворишь, рцы души своей: ничтоже благо сотворишь, ниже начашъ добро творити. Нощію воставай,—не лѣдемъ себя приказуй будить, но сама воспряни отъ сна безъ лѣности, и припади и поклонися сотворшему тя. А въ вечеру мѣру помни сидѣть. Поклоны: еда метаніе на колѣну твориши, тогда главу свою впрямъ держи; егдаже великіи прилучится (л. 70), тогда главою до земли. А нощію триста метаніи на колѣну твори. Еда совершиши сто молитвъ стоя, тогда: *слава и нынѣ, аллилуїа*, и тутъ три поклоны великія бываютъ. Такожъ и на Достойнѣ всегда поклонъ великіи. На святую Пасху и во всю Пятдесятницу и нощію въ поясъ. И промежъ Рожества и Крещенія въ поясъ ³⁾. И во всякую субботу, и недѣлю, и в праздники въ поясъ; развѣ въ Великую Суботу, противъ великаго дни: то метаніе на колѣну Блюдися ты, государыня, лестьцовъ чернцовъ, и поновъ, и черницъ, ежебы не развратили душу твою, и всѣхъ злыхъ чловѣкъ уклоняйся, а з добрыми бесѣдуй ⁴⁾. Не презирай живота мертвеца.

Посланіе (второе) къ боярынѣ Морозовой, княгинѣ Урусовой и Марѣ Даниловой ⁵⁾.

(л. 93 об.) *Херувимомъ подобящеся отроцы въ печи ликовствовашу, вопіюще: благословенъ еси, Боже, яко истинною и судомъ*

¹⁾ Ср. Мѣ. 6, 6.

²⁾ Ср. Лк. 15, 19.

³⁾ Этихъ словъ: *И промежъ Рожества и Крещеня въ поясъ*, въ хлуд. спис. нѣтъ.

⁴⁾ Ср. Поученіе духовнымъ дѣтемъ, въ потребникѣ.

⁵⁾ Ркн. библ. Высокопреосвящ. митрополита Макарія. Здѣсь посланіе озаглавлено такъ: *Книга шокъ Феодоръ, а помирски боярынъ, с сестрами*.

(л. 93 об.) навелъ еси сыи вся грѣхъ ради нашихъ, препѣтый ¹⁾ и превозносимый во вѣки вся ²⁾).

Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Исе Христе Сыне Божій помилуй насъ. Аминь.

Херувимы многоочитыя, серафими шестокрилни, воеводы огнепалныя, воинство небесныхъ силъ, тричисленная единица трисоставнаго Божества, раби вѣрніи: Феодора въ Евдокѣи, Евдокѣя въ Феодорѣ, и Марія въ Феодорѣ и Евдокеи! Чюдной составъ по образу святыхъ Троица, яко вселенстїи учителіе—Василій, Григорій и Іоаннъ Златоустый! Феодора огненный умъ Ананасія Александрійскаго, православія насаждь ученія, злословія терне изсѣкла еси, умножила сѣмя вѣры одожденіемъ (л. 94) духа, преподобная, по Троицы поборница великая. Княгиня Евдокѣя Прокопьевна, свѣтъ трисїянный, вселивыйся в душу твою, сосудъ избранъ показа тя, претворенная, свѣтло проповѣда Троицу пресущную и безначалную. Лоза преподобія и стебель страданія, цвѣтъ священія и плодъ богоданенъ, вѣрнымъ присно цвѣтущая дарована, но яко мученикомъ сликотна, Марія Герасимовна, со страждущими съ тобою взываше: ты еси, Христе, мученикомъ свѣтлое радование.

Старець, рабъ вашого преподобія, покланяюся главою грѣшною за посѣщеніе, яко простросте бесѣду довольную и напоили мя водою животекущею. Зѣло, зѣло углубили кладезь ученія своего (л. 94 об.) о Господѣ, а ужа моя кратка досягнути,—не мощно, присѣбно и прикровенно во иномъ мѣстѣ теченія воды.

Понуждаете мя молитися, чтобы далъ Богъ терпѣніе, и любовь, и покореніе, безлобіе, и воздержаніе, безгнѣвіе, и терпѣніе, и послушаніе. И я о семъ в души своей колеблюся: нѣтъ ли въ васъ между собою ропоту?—боюся и трепещу навѣта діаволя, Евдокѣя Прокопьевна! худо, свѣтъ моя, неблагодареніе. Марія Герасимовна! чево у васъ не бывало преже сего, нынѣ ли чести искать, или о нужной пици ропотить? Въ мимошедшіе времена и рабичища слаще тово ѣли у васъ, чемъ вы нынѣ ³⁾ питаетесь; а въ пустошномъ семъ толко ропоть и безсовѣтіе (л. 95).

Увы мнѣ, грѣшному! Ей, слезамъ достойно есть: у меня здесь діаволь отъ десныхъ ссору положилъ,—въ догматахъ считалися, да и разбилися. Молодой щенокъ, Феодоръ дьяконъ, сынъ

¹⁾ прославленный (на поляхъ).

²⁾ Дан. 3, 25 и 28

³⁾ Это слово на поляхъ, хотя написано чернилами и рукою, одинаковыми съ цѣлою рукописью

духовной мнѣ, учаль блудить надъ старыми книгами и о святѣй Троицѣ предкнулся, и о Христовѣ во адъ сошествіи и о иныхъ, догматствуя пониконіянски, нелѣпно. Въ книгѣ моей написано и послано къ вамъ о Господѣ. Азъ же, не утерпѣвъ безумію его, и слышати не могъ хулы на Господа Бога моего, отрѣзалъ его отъ себя и положилъ подѣ клятвою, не ради внѣшнихъ досадъ,—ни, никакоже!—но ради безстудства его на Бога и хулы на старыхъ книгъ. Буди онъ проклятъ врагъ Божій.

А у васъ, свѣты мои, какое догматство (л. 95 об.) между собою? Женской быть одно говори: какъ в старопечатныхъ книгахъ напечатано, такъ я держю и вѣрую, съ тѣмъ и умираю. Да молитву Ісову грызи, да и все тутъ. А о пищи, и питіи, и о чести вѣка сего что роптать? бросили вы сіе: плюньте уже на все!

Наудачю вѣдь говорю. Аль и нѣтъ у васъ тово, милостію Христа Бога моего и заступленіемъ пречистыя Владычицы нашея Богородицы, помощницы нашея, свѣта? А ты, другъ мой головной, пожалуй, Господа ради, на себѣ притирай. Ты уже мертвецъ, отреклася всего; а онѣ еще, горемыки, имуть сердца своя к супружеству и ко птенцамъ. Мочно намъ знать, яко скорбь ихъ томить. Я и мужикъ, а всяко живеть. Уменя в домишку (л. 96) дѣвка рабичицо робенка родила. Иныя говорятъ—Прокопей сынъ мой привалалъ; а Прокопей божится и запирается. Въ лѣтахъ дѣтина, недивно и ему привалать! Да сіе мнѣ скорбно, яко покаянія не могу получить. Выную пору совѣсть разсвирѣпѣть, хощу анаемѣ предать и молить Владыку, да послеть бѣса и умучить его, яко древле в Коринфахъ соблудившаго съ мачехою; ѿ паки посужу, какъ бы самому въ напасть не впасть: аще толко не онъ, такъ горе мнѣ будетъ тогда,—мученика казни предамы!

Увы, Феодора Прокопьевна, мати моя! Утѣснися душа моя отвсюду грѣхъ ради моихъ. Молися, молися, крѣпко молися, Господа ради, о мнѣ! А я уже и не знаю, какъ живу (л. 96 об.) въ горести ума моего; не помню иное въ печалѣхъ, какъ день, какъ ночь переходять у меня. Охъ, охъ, охъ, души отовсюду утѣснившейся моей! Евдокѣя да Марья оханье прислали ко мнѣ: а у меня и своего много! Глядѣлъ—глядѣлъ въ ваше рукописаніе-то: огорчилася утроба, я ударился о землю: Владыко! соблюди, реку, ихъ во имя твое, и меня грѣшнаго за молитвъ ихъ спаси! Кому помощи, аще не Ты? А ты говоришь иную суторщину: вѣзой-дуль-де я тебе на умѣтъ когда? болшо-де ты меня забылъ! Я тебя избранилъ въ тѣ поры,—прости Бога ради! Вотъ, реку, она во свѣ брусить, и слушать нѣчево! Развѣ, реку, сама забываешь меня! А что петь о Иванѣ-то болно сокрушаешь? Главы (л. 97) главы

не сохранилъ! Полно-су плюскать-то, Христа для! Главы не сохранилъ! Какъ поразсудить-то дѣло твое: ино ужась возметъ. Какъ то надежа-свѣтъ-Христось извоилъ! То бы по твоему добро, какъ бы на лошадахъ-те бесъ тебя ѣздить сталъ, да бабъ-те воровать?—Привели бы онъ на вся, ругаяся тебѣ,—и Христа бы отрекъся, какъ и онѣжь! А то дорогое дѣло—поновому робенка причастили! Великая бѣда, куды! Онъ и не знаетъ, ни вѣдаетъ въ печалѣхъ в то время, что надъ нимъ кудисили блядины онѣ дѣти, и со всѣмъ умысломъ своимъ у Спаса-свѣта правда будетъ на судѣ. Толко бы онъ ево надежа-свѣтъ не возлюбилъ: и онъ бы ево в такую нужную пору не взялъ (л. 97 об.) къ себѣ. Я благодарю Бога о немъ,—причастилъ я ево, помню: довлѣеть ему сіе во вѣки вѣкомъ! Не истлѣла въ немъ благодать. Я на твое плюсканье не гляжу. Тебе бы такъ всякъ исповѣдникъ! Охъ, matka Божія,—не по едосыну хотѣнію дѣлается! Плач-ко ты о себѣ болши; а о немъ слава Христу и безъ твоихъ возгрей! А што? Горе ужъ отъ безумія твоего стало мнѣ! Есть о немъ плачущихъ-те. Иной и одинъ воздохнетъ, ино адомъ потрясетъ; хотя бы и впрямъ осужденъ былъ: ино выпустятъ. А то за что ево осудить? Въ мукахъ скончался робя. Григорей о Троянѣ о мучители помолился: ино отдали. Сказалъ же ему Христось: опять-де не моли мнѣ о такихъ, не стужай; а однако такъ отдалъ (л. 98) милостивый Богъ. А Иванъ не мучитель былъ,—самъ покойникъ мучился и свѣта не видалъ вся дни житія своего. Да собаки опоганили при смерти, такъ у матушки и брюхо заболѣло: охти мнѣ,—сына опоганили! во адъ угодилъ! Не угодилъ,—не суетися! Для тебя такъ попущено, чтобъ ты не вознесьлась. Блюдися себѣвозношенія, инока схимница! Дорога ты, что в черницы-тѣ попала, грязь худая? А хто ты,—не Феодосья ли дѣвица преподобно-мученица? Еще не дошла до тое версты! Ну полно бранится. Прости,—согрѣшилъ. Не кручинься о Иванѣ: такъ и бранить не стану.

На тебя глядя и Евдокѣя кручинится о своихъ робятахъ. Да молоть ли правда?—Евдокѣи-то, милицкой (л. 98 об.) тяжко. то су и есть мужеское и дѣвическое дѣло, чтобы въ грѣхѣ не ввалились безъ пріятели. А батюшко по-за-воронами охочь!—знаю я ево. Да чтожь дѣлать, Прокопьевна миленкая? Положимъ упованіе на Христа и пречистую Богородицу-свѣта. Она дѣтей нашихъ не покинетъ. Евдокѣя Прокопьевна! Авось бы ты умерла: ведь бы имъ жить же безъ тебя? Ну да станемъ Христу докучать: Онъ управить ихъ къ себѣ, Создатель нашъ.

Марья Герасимовна! Не пререкуйте же вы предъ старицею-то съ Евдокією: она ведь ангельскій чинъ содержитъ, а вы простые бабы,—грѣхъ вамъ предъ нею пререковать. Да чаю-то у васъ и вѣтъ тово о Христѣ; надѣюся на Господа, яко дастъ вамъ Богъ терпѣніе (л. 99) и долгодушество, и кротость, и повиновеніе, и любовь. А что ты о Акинѣе печалуешься? Вели ему пострищися, да и ты постригися, да прямою дорогою ко Христу побредите неоглядъкою! А затѣмъ какъ васъ Христось наставитъ. Миръ ему и благословеніе, свѣту моему-Ивановичю, и всѣмъ благословеніе, любящимъ васъ.

Евдокія Прокопьевна! Чаю ужъ великонки дѣтушки-тѣ у тебя, свѣты мои? Да чтожь дѣлать? Неболно кручинься о нихъ! Богъ о всякомъ человѣке промышляетъ.

Ну простите же, свѣты мои, сердечныя друзья,—простите, государыни мои, простите же Бога для! Господи Іесе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.

Мати честная и преподобная Феодора! Прости мя грѣшнаго, елика (л. 99 об.) согрѣшихъ словомъ и дѣломъ и помышленіемъ ¹⁾,—прости же, оскорбилъ тебя,—прости, государыня моя! Ну прости же, старица! Тово для не кручинься о Иванѣ: еще и не такъ стану бранить, будетъ не перестанешь сѣтовать, а она сама кручинится.

А Меланью-ту твою ведь я знаю, что она доброй человѣкъ; да пускай не развѣшываетъ ушей: стадо-то Христово крѣпко пасеть, какъ побраню. Ведь я не сердить на нея,—чаю знаешъ ты меня. Онѣ мнѣ и малины прислали, радѣютъ миленкіе: а мнѣ петь-су своихъ какъ покинуть! Надобе другъ друга журить, какъ бы лутчи. Я браню ея, а она благословенія проситъ. Видишь ли?—совѣсть-та въ ней хороша какова! Полно ужъ мнѣ ея (л. 100) искушать. Попроси у ней мнѣ благословенія: прощается-де предъ тобою протопопъ! Да вели ей ко мнѣ отписать рукою своею что-нибудь. Ну прости же и ты меня, и молися Бога для о мнѣ. Я ведь надѣюся на молитвы-тѣ ваши.

Посемъ миръ вамъ и благословеніе, и по поклонцу рядомъ всѣмъ. И Іустинѣ старицѣ съ побратимомъ миръ и благословеніе. Терпите свѣты мои о Христѣ.

Многогрѣшный инокъ Епифаній, милости у Христа Бога прося, а ваши святыя молитвы въ помощь себѣ призывая, благословеніе вамъ Христово приписалъ. Не забывайте насъ, свѣты, новые исповѣдницы, во святыхъ своихъ молитвахъ.

¹⁾ Ср. прощеніе послѣ полунощницы.

Посланіе (третіе) къ боярынѣ Морозовой, княгинѣ Урусовой и Марьѣ Даниловой ¹⁾.

(Л. 54 об.) Протопопъ Аввакумъ, рабъ и посланникъ Господа Бога и Спаса нашего Іса Христа, по предъувѣденію званымъ святымъ о Христѣ Ісѣ: Θεодорѣ и Евдокеи и Маріи.

Благодать вамъ, милость и миръ, отъ Господа Бога и Спаса нашего Іса Христа да умножится. Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іса Христа, благословивый насъ всяцѣмъ (благословеніемъ благодуховнымъ въ небесныхъ о Христѣ, якоже избра насъ и васъ прежде сложенія міра, быти намъ святымъ, непорочнымъ предъ нимъ въ любви по благоволенію хотѣнія его, въ похвалу славы благодати его ²⁾). Сего ради и азъ вѣмъ вѣру вашу о Христѣ Ісѣ и любовь, яже ко всѣмъ (вамъ) святымъ, страждущимъ благовѣрія ради. Непрестанно благодаримъ (л. 55) з братією, помянаніе о васъ творя в молитвахъ нашихъ, да Богъ и Отецъ Господа нашего Іса Христа, Отецъ славы, да дастъ вамъ духъ премудрости и откровенія в познаніе его, просвѣщеннымъ очеса сердца вашего, яко увѣдати вамъ ³⁾ что есть дѣйство воздушнаго князя, иже нынѣ дѣйствуетъ духъ въ сынохъ противленія, мерзкихъ враговъ, сущихъ отступникъ, и цареви неправедну, лукавнѣйшу, дѣйствующу ⁴⁾ разоряти матери нашея красоту, святая церкви, чадо же гнѣву, яко кони неистовніи другъ друга предварающе, и лѣпоты ея уничижающе, святая догматы отъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ преданныя низрѣвающе, и своя нововводныя коби многоразличныя въ церковь (л. 55 об.) внесоша. Богъ же, богатъ сый в милости, за премногую любовь свою, еюже возлюбил насъ ⁵⁾ съ вами, и призва на дѣло сіе, стояти противо враговъ твердо и непоколебимо за упованіе вѣчная жизни, закона ради отъ Христа преданнаго и святыми утверженнаго, яже научаютъ насъ и вразумляютъ старопечатныя при благовѣрныхъ царѣхъ московскія книги. Тѣмже убо ктому нѣсть странни и пришелцы, но сожители святымъ рускимъ, и приснии Богу, создани есте по Христѣ страдати, о немъже всяко созданіе со-

¹⁾ Ркп. Высокопреосвящ. митрополита Макарія, № 34. Варіанты приводятся по списку А. И. Хлудова (ркп. № 257) и Е. В. Барсова. Въ ркп. такого заглавія посланіе не носитъ.

²⁾ Ср. Ефес. 1, 3—5.

³⁾ Еф. 1, 15—18.

⁴⁾ Ср. 7 пѣснь отроковъ въ печи Вавилонской, тоже Дан. 3, 32.

⁵⁾ Еф. 2, 4.

ставляемо растить церковь святую Господеви, о немже и вы созидаетесь въ жилище Божіе духомъ ¹⁾).

Сего ради и азъ, протоповъ и юзникъ о Господѣ молю вы, друговъ моихъ сердечныхъ, стойте (л. 56) прочее и не унывайте о житіи прежебывшемъ. Вѣмъ, другъ мой милой Феодосья Прокопьевна,— жена ты была боярская, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, вверху чина царева, близъ царицы. Дома твоего тебѣ служащихъ было человекъ съ триста, у тебя же было крестьянъ 8000, имѣнія въ дому твоемъ на 200.000, или на полтретѣи было. У тебя же былъ всему сему наслѣдникъ сынъ, Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ. Друговъ и сродниковъ въ Москвѣ множество много. Ыздила къ нимъ на колесницѣ, еже есть въ корѣте драгой, и устроенной мусією и серебромъ, и аргамачи многи. 6 или 12, з гремячими цѣпями ²⁾. За тобою же слугъ, рабовъ и рабынь, грядущихъ 100, или 200, а иногда человекъ и триста (л. 56 об.) оберегали ³⁾ честь твою и здоровье. Предъ ними же лѣнота лица твоего сіяла, яко древле во Израили святыя вдовы и Юдифы, побѣдившія навходоносорова князя Алоферна. И знаменита была въ Москвѣ предъ человекъ, яко древняя Деввора во Израили, Есфирь жена царя Артаксеркса. Молящутися на молитвѣ Господу Богу, слезы отъ очей твоихъ яко бисеріе драгое схождаху, изъ глубины сердца твоего въздыханія утробу твою терзаху, яко облацы въздухъ възмуцаху, глаголы же устъ твоихъ яко каменіе драгое удивительны предъ Богомъ и человекъ бываху. Персты же рукъ твоихъ тонкостны и дѣйственны: великіи, и меншіи, и средніи во образъ трехъ ипостасей, указательныи же и великосредніи (л. 57) во образъ двухъ естествъ, божества и человекъства Христова, сложа на чело возношаше, и на пупъ снося, на обѣ рамя полагаше, и себя пометая на колѣну предъ образомъ Христовымъ, прося отпуста грѣховъ своихъ и всего мира. Очи же твои молнеосны, держастася отъ суеты міра, токмо на нищихъ и убогихъ призирають. Нозѣ же твои дивно ступаніе имѣють: до полунощи со Анною домочадицею своею тайно бродишь по темницамъ и по богаделнямъ, милостыню отъ дому своего нося, денги и ризы, и потребная комуждо немущему доволно, овому рубль, а иному десять, а индѣ пятьдесятъ рублевъ, и мешокъ сотной. На послѣдокъ же сына своего Ивана въ жертву принесе (л. 57 об.) Богу, православія ради, еже есть скончался скоро отрокъ отъ великія печали, егда отступники

¹⁾ Вф. 2, 19, 21—22.

²⁾ Въ обоихъ спис. *чѣпями...*

³⁾ Въ хлуд. спис. *оберегая...*

съ тобою разлучили. Ты же нимало отъ подвига уклонися, ни усумнѣвся, но и паче простирашеся ко обличенію враговъ креста Христова и разорителей догматовъ святыя церкви. Они же тя, яко звѣрие дивнѣ, терзаху на пыткѣ, руцѣ твои и плоть рваху. И сестру твою, княгиню Урусову Евдокію Прокопьевну, такъже мучили на пыткѣ. И Марью Герасимовну, Акинфея Ивановича Данилова жену, съ вами же пытали и кнутомъ били. Приглашаху еретицы у пытки стоя: отверзитеся знаменія Христова и пять персть, отъ святыхъ преданныхъ, въ рукѣ не слагайте, но примите изволь гдревъ ¹⁾ (л. 58) — три перста, и запечатайте себя антихристомъ богомъ нашимъ, мы же к вамъ милостиви будемъ. Вы же, троица святая: Θεодосія, и Евдокія, и Марія, умрети изволиша Христа ради, непослушаша духа противнаго, въ муки ввержени быша, безчести обнажени тѣлесемъ и раны прія, таже цѣпми ²⁾ оковани быша и во юзилицахъ мучени много времени быша. Таже всѣхъ васъ и со иными страждущими Христа ради обще живыхъ въ землю вкопали, а иніи отцы и братія наша огню предани быша.

Молю вы о Господѣ дѣти мои ³⁾ духовныя, святы и кстинніи раби Христовы,— Богъ есть с нами и никтоже на ны! Кто можетъ насъ разлучити отъ любви Христовы? ⁴⁾ И самъ діаволь (л. 58 об.) не учинитъ намъ ничево, стоящимъ и держащимся за Христа крѣпцѣ. Что воздамъ вамъ, земніи ангели, небесніи человѣцы ⁵⁾? О, святая Θεодосія, и блаженная Евдокія, и страстотерпица Марія! Мученицы и исповѣдницы Христовы, дѣлателие винограда Христова ⁶⁾! Вертоградъ едемскій васъ именую, и ноевъ славный ковчегъ, стоящъ на горахъ Араратскихъ. Свѣтліи и добліи мученицы, столпи непоколебиміи! О, каменіе драгое: акинфъ, и измарагдъ, и аспись! О, трисіятельное солнце и немерцающія звѣзды! Кто не удивится и кто не прославитъ терпѣніе и мужество ваше противу козней враговъ и разорителей церковныхъ! Не стѣны разоряють, но законы (л. 59). Не толико ⁷⁾ осуждены будутъ въ вѣкъ грядущій жида, иже Господа убиша, плоть его терзавше, на крестъ пригвоздивше, оцтомъ и желчію напоиша, и копіемъ въ ребра про-

¹⁾ Въ списк. Хлуд. *государевъ*; въ спис. Барс. *царевъ*.

²⁾ Въ обохъ спис. *цѣпми*.

³⁾ Въ обохъ спис. *дѣтки мои...*

⁴⁾ Ср. Рим. 8, 35.

⁵⁾ Ср. стихирю на литіи, славникъ, Рождеству Іоанна Предотечи.

⁶⁾ Срав. стихирю св. Николаю чудотворцу слава на литіи 6 декабря.

⁷⁾ Въ Хлуд. спис. *Не токмо...*

бодоша, Апостоловъ побивше и Богу не угодивше, якоже никоніане жертву духовную опровергоша, и Духа Святаго глаголють не истинна быти, но просто животворяща, и вся церковная, Духомъ Святымъ преданная, отместуть и злѣ развращаютъ, на плотское мудрованіе сводятъ, кольми суть паче ¹⁾ жидовъ осудятся, понеже невидимаго Бога борють. Тамо видимую плоть терзаху: здѣже невидимый Духъ Святой воюють, ихъже грѣхи и мученическая кровь загладити не можетъ. Тако (л. 59 об.) Златоустый пишетъ на посланіе апостольское въ бесѣдахъ, в правоученіи, обли схизматизники, еже есть раздирающія церковь, якоже нынѣ видимъ творять никоніане, вся Богомъ ²⁾ преданная и святыми отмѣщутъ, да говорятъ сами, діаволомъ научени: какъ бы нибудь, лише бы не постарому! Охъ, собаки! что вамъ старица-та помѣшала? развѣ то ташко, что блудить не велятъ старыя святія книги? Блуди, собака, блуди, отступникъ, бабъ униатокъ, а не замай старыхъ святыхъ непорочныхъ книгъ пречистыхъ! Отраднѣе тебѣ на судѣ будетъ, нежели уничижая Духъ Святой погибашь. Какъ не бѣда содѣяся в земли нашей? Всѣхъ еретиковъ отъ вѣка ереси собрани ³⁾ в новыя книги (л. 60): духу лукавому напечатали молится ⁴⁾, в томъ же крещеніи сатаны не отрицаются, и около купѣли противъ солнца кружатъ, и церкви святятъ такоже противъ солнца со образы и крыжами ходятъ, а въ Треодѣхъ напечатана тайная злая ересь сице: аще кто речеть, яко ты еси единъ Богъ творяй чюдеса трижды, а аще кто исповѣсть Христа Сына Божія единосущна отцу, все трижды. Видите ли какая бѣда? Явно рѣжють Сына Божія-свѣта, неединосущна Отцу глаголють. А аще не единосущенъ Отцу, ино не Богъ, по Арію тварь, кол иного существа мудрствуете, воры блядины дѣти! А въ Скрыжали напечатано ⁵⁾ во антиховыхъ вопросахъ, сице: умно услышимъ, да не прелщаемся (л. 60 об.) сугуба быти Христа, глаголю, изъ божества и челоуѣчества, но слово бо его плоть бысть. Вотъ-су смотрите ⁶⁾, добрые люди,— по ихъ коли не сугубъ Христось, ино едино естество имѣль. Скажи-тко кое? плоть ли нагу Божества, или Божество кромѣ плоти, не истинно вочелоуѣчился ⁷⁾? Скажи-

¹⁾ Въ Хлуд. спис. *кольми суть паче...*

²⁾ Это слово написано на поляхъ, хотя черпилами и рукою одинаковыми съ цѣлою рукописью.

³⁾ — *собрали...*

⁴⁾ Ср. чинъ освященія воды на Богоявленіе.

⁵⁾ Въ спис. Барс. *напечатали...*

⁶⁾ Въ Хлуд. спис. *Вотъ смотрите.*

⁷⁾ — *вочелоуѣчился...*

тко, никоніянинъ, скажи: какъ не сугубъ? Богоборцы, воры, блудины дѣти! Ано сугубъ естествомъ, два естества: Богъ и человекъ, неслитно во единомъ составѣ. Слыши, враже всякая правды и всякая истинны: якоже бо человекъ,—душа и тѣло единъ человекъ: тако Богъ и человекъ единъ Христосъ, два естества во единомъ составѣ. Такъ Аѳанасій великій научаетъ. Да гдѣ блудня-та ваша переговоришь! (л. 61). Не подобаетъ съ вами, поганцами, намъ вѣрнымъ и говоритъ много. Кое сообщеніе свѣту ко тмѣ, и кая часть вѣрному с невѣрнымъ, кое общеніе Христу с велиаромъ и церкви Божіей со идола¹⁾? Такъ то и намъ съ вами, съ проклятыми отъ святыхъ Отець седми соборовъ и отъ русскихъ чудотворцовъ. А что вы насъ кленете со діаволомъ своимъ: и мы тому смѣемся. И робень²⁾ размѣется вашему безумію. Коли насъ за старину святую проклинать: ино и отецъ вамъ и матерей подобаетъ своихъ проклинати, въ нашей вѣрѣ измершихъ. Увы (л. 61 об.), затмилъ діаволь,—нѣчево много говоритъ! Ну, госпожи мои-свѣты, запечатлѣемъ мы кровію своею нашу православную вѣру христіанскую со Христомъ (л. 61 об.) Богомъ нашимъ, емуже слава во вѣки, аминь.

Посланіе (четвертое) къ боярынѣ Морозовой³⁾.

(л.61 об.) Не обленюся и еще припомянуть подвиги и труды твоя, блаженная Θεодосія! Самовидецъ бо есмь внѣшнимъ и внутреннимъ твоимъ плодомъ. Подобно бо еси царю Θεодосію, управляющему добрѣ царскія,—порфиру и багряницу ношаше, внутрь же власяницу подѣ одѣяніемъ царскимъ; вѣдящу ему на колесницѣ царствій, и въ то время книги своими руками⁴⁾ писаша, и труды рукъ своихъ нищимъ вручаше, и пищу себѣ нужную отъ руководѣлія своего строя, мниховъ же и нищихъ зѣло любляше и правилу и посту прилѣжа и колѣнному преклоненію, и прочая творя, еже что смиренію прилична. Тако и твоя (л. 62) труды быша. Постящутися и молитву дѣющи неотложно, и власяницу подѣ одѣяніемъ ношаше на срачицѣ, устроена отъ скота вла-

¹⁾ Ср. 2 Кор. 6, 15.

²⁾ Первоначальное „робень“ въ ркп. другимъ почеркомъ и чернилами исправлено на „робенокъ“.

³⁾ Ркп. Высокопреосвящ. митрополита Макарія, № 34. Варіанты приводятся по гѣмъ же спискамъ А. И. Хлудова и Е. В. Барсова. Въ ркп. такого заглавія посланіе не носило.

⁴⁾ Въ Хлуд. спис. *своима руками...*

совь бѣлыхъ, краткорукава. И нѣкогда печаловашеся о томъ, яко познала на тебѣ сноха твоя, Борисова жена Морозова, Анна Ильичьна; азъ же разсудилъ о томъ, яко не хотѣнемъ такъ со-творилось: Богъ проститъ! Ты же по правилѣ и чтеніи книжномъ разсуждая домохадцовъ и деревенскія нужды, бес покоя дни часу до девятого и болши печашеся о исправленіи христіанскомъ: иныхъ жезломъ наказуя, а иныхъ любовію и милостію на дѣло Господне привлекая. Иногда же руцѣ твои пряслицѣ касахуся, и прядущу ти (л. 62 об.) нити, и тѣми нитями рубахъ нашивше своими руками, и по выпереченному со Анною Амосовною ввечеру, одѣвшись въ худыя рубы, по улицамъ и по стогнамъ града нищимъ, ходя, раздѣляше. А иныхъ въ дому своемъ гнойныхъ держаше,—Ѳеодота Стефановича, и прочихъ, имъ своима рукама служаше, язвы гнойныя изъмываше и во уста ихъ пищу влагаше. Еще же юродивымъ Христа ради домъ твой отверсть баше, и нищимъ и сирогамъ невозбранно было въ ложницахъ твоихъ витати, и съ ними ядыше изъ единого сосуда. И бывшу ти вверху у царицы, или у своихъ сестръ ¹⁾, правило церковное и келейное никогдаже остави: аще и зѣло утомисься, а праздно не покосниши (л. 63.). На бесѣдахъ же никоніанъ мужеска полу и женска безпрестанно обличая, и потязая отъ пути истиннаго заблудившихъ и ходившихъ вслѣдъ прелести никоніанской: вездѣ имъ являшеся яко левъ лисицамъ. И просто реци,—быхъ всѣмъ вся, да вся приобретаеши ²⁾. Но и надъ всѣми же сими Христа ради умрети за святую церковь изволи. Блаженна ты въ женахъ и треблаженна въ нынѣшнемъ родѣ! Кто тебе равенъ и точенъ? Невѣмъ,—Богъ вѣсть! Не облѣнимся: Господа ради, и до смерти. И меня не забывай въ молитвахъ. Какъ намъ не умереть за Владыку нашего-свѣта?

Слышала ли еси, какъ собаки никоніаня блядословятъ, глаголя, яко не сугубъ Христось бысть? Вотъ су новыя ³⁾ едино-волники родилися! (л. 63 об.) А Аѳанасій глаголетъ: якоже бо душа челоѳическая и плоть единъ есть челоѳкъ, тако и Богъ и челоѳкъ единъ есть Христось, непремѣненіемъ Божества въ плоть, но воспріятіемъ челоѳчества въ Божество, не сліяніемъ естествовъ, но единствомъ состава. Такъ, свѣтъ, вѣруй и умри. Богу нашему слава нынѣ и присно и вовѣки вѣкомъ, аминь.

Мелко писано—бумашки нѣтъ.

¹⁾ Въ спис. Хлуд. или сестръ...

²⁾ Ср. 1 Кор., 9, 22.

³⁾ Въ проч. спис. Вотъ новыя...

Посланіе (пятое) къ боярынѣ Морозовой и княгинѣ Урусовой ¹⁾.

(л. 63 об.) Увы, измолче гортань мой, исчезостъ очи мои! Благоволи, Господи, избавити мя. Господи, помощи ми потщися ²⁾. Скоро да предварятъ ны щедроты твоя, Господи, яко обнищавомъ зѣло. Помози намъ, Боже, Спасителю нашъ ³⁾.

Свѣтъ моя! Еще ли ты дышишь? Другъ мой сердечной! (л. 64). Еще ли дышешь, или сожгли ⁴⁾, или удавили тебя?—Не вѣмъ и не слышу; не вѣдаю—жива, невѣдаю—скончали! Чадо церковное, чадо мое драгое, Θεодосья Прокопьевна! Провѣщай мнѣ старцу грѣшну единъ глаголѣ: жива ли ты? Увы, Θεодосья! увы, Евдокѣя! Два супруга неразпряженная, двѣ ластовицы сладкоглаголивыя, двѣ маслицы и два свѣщника предъ Богомъ на земли стояще! Воистинну подобни есте Еноху и Илии, женскую немощь отложыше, мужескую мудрость воспріавше, діавола побѣдиша, и мучителей посрамиша, воіююще и глаголюще: приидите тѣлеса наша мечи свѣцѣте и огнемъ сожгите, мы бо радуяся идемъ къ жениху своему Христу. О, свѣтила (л. 64 об.) великія, солнца и луна Рускія земли, Θεодосія и Евдокѣя, и чада ваша яко звѣзды сіяющія предъ Господемъ Богомъ! О, двѣ зари, освѣщающія весь міръ на поднебеснѣй! Воистинну красота есте церкви и сіяніе присносущныя славы Господни по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома Господня, возбраняете волкомъ входъ во святая. Вы два пастыря,—пасете овчье стадо Христово на пажетехъ духовныхъ, ограждающе всѣхъ молитвами своими отъ волковъ губящихъ. Вы руководство заблуждышимъ въ райскія двери и вшедшимъ древа животнаго наслажденіе! Вы похвала мученикомъ, и радость праведнымъ, и святителемъ веселіе! Вы ангеломъ собесѣдницы (л. 65) и всѣмъ святымъ сопричастницы, и преподобнымъ украшеніе! Вы и моей дряхлости жезлъ и подпора, и крѣпость и утверженіе! И что много говорю?—всѣмъ вся бысте ко исправленію и утверженію во Христа Іса. Какъ васъ нареку? Вертоградъ едемскій имѣваю, и новѣ славный ковчезъ, спасшій миръ отъ потопленія! Древле говариваль, и нынѣ тоже говорю: кіотъ священія, скрижали завѣта,

¹⁾ Ркп. Высокопреосвящ. митрополита Макарія, № 34. Варианты приводятся по спис. А. И. Хлудова (ркп. № 257). Въ ркп. такого заглавія посланіе не носитъ.

²⁾ Пс. 69, 2.

³⁾ Пс. 78, 8—9.

⁴⁾ Въ Хлуд. *Свѣтъ моя, государыня моя! Еще ли ты дышишь, или сожгли...*

жезль аароновъ прозябшій, два херувима одушевленная! Не вѣдаю, какъ назвать! Языкъ мой коротокъ, недосяжетъ вашия доброты и красоты; умъ мой не обыметъ подвига вашего и страдавiя. Подумаю,—да лише руками возмахну! Какъ такъ, государыни (л. 65 об.) изволили съ такія высокія степени ступить ¹⁾ и въ безчестіе вринутися? Воистину подобни Сыну Божію: отъ небесъ ступилъ ²⁾, въ нищету нашу облечеса и волею пострадалъ. Тому жъ и здѣсь прилично о васъ мнѣ разсудить. Недивно, яко 20 лѣтъ и единое лѣто мучать мя: на се бо звамъ есмь, да оттресу бремя грѣховное. А се человекъ нищей, непородной и неразумной, отъ человекъ беззаступной, одѣянiя и злата и сребра не имѣю, священническа рода, протопопъ чиномъ, скорбей и печалей преисполненъ предъ Господемъ Богомъ. Но чудно и пречудно о вашей честности! Помыслить родъ вашъ,—Борисъ Ивановичъ Морозовъ сему царю былъ дядка, и пѣступъ и кормилецъ, болѣлъ объ немъ (л. 66) и скорбѣлъ, паче дѣши своей, день и ночь покоя не имуще: онъ сопротивъ тово плѣмянника его роднаго, Ивана Глѣбовича Морозова ³⁾, опалою и гнѣвомъ смерти ⁴⁾ напрасной предалъ,—твоего сына и моего свѣта. Увы, чадо драгое! Увы, мой свѣте, утроба наша возлюбленная,—твой сынъ плотской, а мой духовной! Яко трава посѣчена бысть, яко лоза виноградная съ плодомъ къ землѣ приклонилъ ⁴⁾ и отыде въ вѣчная блаженства со ангелы ликовствовати, и съ лики праведныхъ предстоить святѣй Троицы. Уже ктому не печется о суетной многострастной плоти ⁵⁾, и тебѣ уже нѣково чотками стѣгать, и нѣ на ково поглядѣть, какъ на лошадки поѣдетъ (л. 66 об.) и по головки нѣково погладить,—помнишь ли?—какъ бывало! Миленкой мой государь! Впослѣднѣе увидѣлся съ нимъ, егда причастилъ ево. Да пускай,—Богу надобно такъ! И ты неболно о немъ кручинься: хорошо право Христосъ изволилъ. Явно разумѣемъ, яко царствію небесному достоинъ. Хотя бы и всѣхъ насъ побралъ, гораздо бы изрядно! Съ Феодоромъ тамъ себѣ у Христа ликовствуютъ,—сподобилъ ихъ Богъ! А мы еще невѣмы, какъ до берега доберемся.

Поминаешь ли Феодора? не сердитуешь ли на него? Поминай су Бога для ⁶⁾,—не сердитуй! Онъ неболно предъ вами виноватъ

¹⁾ Въ Хлуд.—съ ступить...

²⁾ съ ступилъ...

³⁻³⁾ Въ Хлуд.—отсутствуетъ.

⁴⁾ преклонилъ...

⁵⁾ Ср. въ чинѣ погребенiя стихиры на цѣлованіе.

⁶⁾ Въ Хлуд.—Поминай, Бога для...

былъ,—обо всѣмъ мнѣ предъ смертію покойникъ писалъ: стала-де ты скупа быть, не стала милостыни творить (л. 67) и имъ-де на дорогу ¹⁾ ничево не дала, и съ Москвы отъ твоей изгони съѣхалъ, и кое-што сказывалъ. Да уже Богъ васъ простить! Нѣчѣво старова поминать: меня не слушала, какъ я ²⁾ говорилъ; а послѣ пѣняешь мнѣ. Да што на тебя и ³⁾ дивить! У бабы волосы долги, а умъ коротокъ. Ну, прости жъ меня ⁴⁾; а тебя Богъ простить во всѣмъ. Мучтеса за Христа хорошенко, не оглядывайтеса ⁵⁾ назадъ.

Спаси Богъ!—денегъ ты женѣ моей и кое-што послала. Да мужикъ ничево не отдалъ,—ни полушки: передъ нимъ! Пускай ево! Не до денегъ намъ нынѣ. У тебя и болши нашава заводовъ было. да отняли же. Да добро такъ! Благодарите же Бога, миленкіе, свѣты мои,—не тужите ⁶⁾ о бездѣлицахъ вѣка (л. 67 об.) сего. Ну и тово полна ⁷⁾,—побоярила: подобе попасть въ небесное боярство! Миръ вамъ ⁸⁾ Евдокѣи и Феодорѣ, и всѣмъ благословеніе. Заплатите же сему за труды принесшему.

Многогрѣшный инокъ Епифаній, пустынный честный обителі Соловецкія, въ темницѣ, яко во гробѣ, сѣдя, Бога моля, благословенія приписалъ. О, свѣты ⁹⁾ мои, новые исповѣдницы христовы! Потерпимъ мало, да великая воспримемъ ¹⁰⁾.

1) Въ Хлуд. — *И имъ на дорогу...*

2) — *отсутствуетъ...*

3) — *отсутствуетъ.*

4) Въ Хлуд. спис. *Прости же меня...*

5) *не оглядывайся.*

6) *не тужите...*

7) *И тово полно...*

8) *Миръ тебе.*

9) *Освятити.*

10) Ср. стихирѹ св. мученикамъ 9 марта, 1-ю, на Господи воззвахъ.

Письмо протопopa Аввакума къ боярынѣ Ѳ. П. Морозовой.

[Начало не сохранилось].

.. ко мой моимъ говоритъ: я де никою не обманулъ; изволила бѣ де, пожаловала бы тѣхъ людей показать, ково я обманывалъ; [ска]зали [бы] де по ея рѣчамъ, вослибо ково я обманулъ ¹⁾)...
... [пожало]вала сказала...

[Склеѣйка].

я де радъ пер[едъ Богомъ] и лю[дъ]ми прощатца; только де я тово не помню, ково бѣ я обма[нулъ]; кручинитца де на насъ за Феодора: какъ бы де я Феодора еретикомъ звалъ, такъ бы де меня и жаловала, и добрые де мы люди были. И ты, миленькая, на нихъ не сердитуй: правду дѣтина-та говоритъ, что ты, сердитуй на Феодора, и ихъ не зам[ѣчаешь]. А я, су, иль Феодора еретикомъ зв[ать] не велю, да не впадуть в правильную вину; и ты только не перестанешь, и ты за то постражешь. Не хотѣла боло ты ихъ изгонять тово, да не устояла на томъ Ушто я согрѣшилъ предъ Богомъ? Да пускай сугубо бѣдные терпятъ и отъ чюжихъ, и отъ своихъ. Я боло тово в тебѣ не чаялъ по словесемъ твоимъ.

¹⁾ Мѣстами бумага истлѣла; но пропуски вездѣ незначительные.

Говорила боло ты и по смерти моей ихъ не покинуть, а нынѣ, вижи, и при [жи]вомъ оплевала. Вѣдаешь ведь, каковъ тебѣ сынъ; таковы и мнѣ дѣти, хотя бы онѣ и впрямь заплутали. И ты бы ихъ духовнѣ смирjala, а голодомъ не морила. А то ты нынѣча, оставя себя, да людей смиряешь. Нутко, ты посмиряй себя, какъ я, бывало, всѣмъ себя велю домашнимъ по трожды ударить плетью, колико душъ прилучится в дому моемъ; иное прилучится чelовѣкъ 20 или 30, а всѣ бьютъ мя, а я молитвую, а то ты на небо то хочешь взйти, бьючи сама, а не бита быти. Да што на тебя дивить! Иное тебя и людишка худые с умомъ тѣмъ смяли, притрапезные плуты, которые въ словахъ проходятъ словеса Господня, а не в дѣлѣхъ; а ты у нихъ краснословія ихъ слушаешь и искреннихъ друзей изгоняешь; что Никонъ патріархъ насъ отъ царя оттѣснилъ своимъ коварствомъ, такъ то и тѣ отъ васъ нашихъ вымысломъ оттѣсняютъ, да в вашей плоти похвалятся. Богъ ихъ с нами разсудить, || что онѣ на нашемъ основаніи своя гнилыя храмины созидають! Какъ тебѣ дали дворъ и крестьянъ прибавили, и ты ко мнѣ тогда писала: есть, чемъ, батюшко, жить; телеснова много далъ Богъ. А нынѣ [въ] другой грамотке пишешь: оскудала, батюшко; поделитца с вами нѣчемъ. И я лише разсмѣяхся твоему несогласію. А все то у тебя притрапезники и душегубцы изгубляютъ, а истиннымъ рабомъ Христовымъ и проливающимъ крови своя за Христа милостыня отъ тебя истекаетъ, яко отъ пучины морскія малая капля, и то с оговоромъ. Да сказывалъ мнѣ Ѳедоръ, обѣщалася боло де ты давать отъ имѣнія своего с клятвою пятую ¹⁾ долю страждущимъ рабомъ Христовымъ, а нынѣ большо жаль стало, или тѣмъ отдаешь, которые пропиваютъ на винѣ процеженномъ, на романѣе и на рѣньскомъ, и на медахъ сладкихъ, и изнуряють во одеждахъ мягкихъ. [Охъ,] горѣ тебѣ несмотрительно живущей! Лише ты печошся о томъ, какъ бы домъ строенъ, какъ славы нажить больше, какъ бы села и деревни строины, а тово не знаешь, что утренній день принесетъ намъ—сія бо подобаетъ творить и онѣхъ не оставлять. Ну, полно мнѣ тово говорить. Помирися с

¹⁾ Слова: и то с оговоромъ пятую въ подлинникѣ подчеркнуты другими чернилами.

Федоромъ, помирися з дѣтьми моими; доб[ро] ти будетъ; аще ли ни, то не хорошо буд[етъ]. Напрасно покидаешь и Марковну. Марковна—доброй человѣкъ; я ее знаю. Пожалуй, Бога ради, окущи ея долготъ, буде у тебя сойдется; да помоли брата своего и нашего друга, чтобъ пожаловалъ о кормовой тое грамотѣ, пожаловалъ потружался¹⁾; . . . ставить . . .

[Конецъ не сохранился; далѣе на полѣ].

Пожалуй, Бога ради, не отринь отъ себя дѣтей моихъ духовныхъ, Дмитрѣя попа с попадьей, а то слышу, что ты ихъ изгоняешь.

[На оборотѣ № 12 послѣ склейки слѣдуетъ № 13].

Письмо боярыни Ѳ. П. Морозовой къ протопопу Аввакуму.

Христо[любивому] свету душе мо[е]й батюшку Аввакуму Петровичю—многогрешная сестра твоя бол[ь]шая и меньшая и дети наши просимъ твоего благ[ословенія]. . . .

[Конецъ не сохранился].

Письмо боярыни Ѳ. П. Морозовой къ женѣ и дѣтямъ протопопа Аввакума.

Благочестивой и христоролюбивой рабѣ Христовѣ Настасье Марковнѣ, з чады и с снохою и со внучкою. Какъ васъ Господь сохраняетъ в такихъ вашихъ печалехъ, а моему окаянству еще Владыко Христось, по своей премногой милости и святыхъ отецъ молитвами, терпять, до воли Божія жива и з чадомъ своимъ. В такихъ своихъ суетахъ мірскихъ и душевныхъ печалѣхъ сокрушаюся; по вся дни и часы опасаяся; и мнѣ и такъ тошно, а еще нынѣшнія печали и в конецъ меня сокрушили, что такими святыми душами смутилъ одинъ человѣкъ, его же имя сами вѣ-

¹⁾ Слова: да помоли . . . потружался въ подлинникѣ подчеркнуты и отчеркнуты на полѣ другими чернилами.

даете. Прежде сего мутиль онъ мнѣ на твоихъ дѣтей всячески, каковы онѣ високоумны и каковы непостоянны, нельзя де ихъ тебѣ жаловать. И о томъ много вамъ писать, что не токмо с вами мутиль, и со всѣми Христовыми рабы, и всѣмъ домомъ моимъ мутиль, и в томъ судить его Господь. А какъ я отказала ему, и онъ всѣмъ сталъ мутить на меня, и дѣтямъ твоимъ, и всѣмъ оглашалъ, и поносилъ меня не дѣломъ, и такъ поносилъ, что невозможно не токмо писанію предать, но и словомъ изрещи невозможно. Не убояся онъ суда Божія. и не помянувъ смертнаго часа, и в томъ не постави ему Господь грѣха сего. Только ты, матушка, опасайся таковаго—лукавъ есть и зѣло злокозненъ; истинно нѣсть в немъ страха Божія, и вамъ бы отнюдь тому вѣры не нять, и ко мнѣ попрежнему любовь имѣть, и я к вамъ такожде всею душою всегда рада, и николи у меня ненависти не бывало: только мнѣ то печально, что онъ и вашими душами возмутиль. Дивлюся я твоимъ дѣтямъ, что они с нимъ водились, а козни ѣво не провидѣли. Уже мнѣ грѣшной Владыка Христосъ далъ свое милосердіе, святыхъ отецъ молитвами, познати ево козни и пронырство; а дѣти твои и в то время с нимъ водились, и я на то положила, востъ онѣ и не познали его. А на тебя, матушка, отнюдь у меня никакія досады нѣтъ, ни на дѣтей твоихъ; я вамъ вседушно рада. А дѣтокъ своихъ, Марковна, уйми, чтобы онѣ с такимъ бездѣльникомъ не водились. На ково онѣ меня же променили! Дѣло ль то ихъ, что имъ тому повѣрять, да ложь ко ¹⁾ отцу писать Аввакуму и к прочимъ. Толь ваша, Иванъ старъ да Прокофей, правда, что вы на меня пишете неправду, а тово льстеца, душевнаго супостата, правите; наказаны и вы отъ Христа будете, что вы с нимъ сложилися да писали ложь. Буде вы отъ него не отстанете, то каковъ онъ самъ нагъ ходилъ, таковыхъ и васъ нагихъ поставитъ предъ Христомъ. Таковъ то вашъ учитель! Прержъ сего не любили, а нынѣ вы его возлюбили, да возмутили святыхъ отецъ душами, а сущее вы его преже сего мало любили по дѣлу. А буде вы моихъ грамотокъ не допустите к батюшку и прочтете, или батюшковы посмотрите, то уже подклятвою будете, и вѣчно со мною не знатца вамъ. Откуду вы

¹⁾ Въ подлинникѣ далѣе зачеркнуто: отцемъ писать а Иванъ.

взяли то, что прочитатъ чужія грамотки? И, нынѣ пришли ко мнѣ грамотки просматриваны, батюшковы печати нѣтъ на нихъ—вы прочитали. В которомъ правилѣ взяли? Кто отъ духовныхъ отцовъ или отъ дѣтей духовныхъ прочитаетъ грамотки? Вы что льстите меня? Кормилицею вы меня называете ¹⁾, а я вамъ какая кормилица? Христось васъ питаетъ. И намъ объявилась твоя неправда вся, какъ ты покрывалъ по сопостатѣ моемъ душевномъ, и ложь написалъ ко отцу на меня и на мать на старицу Александру, и на Аксинью с братомъ. Какъ вы Бога не убоялися, на такую мать вознегодовали за то, что будто она мнѣ на васъ возмутила! Ей, напрасно! И будто Анну она возненавидѣла и дѣте[ѣ] ея; а она о Анне безпрестани печется, и дѣтей ея истинно любитъ, и не Анне ино добра хочеть, а сущее ее знаю, что ненависти нѣтъ у нее ни на ково; сущая она раба Христова, Трефильева ученица. И вы сущія рабы Христовы были, какъ с нимъ не водилися; а теперъ ево ученіемъ злоба та на васъ. Затѣваете на отца вы Трефиля, || и на ево послушниковъ хулу принесли—то не ужве зѣло в васъ? Пускай я виновата, простите меня Бога ради, в чомъ я вамъ досадила. Да послала я к тебѣ, матушка, пятнадцать рублевъ денегъ на твою на всякую нужу, а туды к батюшку послала возьми рублевъ, батюшку два рубли одному, да ему-жъ на подѣлъ шесть рублевъ з братьею Христовою. И ты мнѣ отпиши, дойдетъ ли к нимъ. А дѣтямъ своимъ отнюдь не вели грамотокъ просматривать, и заповѣдь положи на нихъ с клятвою, чтобы имъ отнюдь моихъ грамотокъ не прочитатъ и батюшковыхъ. Вѣдаетъ Христось, что я тебѣ, что рождшей матери, рада. Помню твою духовную любовь, какъ ты меня посѣщала и душу мою духовною пищею питала; сущая ты попрежнему ко мнѣ и я к тебѣ истинно-жъ такъ попрежнему рада. А дѣте твои сущія непріатели душевные явились мнѣ, повѣрили такому лукавому мужу; всякихъ онъ бѣсовскихъ козней наполненъ. Аще вы не отстанете отъ него, то вѣчно погибнете и со мною не знайтеся. Простите меня грѣшную, матушка ты, да Иванъ и Прокофей, в словѣ и в дѣлѣ, и в помышленіи, в чомъ я васъ опечалила. А вы мнѣ, Иванъ да Прокофей, зѣло

¹⁾ Въ подлинникѣ: насываете.

опечалили и досадили, что вы на меня и на прочих такъ ко отцу написали; напрасно только бѣсу часть дали. Богъ васъ проститъ; впереть бы такъ не было.

[Письмо неизвѣстной рукою, но въ концѣ приписано боярыней Ѡ. П. Морозовой].

Прости, мать моя возлюбленная, помолися за меня грѣшницу и за сына моево; молю тваго благословенія.

[Неизвѣстной рукою].

Отдать ся грамотка на Мезени протопоповой женѣ Аввакума Настасье или дѣтемъ еѣ.

[Приписано рукою боярыни Ѡ. П. Морозовой].

Послана денегъ двѣнадцать рублей матушке.

Письмо боярыни Ѡ. П. Морозовой къ протопопу Аввакуму.

Благочестивому и чадолюбивому моему и свету душе мо[е]й и радости мо[е]й неизреченой, батюшку Авакуму Петровичю грешная твоя и недостойная, и ленивая, и во гресехъ живущая, и нетерпеливая всемъ человекомъ дасадница, и никому ничево добра не сотворила. Ведаегь Христось Саздатель мой, хочетьца съ Нимъ быть, да какъ Онъ, Светь, подасть помощи, да надеюся грешница на святыхъ атець и ваши праведныя молитвы; молю, милостивой мой, со слезами и прошу твоего благословенія и молитвы, батюшка христоролюбивой мой. Люта, люта мнѣ грешнице в такихъ печаляхъ. А духовныя наши все розна стали, не много, которы правды вовсе держатьца. Да не диво такъ, батюшка: время то пришло. Прости меня, Христа ради, а я всехъ пушына согрешаю. А дети твои не такъ живутъ, какъ ты: пошли за Федоромъ ходить и у него перенели високоумья великое на себя, и гордость положили, и никого человека не поставили, и всехъ стали абманавать. Такъ ихъ съель - и дюшо, и тело; така ане не

атьстануть; не познали за грехъ, за нево умирають. Тол[ь]ко милостивъ Христосъ, за твои молитвы не аоставить, воеъ познаютьца. Люта мнѣ грѣшнице. А я сама такава была, чаела себе всево добрава спасенія, да немного душу не потеряла. Лють сей человекъ; така не покаеца. Многа была писать, да нелъзя. И самъ ты, светъ мой, урозомель, и мнѣ говариваль, и я, грешница, мала слушела, у тебя жа молила: вели жить. А все то сотана виновать, ишетъ, какъ бы душу т[ь]мою поглатить || ¹⁾. Да велико милосердіе Божія и твоя молитва, и што меня Богъ помиловаль, што нетъ ево у насъ. Многа тово писать, што и уму не постижно козней ево. Сотана лють, батюшка, а и горами качаетъ, а нами ему не диво покачатъ. Тол[ь]ка велика милосердіе Божіе. Пиши, светъ, детемъ горазда и запрети, чтобы имъ с нимъ не знатьца, и помолися за меня, чтобы и меня Богъ избавилъ отъ него. И тому Θεодору во всемъ запрети, чтобы в пакаян[і]и былъ. Тол[ь]ка тебя послушетъ, станеть каеца. Такъ ведаешъ, што милостивъ Христосъ. А што х тебе ни пишеть, то все лошъ, прости меня Христа ради. Ну да, чю, послушетъ ли тебя? Бога забылъ и дете[й] твоихъ всякому злу научилъ. За то та на меня твои дети и печальни были. А я на нихъ не дивую; и сами ани тому не ради—имъ онъ видица.

[На оборотѣ, на полѣ].

Прости меня грешницу, добрай человекъ, желея такъ писала, со слезами.

Батюшку Авакуму Петровичю.

[Тамъ-же на оборотѣ № 15 слѣдуетъ № 16].

Письмо протопопы Аввакума къ боярынѣ Ѳ. П. Морозовой.

Я дѣтемъ своимъ велю Θεодора любить—доброй онъ человекъ: прежде тебя я его знаю и давно мнѣ сынъ духовной. Та-

¹⁾ На оборотѣ между строкъ другою рукою: Великому господину святѣйшему Іоасафу, патриарху московскому и всеа Россіи, челомъ бьетъ.

кова то ты разумна—не смогши с корову, да подойникъ о землю! Себя боло тебѣ бить по роже той дурной, какъ и я себя чотками...

[Конецъ не сохранился].

Письмо попа Акиндина Иванова къ протопопу Аввакуму.

Государю моему батюшку, священноіерею Аввакуму Петровичю сынъ твой духовной Акиндинъ Ивановъ благословенія прошаю и много челомъ бію. Пожалуй, батюшко Аввакумъ Петровичъ, ка[къ] ты присовѣтуешь о церкви, что после пожару по новому священа, мошно ли в ней служить, и ты ко мнѣ отпиши; а мнѣ, не вѣдаю, какъ служить, и Тита венчать ли в той церкви; а онъ называетъ костелюю, а меня попомъ не называютъ и сынъ твой Иванъ и, по его речи, духовные ко мне не приходятъ. И о томъ отпиши же, о прощеніи: вд[р]угъ ли попу с людьми, или не вдругъ? И о томъ сумненіе велико. Да пожалу[й], батюшко, пиши о мне Федосьи Прокопьевнѣ, чтобы она была милостива ко мне; а томъ и она в сумненіи, что язъ ставился при Никонѣ, аще меня Богъ сохранилъ, азъ служу у ней, у Прокопьевны. у крестовъ. Затемъ тебѣ, государю моему, много челомъ бію.

[На оборотѣ той же рукою].

Отдати сію грамотку протопопу Аввакуму Петровичю.

[Тамъ же на оборотѣ № 17 слѣдуетъ № 18].

Письмо протопопа Аввакума къ его семьѣ.

Сыну Ивану и Прокопью, с матерью и з братомъ, и с сестрами, з женою и з дочерью, всѣмъ благословеніе. Посланы грамотки к Москвѣ и ты ихъ, прочетше ¹⁾, запечатай и сошли. Да к вамъ же послано девять крестовъ—старецъ трудился. Мнѣ боярня

¹⁾ Въ подлинникѣ прочетше и далѣе да саванъ подчеркнута.

главотяжець да саванъ прислала противъ первыхъ писемъ. Буде отъ нея грамотки вамъ придуть, не распечатывайте. Буде годно, я отселѣ к вамъ пришлю. Паки миръ вамъ. А кресты кедровые послано. Запечатай грамотки, да пошли к Москвѣ.

[На полѣ].

Еще тайнства в крестомъ, а грамотовъ в миръ ¹⁾ не читите, петъ себѣ.

Письмо боярыни Ѡ. П. Морозовой къ протопопу Аввакуму.

Христоролюбивому и благочестивому великому отцу священноіерею, протопопу Аввакуму Петровичю многогрѣшная, недостойная и не могу нареци имени своего за премногое недостойнство, что в великомъ мятежи и в суетѣ, и в лѣности жизнь свою провожаю. За умноженіе грѣховъ моихъ отовсюду великая буря на душу мою, а я грѣшница нетерпѣлива. Помолися, чадолюбивой, милосердой мой отецъ, чтобы мнѣ Владыко далъ терпѣніе и в покаяніи бы меня засталъ, и сына бы моего въ христіанствѣ засталъ и в покаяніи. Молю и прошу со слезами у тебя, батюшко, попроси у Владыки объ моемъ сынѣ и подай благословеніе то, кое ему годно свѣту, что[бъ] ево сочетать законнымъ бракомъ, какъ ему время будетъ, и [чтобъ Владыка] ²⁾ подалъ милость свою, чтобъ далъ супружницу ему благочестиву и ницелюбиву и страннопріимцу, и у всѣхъ умоли, кои есть тамо Христови раби, а имена Богъ ихъ вѣсть. Да и ты. принеси ты молитву, отецъ мой милосердой; да и всѣ бы раби Христовы милости бы просили о семъ дѣле. Я грѣшница у всѣхъ васъ молю вашего благословенія и молитвы, чтобъ Богъ подалъ сыну моему супружницу на спасеніе, да и мнѣ грѣшницѣ, какъ Владыко тебѣ положить, батюшко, на разумъ, тобою подѣйствуетъ. Гдѣ мнѣ взять—изъ добрыя ли породы, или изъ обышныя. Которыя по-

¹⁾ Въ подлинникѣ: вмиръ.

²⁾ Слова: чтобъ... Владыка въ подлинникѣ подчеркнуты.

родою полутче дѣвицы, те похуже, а те дѣвицы лутче, которыя породою похуже. И ты подай свое благословеніе, гдѣ меня Богъ понудить. А нужды ради дѣло то въскорѣ становится: опасаюся, гдѣ не любо, ано понудятъ.

[Письмо неизвѣстной рукою, но въ концѣ приписано боярыней Ѳ. П. Морозовой].

Прости, светъ душе мо[е]й, батюшка, и благослови меня и сына моево; вскоре стала писала, и ты са[мъ] узнаишь, х чему писала.

[Неизвѣстной рукою].

Протопопу Аввакуму.

[На оборотѣ № 19 слѣдуетъ № 20].

Письмо протопопа Аввакума къ боярынѣ Ѳ. П. Морозовой.

Прежде сихъ грамотокъ за четырь мѣсеца понудилъ мя Духъ святой—сыну нашему восхотѣлъ || написать благословеніе к брачному совокупленію: в ноци зжалися духъ мой о немъ и возгорѣся душа моя, да благословенъ будетъ к женитвѣ. И стрельцу у бердыша в топорнице велелъ ящечекъ здѣлать, и заклеилъ своимъ бѣдными руками то посланейце в бердышъ, и далъ с себя ему шубу и денегъ близко полтины, и поклонился ему низко, да отнесеть, Богомъ хранимъ, до рукъ сына моего свѣта, а ящичекъ стрельцу дѣлалъ старецъ Епифаній; а посланейце я никому не показалъ, писалъ ¹⁾ ево и без твоего прошенія: у меня онъ благословенъ будетъ Богомъ. Да пишешь ты ко мнѣ в сихъ грамоткахъ на Ѳедора, сына моего духовнаго, чтобъ мнѣ ему запретить отъ святыхъ тайнъ по твоему велѣнію, и ты, бутто патріархъ, указываешь мнѣ, какъ васъ, детѣй духовныхъ, управлять ко царству небесному. Охъ, увы, горѣ! бѣдная, бѣдная моя духовная власти! Ужъ мнѣ баба указываетъ, какъ мнѣ пасти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иныхъ очищаетъ; сама слѣпа, а зрячимъ путь указываетъ! Образумься! Ветъ ты не вѣдаешь, что

¹⁾ Трудно разобрать; чернила выцвели; можетъ быть—послалъ.

клучишь! Я вѣтъ знаю, что межъ вами с Ѳеодоромъ здѣлалось. Писалъ тебѣ прежь сего в грамотке—пора прошатца; петь худо будетъ; та язва будетъ на тебѣ, которую ты Ѳеодору смышляешь. Никакъ не по человѣку стану судить. Хотя мнѣ тысячу литръ злата давай, не обольстишь, не блюдишь, яко и Епифанія. Евдоксія, дочь ты мнѣ духовная, не идешь у меня ни на небо, ни в бездну. Тяжело тебѣ отъ меня будетъ. Да ужъ приходитъ к тому. Чемъ боло плакать, что насъ не слушала, дѣлала по своему хотѣнію—и привелъ боло діаволь на совершенное паденіе. Да еще надежа моя, упованіе мое, Пресвятая Богородица заступила отъ діавольскаго оскверненія и не дала діаволу осквернить душу мою бѣдную, но союзъ той злый расторгла и разлучила васъ окаянныхъ, к Богу и человѣкомъ поганую вашу любовь разорвала, да в совершенное оскверненіе не впадете. Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челнокомъ, что и Мастридія; она лутче со еди || ¹⁾нымъ окомъ [хотѣла] внити в животъ, нежели двои оцѣ имуще ввержену быть в геену. Да не носи себѣ треуховъ тѣхъ; здѣлай шапку, чтобъ и рожу ту всю закрыла, а то беда на меня твои треухи те.

[На лицевой сторонѣ, на полѣ].

Ну, дружи со мной, не сердитуй же! Правду тебе говорю. Кто ково любить, тотъ о томъ печется, и о немъ промышляетъ предъ Богомъ и человѣки. А вы мнѣ всѣ больны—и ты, и Ѳеодоръ. Не кручинься на Марковну: она ничего сего не знаетъ; простая баба, право.

¹⁾ *Дальнѣйшій текстъ на лицевой сторонѣ.*